

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 4(40)

2025
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2025 № 4(40)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
Н.В. Кухтова (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазиллов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 33 398 50 51

E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Агиевец С.В. Правовые основы оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий 3

Ивашкевич Е.Ф. Становление и развитие конституционной юстиции в странах постсоветского пространства 10

Борботько П.В., Шматков И.И. Социальные сети для профориентационной работы юридического факультета 18

Гасанов А.П. Понятие и правовая природа дисциплинарных взысканий и поощрений в органах прокуратуры Республики Беларусь 24

ЭКОНОМИКА

Солодовников С.Ю., Скорая К.В. Отрицательная процентная ставка как инструмент финансирования модернизации белорусского промышленного комплекса 31

Мирончик В.В., Ванкевич Е.В. Формирование инфраструктуры цифрового консалтинга для развития молодежного предпринимательства в регионе: теоретические и прикладные аспекты 37

Морозова Н.Н., Лаптёнок С.А. Концептуальный подход к анализу развития отраслей сферы услуг на основе их вклада в экономику и обеспечения занятости в регионах Республики Беларусь 48

Лебедева К.О. Некоторые актуальные аспекты теоретического рассмотрения производственной политики предприятия 64

ПСИХОЛОГИЯ

Покоро А.А., Андреева И.Н. Половые различия во взаимосвязях потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности у студентов-выпускников 70

Кухтова Н.В., Сотникова Е.И. Содержательные характеристики просоциального поведения у детей дошкольного и младшего школьного возрастов 78

Стальмакова Ю.В. Психологическое сопровождение адаптации молодых специалистов на предприятиях металлургической отрасли 85

Яковина Л.В. Половые различия в стилях привязанности 91

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2025 № 4(40)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
N.V. Kukhtova (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratshevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 33 398 50 51
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Ahiyevets S.V.* Legal Basis for the Provision of Medical Care Using
Telemedicine Technologies 3
- Ivashkevich E.F.* Formation and Development of Constitution Justice
in Post-Soviet Countries 10
- Borbotko P.V., Shmatkov I.I.* Social Networks in the Career Guidance Work
of the Faculty of Law 18
- Gasanov A.P.* The Concept Legal Nature of Disciplinary Sanctions
and Incentives in the Prosecutor's Offices of the Republic of Belarus 24

ECONOMICS

- Solodovnikov S.Yu., Skoraya K.V.* Negative Interest Rate as a Tool
for Financing the Modernization of the Belarusian Industrial Complex 31
- Mironchik V.V., Vankevich E.V.* Formation of a Digital Consulting
Infrastructure for the Development of Youth Entrepreneurship in the Region:
Theoretical and Applied Aspects 37
- Morozova N.N., Laptенок S.A.* Conceptual Approach to the Analysis
of Development of Service Industries Based on their Contribution
to the Economy and Employment in the Regions of the Republic of Belarus 48
- Lebedeva K.O.* Some Relevant Aspects of Theoretical Consideration
of an Enterprise Production Policy 64

PSYCHOLOGY

- Pokoro A.A., Andreyeva I.N.* Gender Differences in the Relationship
Between Potentially Harmful Styles of Humor and Social and Psychological
Attitudes of Graduate Student Personality 70
- Kukhtova N.V., Sotnikova E.I.* Content Characteristics of Preschool
and Primary School Children Prosocial Behavior 78
- Stalmakova Yu.V.* Psychological Support for Adaptation of Young
Specialists at Metallurgy Enterprises 85
- Yakovina L.V.* Sex Differences in Attachment Styles 91

УДК 349.3:61:004.77

Правовые основы оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий

Агиевец С.В.

Институт социологии НАН Беларуси

В статье рассматриваются особенности правового регулирования оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий, что актуально в условиях широкого применения телемедицины и необходимости обеспечения прав и законных интересов участников данных правоотношений.

Цель исследования — выявление особенностей правового регулирования оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий и определение перспектив его развития в контексте усиления гарантий права на охрану здоровья посредством предоставления доступной и качественной медицинской помощи.

Материал и методы. Работа выполнена на основе анализа нормативных правовых актов, регламентирующих применение телемедицинских технологий, а также научных публикаций. Методологический инструментарий включает в себя общие и специальные методы научного познания: историко-аналитический и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ особенностей оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, которые качественно и количественно изменяются под воздействием, прежде всего, перехода общества к «цифровой» цивилизации, а также усиления процессов интеграции, позволяет раскрыть как проявление общих тенденций в ее развитии, так и особенности, определяемые состоянием законодательства. Проведенный анализ свидетельствует о том, что современное здравоохранение характеризуется спецификой, которая в значительной степени определяется процессами развития цифровых технологий. Оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий не является отдельным видом медицинской помощи.

Заключение. Ученым и законодателю предстоит на системной основе разработать общие подходы в правовом регулировании оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий, а также предусмотреть правовое обеспечение механизмов межгосударственного сотрудничества, связанных с цифровизацией и цифровой трансформацией здравоохранения.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что создание эффективного механизма правового регулирования оказания медицинской помощи на основе телемедицинских технологий позволит усилить гарантии охраны здоровья граждан по обеспечению доступной и качественной медицинской помощи.

Ключевые слова: правовая основа, оказание медицинской помощи, телемедицинские технологии, качество, доступность, охрана здоровья.

Legal Basis for the Provision of Medical Care Using Telemedicine Technologies

Ahiyevets S.V.

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

This article examines the legal regulation of medical care using telemedicine technologies, which is particularly relevant given the widespread use of telemedicine and the need to ensure the rights and legitimate interests of participants in these legal relationships.

The aim of the study is to identify the specific features of legal regulation of the provision of medical care using telemedicine technologies and to determine the prospects for its development in the context of strengthening guarantees of the right to health protection through the provision of accessible and high-quality medical care.

Material and methods. *This work is based on an analysis of regulatory legal acts governing the use of telemedicine technologies, as well as scientific publications. The article utilizes general and specific research methods, including historical analysis and comparative legal analysis.*

Findings and their discussion. *An analysis of the specifics of medical care using telemedicine technologies, which are undergoing qualitative and quantitative changes primarily due to society's transition to a digital civilization and the strengthening of integration processes, allows us to identify both general trends in its development and specific features determined by the state of legislation. The analysis demonstrates that modern healthcare is characterized by features and trends that are largely determined by the development of digital technologies. Providing medical care using telemedicine technologies is not a separate type of medical care.*

Conclusion. *Researchers and legislators must systematically develop common approaches to the legal regulation of medical care using telemedicine technologies, as well as provide legal support for mechanisms for interstate cooperation related to the digitalization and digital transformation of healthcare.*

The results of the study indicate that the creation of an effective mechanism for legal regulation of the provision of medical care based on telemedicine technologies will strengthen guarantees for the protection of citizens' health by ensuring accessible and high-quality medical care.

Key words: legal basis, provision of medical care, telemedicine technologies, quality, accessibility, health protection.

В современных условиях одной из важных составляющих развития системы здравоохранения является активное внедрение цифровых технологий, среди которых наибольшее распространение получили телемедицинские технологии. Оказание медицинской помощи с применением телемедицины способствует совершенствованию системы здравоохранения и расширяет доступ населения к качественной медицинской помощи. Поэтому в соответствии с государственными социальными стандартами по обслуживанию населения все организации здравоохранения Республики Беларусь с 2025 года обеспечивают оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий [1].

Следует согласиться с позицией, что «телемедицина позволит значительно упростить доступ к качественной медицинской помощи в условиях ограниченного доступа к врачам и специализированным учреждениям, что особенно актуально для удаленных и сельских территорий» [2, с. 531]. На сегодняшний день телемедицина стала одной из самых распространенных технологий оказания медицинской помощи среди цифровых технологий, потому что существенно облегчает доступ к помощи за счет сокращения территориальных барьеров, уменьшения времени ожидания и удоб-

ства для пациентов и врачей. Относительная простота внедрения данной цифровой технологии в существующие информационные системы и наличие регуляторных нормативных механизмов делают ее востребованной для здравоохранения. Однако проблемным аспектом остается правовое регулирование оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий в контексте обеспечения права граждан на охрану здоровья. Ученые активно занимаются изучением практик правового обеспечения использования телемедицинских технологий и выработкой рекомендаций по эффективному правовому регулированию общественных отношений в сфере телемедицины, указывая на несовершенство ее правового регулирования [3, с. 27; 4, с. 5]. Так, в исследовании, посвященном правовому регулированию цифровизации медицины евразийского региона, отмечается, что телемедицина получила наибольшее развитие из ИТ-технологий и в широком смысле под ней принято понимать «комплекс организационных, технологических и финансовых мероприятий, обеспечивающих деятельность системы оказания дистанционной консультационно-диагностической медицинской услуги, при которой пациент или врач, непосредственно производящий обследование или лечение

пациента, получает дистанционную консультацию специалиста-медика, используя современные информационно-коммуникационные технологии» [5, с. 102]. Действительно, в юридической доктрине и законодательной практике отсутствуют единые подходы в определении понятия «телемедицина» и зачастую термины «телемедицина», «телемедицинские технологии», «дистанционные медицинские услуги» и многие другие используются как синонимы, что актуализирует научные исследования по выявлению особенностей правового регулирования оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.

Цель исследования — выявление особенностей нормативного правового регулирования оказания медицинской помощи с использованием цифровых технологий.

Материал и методы. Работа выполнена на основе анализа нормативных правовых актов, регламентирующих применение телемедицинских технологий, а также научных публикаций. Методологический инструментарий включает в себя общие и специальные методы научного познания: историко-аналитический и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Развитие телемедицины повлекло необходимость ее нормативного правового регулирования на международном и национальном уровнях.

Всемирная организация здравоохранения дает следующее определение: «телемедицина — предоставление услуг здравоохранения, когда расстояние является критическим фактором, работниками здравоохранения, использующими информационно-коммуникационные технологии для обмена необходимой информацией в целях диагностики, лечения и профилактики заболеваний и травм, проведения исследований и оценок, а также для непрерывного образования медицинских работников в интересах улучшения здоровья населения и развития местных сообществ» [6].

В 2008 году был подписан Меморандум о сотрудничестве государств — участников СНГ в области создания совместимых национальных телемедицинских консультационно-диагностических систем, который сформировал правовую основу для интеграции национальных систем в единую телемедицинскую систему.

Ключевыми документами по вопросам телемедицины в рамках СНГ стали модельный закон «О телемедицинских услугах» (28 октября 2010 г.) и Соглашение о сотрудничестве госу-

дарств — участников Содружества Независимых Государств о создании совместимых национальных телемедицинских систем и дальнейшем их развитии и использовании (19 ноября 2010 г.).

Кроме того, на площадке СНГ в рамках рабочей группы по вопросам интеграции национальных систем электронного здравоохранения утверждена Дорожная карта по развитию трансграничного взаимодействия государств — участников СНГ в области телемедицинского консультирования, в рамках которой предусмотрена проработка ряда мероприятий, направленных на обеспечение трансграничного телемедицинского консультирования в соответствии с национальным законодательством.

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 14 апреля 2023 года № 55-22 утвержден модельный закон «О цифровом здравоохранении», в котором телемедицинские технологии определены как «информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, а также идентификацию и аутентификацию указанных лиц и документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций или дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациентов» [7]. В статье 21 закреплены особенности оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий путем консультирования медицинским работником пациента или его законного представителя, порядка организации дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента, дистанционного взаимодействия медицинских работников между собой [7].

Коллегией Евразийской экономической комиссии 17 декабря 2024 года принята Рекомендация Коллегии комиссии № 26 «О развитии экономического сотрудничества государств — членов Евразийского экономического союза в области здравоохранения в части обеспечения доступности современных достижений в сфере здравоохранения для граждан государств — членов Евразийского экономического союза, оказания высокотехнологичной медицинской помощи гражданам и использования технологий телемедицины». Для эффективного осуществления такого сотрудничества и развития доступа к телемедицине граждан государств — членов ЕАЭС важным является выработка единых подходов к нормативному правовому регулированию данных правоотношений.

В Республике Беларусь в соответствии со статьей 375 Закона Республики Беларуси от 18 июня 1993 года № 243 5-XII «О здравоохранении» (далее — Закон «О здравоохранении») оказание медицинской помощи, медицинское наблюдение и проведение медицинских экспертиз с применением телемедицинских технологий осуществляется в рамках информационного обеспечения в области здравоохранения, то есть является технологией оказания медицинской помощи [8].

В подтверждение этого вывода в статье 377 Закона «О здравоохранении» предусмотрено, что «телемедицинские технологии представляют собой информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами или их законными представителя, указанными в части второй статьи 18 Закона “О здравоохранении” (законный представитель несовершеннолетнего, опекун недееспособного лица, супруг или близкий родственник лица, неспособного по состоянию здоровья к принятию осознанного решения), при необходимости:

- » проведения врачебных консультаций (консилиумов);

- » вынесения дополнительно медицинского заключения по вопросам оценки состояния здоровья пациента, уточнения диагноза, определения прогноза и тактики оказания медицинской помощи;

- » осуществления лечащим врачом дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента после очного приема (осмотра, консультации);

- » проведения медицинских экспертиз.

При оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий лечащим врачом может осуществляться коррекция ранее назначенного лечения при условии установления им диагноза и назначения лечения на очном приеме (осмотре, консультации)» [8].

Определение телемедицины содержится в Положении от 31 октября 2017 года № 1250 «О системе телемедицинского консультирования в Республике Беларусь», в соответствии с которым телемедицина — это «комплекс организационных и технологических мероприятий, обеспечивающих осуществление дистанционного врачебного консилиума и/или врачебной консультации, при которой пациент или врач специалист, непосредственно проводящий обследование или лечение пациента, получает дистанционную консультацию другого врача специалиста с исполь-

зованием информационно коммуникационных технологий» [9]. Данным положением закреплён перечень организаций здравоохранения республиканской системы телемедицинского консультирования первой очереди.

В Республике Беларусь создана республиканская телемедицинская система унифицированного медицинского электронного консультирования и республиканский телемедицинский центр, обеспечивающие взаимодействие медицинских специалистов по модели «врач — врач».

Кроме того, в Республике Беларусь действует Положение об особенностях оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденное Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2021 года № 65 (далее — Положение), которое урегулировало правоотношения медицинских работников разного уровня и пациентов при использовании современных информационно-коммуникационных технологий. Субъектами оказания такой медицинской помощи могут быть организации здравоохранения государственной и частной формы собственности [10].

В дополнение к государственным организациям здравоохранения функционируют коммерческие сервисы частных организаций, предлагающие услуги онлайн-консультаций, в частности, портал 103.by предоставляет сервис «Онлайн-консультации с врачом», благодаря которому возможно взаимодействие пациента и врача посредством видеосвязи. Сервис соответствует требованиям Министерства здравоохранения Республики Беларусь по оказанию подобных консультаций и функционирует как «агрегатор», на базе которого пациенту доступен выбор подключенных медицинских организаций для получения телемедицинской консультации.

В Российской Федерации оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий регулируется Федеральным законом от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон № 323-ФЗ) [11] и Порядком организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденным Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 965н [12].

В Законе № 323-ФЗ, как и в Законе «О здравоохранении» дается определение телемедицинским технологиям, под которыми понимаются «информационные технологии, обеспечивающие

дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента» (статья 2) [11], то есть речь идет об использовании технологической составляющей при оказании медицинской помощи, а не о самостоятельном ее виде, что Министерство здравоохранения Российской Федерации разъяснило в своем письме [13].

Необходимо учитывать, что в соответствии с законодательством для первичного осмотра с целью определения диагноза и лечения пациент должен явиться лично в медицинское учреждение. Телемедицина может использоваться только для сбора данных анамнеза, наблюдения за ходом лечения, профилактики, а также принятия решения о необходимости проведения личного приема пациента (статья 36.2) [11].

В Законе Республики Армения от 4 апреля 1996 года № ЗР-42 «О медицинской помощи и обслуживании населения» (далее — Закон № ЗР-42) используется термин «телемедицина», под которым понимается «медицинская практика проведения дистанционной консультации между врачами, а также между врачом и пациентом при помощи информационных технологий» (статья 2) [14].

В Республике Армения используются две модели взаимодействия субъектов оказания и получения дистанционной медицинской помощи — между медицинскими работниками и по схеме медицинский работник и пациент или его законный представитель. Приказом Министра здравоохранения Республики Армения от 8 июля 2022 года № 42 утвержден Порядок осуществления телемедицины, содержащий обязательные требования, включаемые в процедуру, в соответствии с которым телемедицинская консультация проводится в случаях, если пациент или его законный представитель не в состоянии лично обратиться за медицинской помощью, а также, если местонахождение пациента или его законного представителя, или врача, предоставляющего консультацию, не позволяет встретиться лично.

При наличии согласия врача, предоставляющего консультацию, лечащего врача и пациента или его законного представителя данные обстоятельства могут не учитываться.

Телемедицинская консультация проводится в онлайн-среде с помощью программного приложения, способного записывать и сохранять эту запись.

Для дистанционной консультации между врачами, а также между врачом и пациентом с помощью информационных технологий врачи, предоставляющие консультации, должны быть зарегистрированы в программном приложении.

Врач, предоставляющий телемедицинскую консультацию, принимает заявку на данную медицинскую услугу, при наличии двух условий: пациент или его законный представитель идентифицирован через государственный регистр населения Республики Армения или на основании предоставленного им документа, удостоверяющего личность и персональные данные пациента были обработаны с помощью программного приложения. При проведении дистанционной консультации между врачами без участия пациента данные пациента обезличиваются.

В статье 58 Кодекса Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (далее — Кодекс) закреплены следующие понятия:

» «дистанционные медицинские услуги — предоставление медицинских услуг в целях диагностики, лечения, медицинской реабилитации и профилактики заболеваний и травм, проведения исследований и оценок посредством цифровых технологий, обеспечивающее дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с физическими лицами и (или) их законными представителями, идентификацию указанных лиц, а также документирование совершаемых ими действий;

» телездоровье — дистанционные медицинские услуги, включающие постановку клинического диагноза и мониторинг состояния физического лица на расстоянии, а также другие неклинические функции, такие как профилактика заболеваний, укрепление здоровья, поддержка общественного здравоохранения, медико-санитарное просвещение и научные медицинские исследования;

» национальная телемедицинская сеть Республики Казахстан — сеть стационарных и мобильных телемедицинских центров организаций здравоохранения, находящихся в ведении уполномоченного органа, объединенных защищенной телекоммуникационной инфраструктурой и оснащенных аппаратно-программными комплексами;

» телемедицинская сеть — сеть стационарных и мобильных телемедицинских центров, оснащенных медицинским оборудованием и объединенных посредством информационно-коммуникационных технологий в единое инфор-

мационное пространство для предоставления дистанционных медицинских услуг, обучения и обмена медицинской информацией в электронном формате» [15].

Примечательно, что в статье 129 Кодекса предусмотрено оказание консультативной помощи зарубежными клиниками [15].

В Казахстане в соответствии с Правилами организации, предоставления и оплаты дистанционных медицинских услуг от 1 февраля 2021 г. дистанционные медицинские услуги оказываются в рамках национальной телемедицинской сети, телемедицинской сети медицинской организации, а также с применением носимых медицинских устройств [16].

В Законе Кыргызской Республики от 12 января 2024 года № 14 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» (далее — Закон № 14) используется также, как и в законодательстве Республики Казахстан термин «дистанционные медицинские услуги», который понимается как «предоставление медицинских услуг в целях диагностики, лечения, медицинской реабилитации и профилактики заболеваний и травм, проведения исследований и оценок посредством цифровых технологий, обеспечивающее дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с физическими лицами и (или) их законными представителями, идентификацию указанных лиц, а также документирование совершаемых ими действий» [17].

Также данным Законом № 14 определено понятие «телемедицинская сеть»: «Сеть стационарных и мобильных телемедицинских центров, оснащенных медицинским оборудованием и объединенных посредством информационно-коммуникационных технологий в единое информационное пространство для предоставления дистанционных медицинских услуг, обучения и обмена медицинской информацией в электронном формате» [17].

Цели, задачи, организация телемедицинского консультирования в Кыргызстане закреплены в Типовом положении о системе телемедицинского консультирования [18].

Таким образом анализ законодательства подтверждает точку зрения, что «телемедицинская помощь не является отдельным видом медицинской деятельности, и телемедицинские технологии используются как технологическая составляющая при выполнении работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность» [19, с. 230]. Очевидно, что «телемедицинские технологии представляют собой цифровой инструмент

в рамках организации оказания медицинской помощи, направленный на увеличение ее доступности, а также для повышения качества медицинских услуг» [20, с. 6].

Медицинская помощь с использованием телемедицины может оказываться в виде консультаций между субъектами предоставления медицинской помощи (медицинские работники); консультаций субъекта получения медицинской помощи (пациента или его законного представителя) и субъекта ее оказания (медицинского работника); консилиумов; наблюдения за состоянием здоровья.

И так, в законодательной практике выделяют две основные модели дистанционного взаимодействия — между медицинскими работниками и между врачом и пациентом. При этом взаимодействие между врачами может быть как в присутствии пациента, так и в его отсутствие. Юридическое значение выбора модели взаимодействия заключается не только в субъектном составе участников дистанционной консультации, но и в правовом режиме защиты персональных данных пациента.

При этом получение телемедицинской консультации в России и Беларуси осуществляется только при условии установления пациентом диагноза на личном приеме. В Армении, Казахстане и Кыргызстане такие требования отсутствуют.

Для получения телемедицинской консультации требуется согласие пациента. Медицинское заключение по итогам телемедицинской консультации является официальным документом, информация о котором вносится в соответствующие информационные ресурсы.

Возможность получения дистанционной медицинской консультации зарубежной медицинской организацией предусмотрена только в Республике Казахстан.

Заключение. Необходимо проведение дальнейших научных исследований по определению оптимальных правовых режимов регулирования общественных отношений по оказанию медицинской помощи дистанционно, а также правового обеспечения механизмов межгосударственного сотрудничества, связанных с цифровизацией и цифровой трансформацией здравоохранения.

Создание эффективного механизма правового регулирования оказания медицинской помощи на основе телемедицинских технологий позволяет усилить гарантии охраны здоровья граждан по обеспечению доступной и качественной медицинской помощи.

Литература

1. О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724 : в ред. от 31.12.2024 г. № 1073 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.09.2025).
2. Ефремова, Е.А. Контекст и значение телемедицины в российском и зарубежном праве / Е.А. Ефремова // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 28 марта 2025 г. — Самара: Самар. гос. экон. ун-т, 2025. — С. 529–532.
3. Анализ возможности применения зарубежного опыта оказания телемедицинских услуг в Российской Федерации / И.А. Железнякова, Т.А. Хелисупали, В.В. Омеляновский // Медицинские технологии. Оценка и выбор. — 2020. — № 2(40). — С. 26–34. — URL: [https:// DOI 10.17116/medtech20204002126](https://doi.org/10.17116/medtech20204002126) (дата обращения: 12.09.2025).
4. Организационно-правовые аспекты оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий в Российской Федерации и зарубежных странах / М.А. Мурашко, А.И. Панин, В.П. Чигрина [и др.] // Национальное здравоохранение. — 2024. — № 5(4). — С. 5–19. — URL: <https://doi.org/10.47093/2713-069X.2024.5.4> (дата обращения: 12.09.2025).
5. Анцух, Н.С. Цифровизация медицины: правовое регулирование в Евразийском регионе / Н.С. Анцух // Международные отношения: история, теория, практика: материалы VIII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 1 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Г. Шадуцкий (отв. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2018. — С. 102–105. — URL: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/214370> (дата обращения: 12.09.2025).
6. WHO. A health telematics policy in support of WHO's Health-for-all strategy for global health development: report of the WHO Group Consultation on Health Telematics, 11–16 December, Geneva, 1997. World Health Organization. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/63857> (date of access: 12.09.2025).
7. О цифровом здравоохранении: модельный Закон принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ № 55-22 от 14.04.2023 г. // ilex: информ. правовая система (дата обращения: 12.09.2025).
8. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-XII: с изм. и доп. от 08.08.2024 г. // ilex: информ. правовая система (дата обращения: 12.09.2025).
9. О системе телемедицинского консультирования в Республике Беларусь: положение, утв. приказом М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 31 окт. 2017 г. № 1250 с изм. и доп. от 4 сент. 2024 г. № 1171 // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 12.09.2025).
10. Об особенностях оказания медицинской помощи применением телемедицинских технологий: положение, утв. постановлением М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 28 мая 2021 г. № 65 // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 12.09.2025).
11. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: в ред. от 7 июня 2025 г. № 150-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 22.09.2025).
12. Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: приказ М-ва здравоохранения РФ от 30 нояб. 2017 г. № 965н // Законодательство РФ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71751294> (дата обращения: 12.09.2025).
13. О разъяснении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: письмо М-ва здравоохранения РФ от 9 апр. 2018 г. № 18-2/0579 // Законодательство РФ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71842326/?ysclid=mh86s021p2723053018> (дата обращения: 12.09.2025).
14. О медицинской помощи и обслуживании населения: Закон Респ. Армения от 4 апр. 1996 г. № 3Р-42: в ред. от 11 сент. 2025 г. // Законодательство Респ. Армения. — URL: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&id=7162&lang=rus> (дата обращения: 14.09.2025).
15. О здоровье народа и системе здравоохранения: Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI: в ред. от 16 сент. 2025 г. № 206-VIII // Законодательство Респ. Казахстан. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 12.09.2025).
16. Правила организации, предоставления и оплаты дистанционных медицинских услуг, утв. приказом М-ва здравоохранения Респ. Казахстан от 1 февр. 2021 г. № КР ДСМ-12 // Законодательство Респ. Казахстан. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/documents/details/127157?lang=ru&ysclid=mh87jzcbic384267284> (дата обращения: 16.09.2025).
17. Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике: Закон Кыргызской Респ. от 12 янв. 2024 г. № 14: в ред. от 21 янв. 2025 г. № 22 // Законодательство Кыргызской Респ. — URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5260/edition/1939/ru?ysclid=mfv1y10hky390603815> (дата обращения: 16.09.2025).
18. О системе телемедицинского консультирования: типовое положение, утв. приказом М-ва здравоохранения Кыргызской Респ. от 6 окт. 2015 г. № 574 // Законодательство Кыргызской Респ. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38537105&ysclid=mh87wkdw3h921730592 (дата обращения: 16.09.2025).
19. Ковалевский, С.М. Отдельные проблемы правового регулирования использования телемедицинских технологий в Российской Федерации / С.М. Ковалевский // Медицина и право в XXI веке: сб. тр. XV ежегод. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 22–23 дек. 2023 г. — СПб.: Центр соврем. литературы и книги на Васильевском, 2024. — С. 228–237.
20. Шахова, Т.Г. Организация оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: нормативное правовое регулирование в Российской Федерации / Т.Г. Шахова, О.В. Ходакова // Национальное здравоохранение. — 2025. — Т. 6, № 1. — С. 5–18.

Поступила в редакцию 27.10.2025

Становление и развитие конституционной юстиции в странах постсоветского пространства

Ивашкевич Е.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Организация и функционирование правового государства возможны только при условии обеспечения верховенства Конституции в системе нормативных правовых актов, что предполагает необходимость ее особой правовой защиты. Главным определяющим элементом этого механизма является конституционный контроль. Его роль становится все более значимой, особенно в условиях становления и развития конституционного строя государств на территории постсоветского пространства.

Целью публикации является рассмотрение на основе компаративистского анализа важнейших этапов становления и развития конституционной юстиции в данном регионе, характеристика проблемных аспектов ее функционирования в сложных современных геополитических условиях.

Материал и методы. *Статья написана на основе конституционного законодательства стран постсоветского пространства, научных трудов отечественных и зарубежных правоведов по обсуждаемой проблеме. В процессе работы использованы историко-сравнительный метод и компаративистского правового анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Значимость исследования состоит в комплексном изучении правовой природы и порядка формирования органов конституционной юстиции постсоветских стран, а также правового статуса судей конституционных судов, выявления роли органов конституционного правосудия и особенностей в процессе осуществления ими полномочий, связанных с обеспечением верховенства Конституции государства в иерархии правовых норм, а также защитой фундаментальных прав и свобод человека и гражданина, являющихся в странах СНГ двумя основными функциями органов конституционного контроля.*

Заключение. *В системе органов государственной власти стран СНГ конституционные суды занимают независимое положение от других элементов судебной системы и являются органами специальной конституционной юрисдикции, единственными, наделенными полномочиями принимать окончательные решения по вопросу о конституционности законов и иных нормативных правовых актов (далее — НПА). Важнейшая функция конституционных судов — обеспечение принципа разделения властей, сохранения конституционных ценностей и стабильности конституционного строя. Несмотря на различный объем полномочий конституционных судов стран СНГ, общей тенденцией конституционного реформирования является расширение их компетенции. Значительным шагом в результате конституционного реформирования в Армении, Азербайджане, Беларуси, Кыргызстане и Узбекистане стало закрепление института конституционной жалобы, упрочение принципа приоритета национальных суверенных интересов государства при определении соотношения юридической силы в случае коллизий положений международных договоров и национального законодательства, исходя из гарантированности верховенства Конституции государства и др. Актуальным вопросом является и дальнейшая концептуальная разработка основных направлений и форм международного сотрудничества органов конституционного контроля стран СНГ с учетом новых коммуникативных и информационных систем с целью повышения их конституционно-правового потенциала.*

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционная юстиция, верховенство Конституции, толкование Конституции.

Formation and Development of Constitution Justice in Post-Soviet Countries

Ivashkevich E.F.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The organization and functioning of the rule of law are possible only if the supremacy of the Constitution in the system of normative legal acts is ensured, which implies the need for its special legal protection. The main determining element of this mechanism is constitutional control. Its role is becoming increasingly important, especially in the context of the formation and development of the constitutional system of states in the territory of the post-Soviet space.

The purpose of the publication is to consider, on the basis of a comparative analysis, the main stages of the formation and development of constitutional justice in this region, and to characterize the problematic aspects of its functioning in complex modern geopolitical conditions.

Material and methods. *The article is written on the basis of the constitutional legislation of the post-Soviet countries, scientific works of domestic and foreign legal scholars on the issues under consideration. In the process of work, the historical-comparative method and comparative legal analysis were used.*

Findings and their discussion. The significance of the study lies in the comprehensive study of the legal nature and procedure for the formation of constitutional justice bodies in post-Soviet countries, as well as the legal status of judges of Constitutional Courts, identifying the role of constitutional justice bodies and features in the process of exercising their powers related to ensuring the supremacy of the Constitution of the state in the hierarchy of legal norms, as well as protecting the fundamental rights and freedoms of man and citizen, which are two main functions of constitutional control bodies in the CIS countries.

Conclusion. In the system of state authorities of the CIS countries, Constitutional Courts occupy an independent position from other elements of the judicial system and are bodies of special constitutional jurisdiction, the only ones empowered to make final decisions on the constitutionality of laws and other regulatory legal acts. The most important function of Constitutional Courts is to ensure the principle of separation of powers, preservation of constitutional values and stability of the constitutional system. Despite the different scope of powers of the Constitutional Courts of the CIS countries, the general trend of constitutional reform is the expansion of their competence. Only in recent years, as a result of changes in the legislation of Armenia, Azerbaijan, Belarus, Kyrgyzstan and Uzbekistan, the institution of constitutional complaint has appeared, the principle of priority of national sovereign interests of the state has been strengthened when determining the ratio of legal force in the event of conflicts between the provisions of international treaties and national legislation, based on the guaranteed supremacy of the Constitution of the state, etc. A pressing issue is also the further conceptual development of the main directions and forms of international cooperation of constitutional control bodies of the CIS countries, taking into account new communication and information systems in order to increase their constitutional and legal potential.

Key words: constitutional control, constitutional justice, supremacy of the Constitution, interpretation of the Constitution.

Организация и функционирование правового государства возможны только при условии обеспечения верховенства Конституции в системе нормативных правовых актов, что предполагает необходимость ее особой правовой защиты. Главным определяющим элементом этого механизма является конституционный контроль. Его роль становится все более значимой, особенно в условиях становления и развития конституционного строя государств на территории постсоветского пространства. Даже в государствах с устойчивыми демократическими традициями деятельность в сфере осуществления конституционного контроля является весьма интенсивной, так как необходимо постоянно находить оптимальный баланс между динамичными интересами государства, общества и человека, а основной задачей конституционных судов является предотвращение, минимизация и своевременное устранение рисков и угроз конституционному правопорядку.

Целью публикации является рассмотрение на основе компаративистского анализа важнейших этапов становления и развития конституционной юстиции в данном регионе, характеристика проблемных аспектов ее функционирования в сложных современных геополитических условиях.

Материал и методы. Статья написана на основе конституционного законодательства стран постсоветского пространства, научных трудов отечественных и зарубежных правоведов по обсуждаемой проблеме. В процессе работы использованы историко-сравнительный метод и компаративистского правового анализа.

Результаты и их обсуждение. В современном мире лишь незначительное число государств не имеет конституционной юстиции (Великобри-

тания, Нидерланды, Люксембург, Туркменистан и др.). По мнению правоведа М. Сафьяна, в основе современной конституционной юриспруденции и формирования конституционными судами прецедентного права лежат две концептуальные идеи. С одной стороны, это сходные конституционные формулировки и подходы к содержанию основных прав и свобод человека, которые превращаются в аксиологическую базу национальных правовых систем. С другой — идея иерархического порядка в правовой системе, что позволяет осуществлять контроль за конституционностью деятельности законодателей [1, с. 127].

Становление и развитие конституционного контроля в большинстве постсоветских стран осуществлялось сложно и противоречиво: от закрепления в Конституции до принятия специального закона о Конституционном Суде (далее — КС), а затем до его реального создания, проходил относительно длительный период времени. Обращение к опыту организации и функционирования органов конституционного контроля в других государствах позволяло осмыслить многие проблемы, существующие в построении эффективной системы конституционного контроля.

В юридической литературе даются различные определения понятия «конституционный контроль». С точки зрения Ю.П. Шульженко, конституционный контроль как деятельность компетентных государственных органов по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий нормативных актов конституции законам, в ходе которой данные органы полномочны отменять обнаруженные несоответствия [2, с. 9]. В.С. Нерсисянц под конституционным контролем понимает обеспечение конституционности

и правового характера всей системы общеобязательных актов и норм путем лишения юридической силы тех из них, которые носят антиконституционный, антиправовой характер. В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев считают, что конституционный контроль связан «с проверкой законов с точки зрения их соответствия Конституции» либо «с проверкой и оценкой правовых актов и действий устранения их несоответствия Конституции» [3, с. 11]. С.Э. Несмеянова определяет конституционный контроль как «деятельность специально на то уполномоченных государственных органов, направленную на обеспечение верховенства Конституции, на предупреждение издания не соответствующих Конституции нормативных актов, на установление и устранение неконституционных законов, иных нормативных актов или действий и в случае необходимости применения толкования Конституции и законов» [4, с. 20].

В теории Г. Кельзена на Конституционный Суд возлагается задача так называемого централизованного («концентрированного») судебного конституционного контроля в целях охраны Конституции, закрепляющей основы правового государства. Поэтому Конституционный Суд по существу своей миссии пребывает в состоянии «функциональной коллизии» — потенциальной или реальной — со всеми иными институтами публичной власти, в том числе с другими судами. Эта коллизия прежде всего предопределена тем, что на конституционное правосудие возложено сдерживание нарушений Конституции и авторитарных угроз, от кого бы они ни исходили [5, с. 14–15].

Следует отметить, что каждое из этих определений представляет значительный научный интерес и имеет полное право на существование. Учитывая их в совокупности, можно определить конституционный контроль как деятельность компетентных государственных органов по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий нормативных актов Конституции законам, в ходе которой данные органы полномочны отменять обнаруженные несоответствия.

В современной юридической науке условно можно выделить 3 основных концептуальных подхода в определении правовой природы конституционного суда и его места в системе органов государственной власти. Сторонники первой позиции (В. Чиркин, С. Боботов, Ю. Шульженко, М. Черкес) определяют Конституционный Суд как независимый государственный орган,

осуществляющий функции контроля за конституционностью нормативных правовых актов. В основе второй концепции (Т. Морщакова, Х. Шейнин и др.) содержится положение о том, что Конституционный Суд — это прежде всего судебный орган, осуществляющий правосудие, в котором приоритетным и фундаментальным направлением является защита основных прав и свобод граждан. Сторонники третьего подхода (Б. Эбзеев, Ж. Овсепян, В. Кряжков, В. Шаповал) акцентируют внимание на двойственном характере правовой природы Конституционного Суда. С одной стороны, это судебный орган, с другой — он осуществляет особые полномочия, которые не относятся к судебным функциям.

Некоторые исследователи относят конституционный контроль к самостоятельному виду государственной власти — контрольной [6, с. 11], причем в ее особой высшей форме, что еще больше подчеркивает независимость данного института, необходимую для эффективного, четкого выполнения основной задачи обеспечения сдерживания, противовеса, сбалансированности в системе разделения властей.

Такое своеобразие судебного конституционного контроля основательно показала Ж.И. Овсепян, охарактеризовав следующие его особенности: 1) это связанная с реализацией государственных полномочий разновидность института социального, государственного контроля, осуществляемого постоянно действующими органами; 2) это форма профессионального госконтроля, высшая среди специализированных форм контрольной деятельности; 3) судебный конституционный контроль есть контрольная, правоохранительная деятельность, основанная на преобладании юрисдикционных способов; 4) по сравнению с общим государственным контролем судебный конституционный контроль распространяется не только на сферу управления, но, прежде всего, охватывает сферу нормотворчества; 5) он включает не только нормотворчество, осуществляемое аппаратом управления, но и нормотворчество в системе законодательной власти; 6) он представляет собой специализированный механизм охраны нормативного акта высшей юридической силы — Конституции; 7) это есть высшая (после парламента и референдума) форма конституционного контроля [7, с. 880–891].

Значительный вклад в правопонимание роли и ценности конституционного правосудия внесли белорусские ученые. Разработке данной проблематики в своих научных исследованиях

уделяли весомое внимание Г.А. Василевич, П.Н. Миклашевич, А.Г. Тиковенко, Л.М. Рябцев, Т.М. Кисилёва и др. В марте 2025 г. в Послании Президенту и Национальному собранию «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» Председатель Конституционного Суда П.Н. Миклашевич подчеркивал, что «устойчивое функционирование конституционных институтов народовластия, деятельность на конституционной основе государственных органов и должностных лиц являются важнейшими условиями дальнейшего укрепления суверенной государственности, развития Республики Беларусь демократическим социальным правовым государством» и именно деятельность Конституционного Суда «способствует конституционализации права и правоприменения, укреплению конституционной законности и конституционного правопорядка» [8].

В действующем законодательстве стран СНГ отсутствуют легальные определения понятиям «конституционная законность», «конституционный контроль». В НПА данные термины употребляются лишь в части регламентации полномочий конституционных судов, ввиду чего на практике и в юридической научной литературе последний зачастую необоснованно, с точки зрения белорусского исследователя А.М. Сеницыной, рассматривается в качестве субъекта, единолично ответственного за обеспечение конституционной законности и осуществление конституционного контроля [9]. Существует мнение, что конституционный контроль имеется только в тех странах, где есть писанные конституции, обладающие высшей юридической силой, так как его основная функция состоит в том, чтобы исключить существование в данном государстве правовых актов, противоречащих его основному закону. И действительно, основы конституционного контроля устанавливаются в большинстве государств конституцией страны (субъектов федерации), а также часто специальными законами. Однако есть примеры регулирования института конституционного контроля общими процессуальными нормами, а также судебными прецедентами (ряд стран англосаксонской правовой системы).

В настоящее время во всех государствах, кроме Туркменистана, образовавшихся на постсоветском пространстве, существует специализированный институт конституционного контроля, что, несомненно, является свидетельством его значимости на общегосударственном уровне. Некоторые страны посвятили данному институту

отдельные главы (разделы) в своих конституциях, например, Казахстан (разд. VI). В других странах правовые основы конституционных судов содержатся в главах «Судебная власть» (Азербайджан, Армения, Россия, Узбекистан, Кыргызстан), «Суды и Высший судебный совет» (Армения) либо «Суд» (Беларусь, Таджикистан), включающие как статьи о конституционном суде, так и статьи, посвященные совместно Конституционному Суду и судам общей юрисдикции.

На учреждение судебного конституционного контроля в странах СНГ и выбор в качестве основы именно «континентальной модели» повлияли, по мнению большинства исследователей, следующие факторы. Во-первых, это изменение государственного и политического режима, принятие новых конституций, провозглашающих демократические ценности, принцип верховенства права и конституции, правового государства. Во-вторых, «континентальная» модель организации специализированного конституционного контроля в меньшей степени противоречит принципу разделения властей, чем предоставление всем судам общей юрисдикции полномочий проверять законы на предмет их конституционности при вынесении конкретного судебного решения. В-третьих, аргументом в пользу данного выбора в странах СНГ явилось отсутствие доктрины «прецедентного права». Таким образом, в постсоциалистических государствах произошла имплементация «континентальной» модели конституционного контроля. Смена моделей на определенных этапах организации судебного конституционного контроля (например, в Казахстане и Кыргызстане на смену конституционным судам пришли Конституционный Совет и Конституционная палата Верховного Суда с последующим к ним возвращением) иллюстрирует тот факт, что в практике государственного строительства и конституционной доктрине стран СНГ отсутствовало единое понимание места и роли органов конституционного контроля в государственном механизме.

Какими бы полномочиями ни был наделен орган конституционного правосудия, его правовые позиции всегда получают огромный резонанс и значимость, учитывая, что его решение не может быть отменено, а также как и акты толкования соответствующей конституционной нормы. В то же время действуют два важных ограничения. Во-первых, принцип политической сдержанности, то есть рассмотрение Конституционным Судом исключительно правовых вопросов и отказ от вмешательства в политические вопросы

и ситуации. Во-вторых, принцип «связанной инициативы», согласно которому Конституционный Суд не вправе рассматривать вопрос о конституционности нормативных актов, в том числе законов, исключительно по собственной инициативе.

При формировании конституционных судов стран СНГ можно выделить следующие особенности: 1) в странах СНГ с монокамеральными парламентами (Азербайджан, Кыргызстан) в формировании конституционных судов принимают участие орган законодательной власти и Президент государства, в государствах с бикамеральным парламентом (Россия, Таджикистан, Узбекистан) — традиционно верхняя палата парламента и Президент, хотя могут участвовать и обе палаты парламента, как, например, при формировании Конституционного Суда в Казахстане (4 судей назначается Президентом, по 3 — Сенатом и Мажилисом) [10, ст. 3]; 2) в ряде стран постсоветского пространства — Грузия — состав конституционных судов формирует, как правило, на паритетной основе законодательная, исполнительная и судебная ветви власти, в Армении он избирается Национальным собранием из предложенных по 3 кандидатурам главой государства, правительством и Общим собранием судей (ст. 166 Конституции). После конституционной реформы 2022 г. в Республике Беларусь наделение полномочиями и отстранение Председателя, заместителя и судей Конституционного Суда осуществляется высшим представительным органом страны — Всебелорусским народным собранием (ст. 893, 116 Конституции).

Вместе с тем, например, несмотря на конституционную норму о назначении судей КС Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации (ст. 102), предложения об их кандидатурах могут вноситься парламентскими комитетами обеих палат, Верховным Судом, легислатурами федеральных субъектов, органами судейского и юридического сообщества, юридическими научными и образовательными организациями [11, ст. 9]. Таким образом, характерной особенностью формирования конституционных судов является «смешанная модель» с участием разных органов государственной власти.

В последние десятилетия в результате конституционного реформирования неоднократно менялась численность состава органов конституционной юстиции в странах рассматриваемого региона как в сторону увеличения, так и сокращения. Так, за годы российской независимости наблюдалось увеличение судей КС с 15 до 19 с модификацией

структуры до 2-х палат, так и сокращение его состава по конституционным изменениям 2020 г. до 11 человек с переходом к однопалатности, уменьшение в 2023 г. в Узбекистане с 11 до 9 судей (ст. 132 Конституции, но с увеличением срока пребывания в должности до 10 лет и обязательным представительством от Республики Каракалпакстан). Из анализа конституционного законодательства стран СНГ и других постсоветских стран следует, что в настоящее время численный состав конституционных судов, помимо вышеуказанных, представлен 6 судьями в Молдове (на 6 лет), 7 судьями в Латвии (на 10 лет) и Таджикистане (на 7 лет, 1 из судей в обязательном порядке представляет Горно-Бадахшанскую автономную область, ст. 86 Конституции), 9 судьями в Литве (на 9 лет, ст. 103 Конституции), Азербайджане со сроком полномочий 15 лет (ст. 130 Конституции, отметим, что суд может приступить к своим полномочиям уже при назначении 7 судей), в Армении — на 12 лет (ст. 166), а также в Кыргызстане (ст. 95), 11 судьями, избираемыми сроком на 8 лет, в Казахстане (ст. 71), 12 судей со сроком полномочий 11 лет — в Республике Беларусь (ст. 116). В Армении, Азербайджане, Беларуси, Российской Федерации, Казахстане, Таджикистане, Узбекистане в состав конституционных судов стран СНГ входят Председатель, заместитель Председателя и непосредственно судьи. Конституционный Суд Молдовы имеет только Председателя и судей.

Срочность пребывания в должности судьи Конституционного Суда присуща практически всем органам конституционного контроля в странах рассматриваемого региона, причем, как правило, не предусмотрена возможность переизбрания (Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и др.). Однако, в данном правиле имеются и исключения. Так, в Российской Федерации первоначально судья назначался на 12 лет, после законодательных изменений 2001 г. — на 15 лет, с 2005 г. данный срок не ограничивается и предполагает возможность пребывания на посту до 70 лет (причем, на Председателя КС ограничение предельным возрастом не распространяется) [11, ст. 12]. Аналогичная норма содержится в ч. 6 ст. 95 Конституции Кыргызской Республики. Возможность избрания судей Конституционного Суда на новый срок закреплена ст. 74 Кодекса о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь.

Характеризуя требования, предъявляемые к кандидатам в судьи конституционных судов

в законодательстве постсоветских странах, хотелось бы отметить их несомненную схожесть в возрастных ограничениях (не менее 40 лет с предельным возрастом в 70 лет), наличии высшего юридического образования, высокой профессиональной компетентности, значительного стажа по юридической специальности — 15 лет, знании государственного языка (языков), безупречной репутации. Вместе с тем встречаются особенности. Так, снижен возрастной ценз для судей в Узбекистане и Грузии — с 35 лет, в Таджикистане — с 30 лет одновременно с требованием профессионального стажа не менее 7 лет. Еще более «мягкие» требования предъявляются в Азербайджане: «гражданин.., обладающий правом участия в выборах, ... проработавший по юридической специальности более 5 лет» [12, ст. 11]. Требование наличия степени права содержится в белорусском законодательстве, вызывает интерес формулировка о выдвижении кандидатов из «специалистов политики и права» в Узбекистане, иногда подчеркивается наличие только одного гражданства (где допускается бипатризм), документальное подтверждение знания языка и прохождение, помимо этого, итоговой аттестации (Армения) и др. Обязательным условием является соблюдение принципа несовместимости с иной оплачиваемой деятельностью, кроме научной, педагогической и творческой, членством в политических партиях и занятием политической деятельностью.

Анализируя эволюцию конституционно-правовых норм о компетенции органов конституционной юстиции, можно констатировать, что во всех странах постсоветского пространства они становились все более детализирующими и объемными. Помимо несомненного постулата о проверке на соответствие и непротиворечие конституции законодательных актов, а также актов главы государства и правительства, постепенно они включали и проверку актов административно-территориальных единиц, автономных образований (Нахчыванской Республики в Азербайджане, Республики Каракалпакстан в Узбекистане, Горно-Бадахшанской автономии в Таджикистане), органов местного самоуправления (Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Узбекистан и др.).

Обязательным полномочием является проверка на конституционность международных договоров до их ратификации (ст. 125 Конституции Российской Федерации, ст. 116 Республики Беларусь, ст. 168 Республики Армения, ст. 130 Республики

Азербайджан, ст. 97 Республики Кыргызстан, ст. 72 Республики Казахстан и др.). Конституционной новеллой 2020 г. в Российской Федерации в сфере полномочий органа конституционного правосудия является введение прямого указания на то, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров ... в их истолковании, противоречащем Конституции..., не подлежат исполнению в Российской Федерации» (ст. 79). Конституционный Суд Российской Федерации в законодательно установленном порядке определяет, решения каких международных органов, международных и иностранных судов подлежат исполнению, а каких — нет, то есть закреплена возможность отказа от некоторых решений международных судов «в случае нарушения публичного правопорядка» (ч. 5.1 «б» ст. 125 Конституции).

Полномочием конституционных судов является разрешение споров о компетенции между федеральными органами и субъектов в Российской Федерации («по вертикали»), между «высшими государственными органами» или «ветвями государственной власти» («по горизонтали») — в Азербайджане, Армении, Кыргызстане, России и др.

Помимо вышеназванных, органы конституционной юстиции дают заключения о конституционности вопроса, выносимого на референдум (Россия, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан, Армения — разрешение споров по результатам его проведения), проведения выборов главы государства и парламента (Армения, Беларусь, Казахстан) или проверке и утверждении их результатов (Азербайджан), об отставке, неспособности выполнять свои обязанности или соблюдении порядка выдвижения уголовного обвинения против главы государства (Россия, Кыргызстан, Казахстан, Армения, в Азербайджане КС может сам выступить с инициативой об отрешении от должности), о конституционных поправках (Беларусь, Азербайджан, Кыргызстан).

Интересно, что долгое время в большинстве стран бывшего Союза не была предусмотрена процедура непосредственного обращения граждан в конституционные суды. Данный институт был законодательно предусмотрен относительно недавно в результате конституционного реформирования в Армении, Азербайджане, Беларуси, Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане, причем, в ряде стран данное право предусмотрено не только за физическими, но и юридическими лицами (Узбекистан, Кыргызстан, Армения). Как правило, в законах о статусе органов конституционного

контроля содержится право толковать конституционные нормы. Однако, данное полномочие отсутствует в Таджикистане, где в соответствии со ст. 61 Конституции ее «толкование ... принимает Маджлиси намояндагон и одобряет Маджлиси милли в форме конституционного закона», то есть парламент страны [13].

В конституционном законодательстве встречаются и иные полномочия, не всегда характерные для конституционных судов, а именно: вынесение решения о прекращении депутатских полномочий, наличии оснований для прекращения полномочий руководителя муниципалитета (Армения), в случае систематического или грубого нарушения Президентом и парламентом Конституции (Беларусь), о продлении срока полномочий парламента и президента в военное время (Азербайджан), о законности роспуска парламента, признании резервного кандидата в качестве депутата парламента в случае вакансии (Молдова), рассмотрение вопроса об отводе и самоотводе судей конституционного суда (Беларусь, Узбекистан), о соответствии законодательству актов Генерального прокурора (Узбекистан), решений Верховного Суда (Азербайджан), о позиции Конституционного Суда Республики Беларусь в отношении документов зарубежных государств и международных организаций, затрагивающих национальные интересы страны, о соответствии их общепризнанным принципам и нормам международного права [14] и др. Не во всех странах СНГ органам конституционного правосудия предоставлено право законодательной инициативы. Данное полномочие закреплено в Азербайджане, России и Узбекистане. Право выносить решение о приостановлении или запрете деятельности партии содержится в конституционном законодательстве Армении и др.

В последнее время в новых специальных законах или новых редакциях характерно закрепление отдельных статей, посвященных особенностям электронного формата конституционного судопроизводства. В конституционных судах принимаются электронные обращения, а участники конституционного судопроизводства могут задействовать технические средства для участия в заседаниях. Согласно ст. 30 Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Казахстан» допускается данный способ рассмотрения дела как в частичном, так и полном объеме, материалы оформляются в электронное дело, а акты КС в виде электронного документа удостоверяются «посредством электронной цифровой подписи» [10].

Новеллами являются положения о возможности пересмотра решений Конституционного Суда в случае изменения конституционной нормы, а также по вновь открывшимся существенным обстоятельствам (Беларусь, Казахстан, Узбекистан), более детальное закрепление вопросов о финансировании деятельности КС, социальных гарантиях для судей. Так, в ст. 7 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» подчеркивается не только обязательное отдельной статьей бюджета достаточное финансирование КС, но и невозможность его уменьшения по сравнению с предыдущим годом [11]. Статьей 3 Конституционного закона Республики Армения «О Конституционном Суде» предусмотрен 2-процентный резервный фонд годового бюджета КС, который в случае обоснованного дефицита выполняется из резервного фонда Правительства [15].

Обращаясь к более чем 30-летнему опыту деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь, хотелось бы отметить его существенную роль в обеспечении единства отечественной правовой системы, сохранении фундаментальных конституционных ценностей как важнейшей платформы политической стабильности, общественного согласия и воплощения принципов социального государства, гуманизма, демократизма и социальной справедливости.

Заключение. В системе органов государственной власти стран СНГ конституционные суды занимают независимое положение от других элементов судебной системы и являются органами специальной конституционной юрисдикции, единственными, наделенными полномочиями принимать окончательные решения по вопросу о конституционности законов и иных НПА. Важнейшая функция конституционных судов — обеспечение принципа разделения властей, сохранения конституционных ценностей и стабильности конституционного строя. Деятельность органов конституционного правосудия имела огромное значение для правотворчества и правоприменения стран постсоветского пространства в период становления их независимости и суверенитета, признания на международном уровне как полноправных партнеров, способствовала развитию конституционно-правового мировоззрения и научной теории конституционализма, углублению правопонимания контента дефиниций «конституционность», «конституционная законность», «верховенство конституции», «прямое действие конституции», «конституционно-правовая ответственность» и др.

Несмотря на различный объем полномочий конституционных судов стран СНГ, общей тенденцией конституционного реформирования является расширение их компетенции, круга субъектов обращения, введение в результате конституционного реформирования в Армении, Азербайджане, Беларуси, Кыргызстане и Узбекистане института конституционной жалобы, укрепление принципа приоритета национальных суверенных интересов государства при определении соотношения юридической силы в случае коллизий положений международных договоров и национального законодательства, исходя из гарантированности верховенства Конституции государства и др.

Литература

1. Конституционное правосудие на рубеже веков: материалы междунар. конф., посвящ. 10-летию Конституционного Суда Российской Федерации г. Москва (1–2 нояб. 2001 г.). — М.: Норма, 2002. — 272 с.
2. Шульженко, Ю.Л. Конституционный контроль в России / Ю.Л. Шульженко. — М.: Изд-во ИГ и ПРАН, 1995. — 175 с.
3. Лазарев, Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учеб. пособие / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. — М.: БЕК, 1998. — 462 с.
4. Несмеянова, С.Э. К вопросу о конституционной ответственности / С.Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. — 2002. — № 4. — С. 20–22.
5. Зорькин, В.Д. Конституционное правосудие и смысл / В.Д. Зорькин. — СПб.: Конституц. Суд Рос. Федер., 2021. — 154 с.
6. Чиркин, В.Е. Контрольная власть / В.Е. Чиркин // Государство и право. — 1993. — № 4. — С. 10–18.
7. Овсепян, Ж.И. Конституционное право России: учебник для обучающихся магистратуры, специалитета, аспирантуры и преподавателей: учеб. пособие: в 2 т. / Ж.И. Овсепян. — Ростов н/Д.; Таганрог: Южный фед. ун-т, 2020. — Т. 2. — 1018 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=698725> (дата обращения: 15.08.2025).
8. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь: Решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 12.03.2025 г. № ПР-5/2025 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 04.08.2025).
9. Синицына, А.М. Актуальные вопросы теории конституционного контроля в Республике Беларусь / А.М. Синицына. — URL: <https://elibrary.by/bitstream/123456789/216748/1/405-408.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).
10. О Конституционном Суде Республики Казахстан: Конституц. закон Респ. Казахстан от 05.11.2022 г. № 153-VII: в ред. от 01.07.2023. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39441762 (дата обращения: 29.07.2025).
11. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федер. конституц. закон Рос. Федерации от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 31.07.2023 № 6-ФКЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 04.08.2025).
12. О Конституционном Суде: Закон Азербайджанской Респ. от 23.12.2003 г. № 561-ПQ. — URL: <https://constcourt.gov.az/ru/legislation/30> (дата обращения: 31.07.2025).
13. Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 г.: в ред. от 22.05.2016 г. — URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 09.08.2025).
14. О конституционном судопроизводстве: Закон Респ. Беларусь от 08.01.2014 г. № 124-З: в ред. от 17.07.2023 г. № 284-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.08.2025).
15. О Конституционном Суде: Конституц. закон Респ. Армения от 17.01.2018 г.: в ред. от 26.06.2023 г. НО-233-N. — URL: <https://www.concourt.am/ru/normative-legal-bases/constitutional-law> (дата обращения: 09.08.2025).

Поступила в редакцию 25.08.2025

Социальные сети для профориентационной работы юридического факультета

Борботько П.В., Шматков И.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Попытка закрепиться в цифровой (электронной) сфере, стать узнаваемым и востребованным — важная задача для профориентационной работы 2020–2030-х годов. Процесс оказания образовательных услуг как гражданам Республики Беларусь, так и представителям зарубежных государств выдвигает на повестку дня задачу выбора релевантных средств проведения профориентационной работы. Учитывая последние тенденции в данной сфере, для выхода на зарубежные рынки актуальным становится использование социальных сетей. Для работы с потенциальными студентами из Российской Федерации — это, например, ВКонтакте.

Цель публикации — обобщить опыт использования возможностей социальной сети ВКонтакте, средств и методов ее применения представителями юридического факультета с целью профориентационной работы в 2018–2023 годах.

Материал и методы. *Статья написана на основании анализа поисковых запросов, осуществлявшихся пользователями сети Интернет в период с 2018 по 2023 г. Статистическому учету и анализу подлежали запросы граждан России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Кыргызстана и Беларуси, собранные в электронные базы кампании Яндекс и социальных сетей (Одноклассники, ВКонтакте и т.д.).*

Результаты и их обсуждение. *Поисковые запросы пользователей сети Интернет позволяют сделать выводы о тенденциях на рынке образовательных услуг, напрямую выйти на потенциальных клиентов. На основании многочисленных данных о миллионах аккаунтов, предоставляемых социальными сетями, можно делать прогнозы и строить планы на будущее.*

Заключение. *Выполненное исследование на примере сети ВКонтакте показывает возможности по изучению рынка образовательных услуг. Доказывается высокая степень достоверности информации и выводов, сделанных на основании ее изучения в режиме онлайн (24 x 7). Проводится сравнение возможностей профориентационной работы с использованием ресурсов Интернета с современными и многофункциональными системами по взаимодействию с клиентами.*

Ключевые слова: *социальные сети, ВКонтакте, аккаунт, CRM-система, человеческий капитал, абитуриент, профориентационная работа, цифровизация.*

Social Networks in the Career Guidance Work of the Faculty of Law

Borbotko P.V., Shmatkov I.I.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

An attempt to gain a foothold in the digital (electronic) sphere, to become recognizable and in demand is an important task of the 2020–2030s. The process of providing educational services to both citizens of the Republic of Belarus and representatives of foreign countries puts on the agenda the task of choosing relevant means of career guidance. Taking into account the latest trends in this area, to enter foreign markets the use of social networks is becoming relevant. For working with potential students from the Russian Federation, this is, for example, Vkontakte.

The purpose of the article is to summarize the experience of using the social network Vkontakte, the means and methods of its use by representatives of the Faculty of Law for the purpose of career guidance in 2018–2023.

Material and methods. *The article is based on an analysis of search queries carried out by Internet users in the period from 2018 to 2023. Requests from citizens of the Russian Federation, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan and the Republic of Belarus collected in the electronic databases of Yandex and social networks (Odnoklassniki, Vkontakte, etc.) were subject to statistical accounting and analysis.*

Findings and their discussion. *Internet users' search queries allow us to draw conclusions about trends in the educational services market and directly reach potential customers. Based on the numerous data on millions of accounts provided by social networks, it is possible to make forecasts and make plans for a significant period of time.*

Conclusion. *The conducted research, using the example of the Vkontakte network, shows the possibilities for studying the educational services market. A significant degree of reliability of information and conclusions based on its study online (24 x 7) is proved. The article compares the possibilities of career guidance work conducted using Internet resources with modern and multifunctional customer service systems.*

Key words: *social networks, Vkontakte, account, CRM system, human capital, entrant, career guidance, digitalization.*

В 2018–2022 годах работа с потенциальными абитуриентами испытала ряд сложностей. Во-первых, постепенный переход экономики к новому экономическому укладу. Во-вторых, активный поиск путей цифровизации образования. В-третьих, сложности, вызванные с пандемией и возникновением необходимости изменить традиционные формы и методы работы с абитуриентами.

Социальные сети и их влияние на образование и науку, психоэмоциональное состояние студентов уже несколько лет являются объектом изучения научной мысли [1–7].

Особый интерес со стороны научного сообщества эти вопросы вызывают в связи со всесторонним и углубленным изучением проблемы развития человеческого капитала [8–9].

Вместе с тем поступательное развитие должно сопровождаться изучением практического опыта, нарабатываемого административными структурами УВО (работники деканатов, заведующие кафедрами).

Именно в этих условиях на юридическом факультете ВГУ имени П.М. Машерова шел активный поиск построения новых отношений с потенциальными абитуриентами, проживающими как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. Базовой платформой для этих исследований стали социальные сети: Инстаграм, ВКонтате (далее — ВК), Одноклассники и другие.

Цель статьи — обобщить наиболее интересный опыт по использованию ресурсов ВКонтате. Таким образом, представленная публикация является продолжением нашего исследования, связанного с цифровизацией различных сторон деятельности современного юридического факультета [10–12].

Материал и методы. Статья написана на основании анализа поисковых запросов сети ВКонтате, нашего опыта для работы со студентами и абитуриентами в период с 2018 по 2022 г., обобщения опыта рекламных (таргетированных) кампаний.

Методами исследования являются: логический, конкретно-исторический, анализа, синтеза.

Результаты и их обсуждение. Активное использование сети ВКонтате обусловлено, прежде всего, последними изменениями, происходящими в Российской Федерации. По всей видимости, государство планирует сделать ее основной платформой для общения своих граждан. В случае верности данного предположения, это создает уникальные условия для выхода на российский рынок образовательных услуг.

Вместе с тем, судя по статистике данной социальной сети, в ней представлены (в той или иной степени) пользователи из практически всех регионов и большинства государств мира. Например, таких небольших как Остров Мэн (менее 100 пользователей) и многочисленных как РФ (88 856 000). Для наглядности в таблицу 1 мы свели общие сведения о количестве пользователей из стран, являвшихся для нас в 2018–2023 гг. приоритетными.

Из приведенных данных можно заключить, что работа с использованием возможностей, предоставляемых ВКонтате, позволяет провести исследование рынка общим объемом около 99 миллионов аккаунтов и изучить некоторые его особенности и свойства.

Как уже указывалось в наших предшествующих публикациях, социальная сеть предлагает данные для изучения рынка образовательных услуг как по отдельным регионам (например, регионам РФ), так и по половым, возрастным, профессиональным и другим группам [10]. Например, в 2023 году в ней было зарегистрировано около 56,6 миллиона мужчин и 57,8 миллиона женщин, что позволяет дифференцировать работу с ними по психологическим особенностям.

На основании анализа многочисленных данных ежегодно делались некоторые прогнозы развития сферы услуг вплоть до 2030 года. Учитывая, что в ВК регистрация гражданина проис-

Таблица 1 — Количество пользователей, зарегистрированных во ВКонтате на июнь 2023 года

Государство	Количество зарегистрированных пользователей
Республика Беларусь	3 565 000 аккаунтов пользователей
Республика Казахстан	5 807 000 аккаунтов пользователей
Республика Кыргызстан	492 000 аккаунтов пользователей
Российская Федерация	88 856 000 аккаунтов пользователей
Республика Туркменистан	27 000 аккаунтов пользователей
Республика Узбекистан	470 000 аккаунтов пользователей

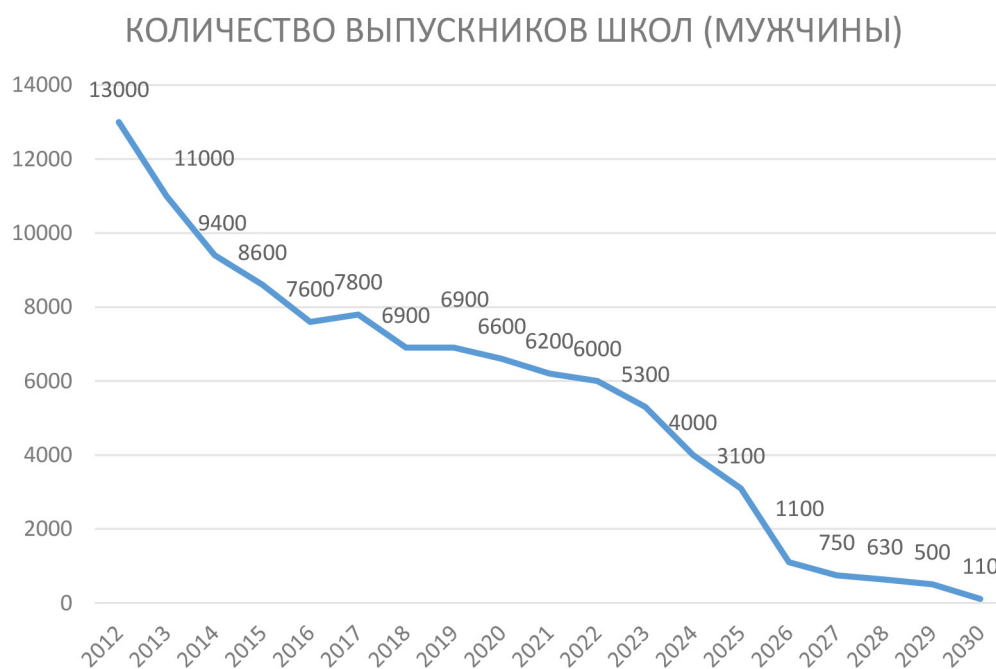

Рисунок 1 — Данные зарегистрированных пользователей (мужчины) 2020 г.

Рисунок 2 — Данные зарегистрированных пользователей (женщины) 2020 г.

ходит примерно в возрасте от 14 лет, открывается возможность делать перспективные прогнозы на 3–7 лет вперед (до момента, когда пользователи аккаунта достигнут возраста 17–18 лет). На рисунках 1 и 2 представлены общие сведения о зарегистрированных пользователях (собраны

в июне 2023 года) из Беларуси. Естественно, каждый год их количество постоянно меняется то в большую, то в меньшую сторону, поэтому все эти цифры «плавающие». Их нужно перепроверять ежегодно. Но за счет большого количество анализируемых данных (миллионы единиц)

Таблица 2 — Выпускники вузов РФ, зарегистрированные во ВКонтакте (по годам окончания вуза)

Год окончания	Мужчин	Женщин	Всего
2023	50 000 человек	56 000 человек	106 000 человек
2024	41 000 человек	41 000 человек	82 000 человек
2025	31 000 человек	26 000 человек	57 000 человек
2026	14 000 человек	11 000 человек	25 000 человек

это существенно не влияет на погрешность выборки. Тем более что их изучение и анализ может производиться в режиме 24 x 7 и открывает возможности для коммуникации с каждым из активных в тот или иной момент времени аккаунтов.

Как показывают графики, составленные в 2023 году, прогнозируемая цифра выпускников довольно условная. Но она позволяет отслеживать их по: регионам, населенным пунктам, конкретным средним школам, колледжам, вузам. Указание учебного заведения может привести на соответствующую группу в ВК. Знакомство с группой дает еще больше информации о предпочтениях, интересах, обсуждениях, перспективах ее членов. Участие в подобных группах создает эмоциональный контакт с потенциальными абитуриентами, дает возможность рекламы услуг факультета.

Для выполнения задач по осуществлению набора в магистратуру или на второе высшее (юридическое) образование подобные прогнозы, графики и таблицы составлялись и в отношении бывших или будущих выпускников вузов для всех перечисленных выше государств. Таблица 2, например, показывает, какое количество выпускников вузов РФ учитывалось при создании таргетированной рекламы в 2018–2023 гг. Здесь необходимо указать, что ресурсы ВК в тот момент времени свидетельствовали о том, что общее количество пользователей с 2000 по 2026 год — 10 217 000 (из них мужчин — 4 236 000, женщин — 5 981 000).

Безусловно, это не все выпускники вузов, а только те лица, которые имеют аккаунт в социальной сети. Удобство состоит в том, что все они доступны через ее ресурсы для общения и предложения им каких-то услуг или ресурсов. Удобство сортировки по регионам и населенным пунктам, например, позволяет выбирать среди них тех, кто наиболее приближен к Витебску географически.

При сборе статистических данных особое внимание уделялось дням рождения будущих

выпускников. ВК суммирует эти данные по дням, неделям или месяцам, вновь предоставляя информацию о каждом «родившемся» по его полу, возрасту, региону, профессии, должности, учебному заведению и т.д. Например, 28 мая 2023 года мы получили сведения, что свой день рождения празднует 340 человек в возрасте 14–18 лет. Из них — 180 зарегистрировались как мужчины, 110 — как женщины. Остальные пол не указали. Эмоциональные отношения с потенциальными поступающими укрепляются за счет поздравления их с праздником, розыгрыша подарков (стикеры ВК) и т.д. Удобство заключается в том, что эти данные автоматически генерируются ИИ сети и доступны в режиме 24 x 7.

В период вступительных кампаний по ЕГЭ и ЦТ, ЦЭ выбор абитуриентами вуза для поступления ВКонтакте был полезен с точки зрения анализа поисковых запросов пользователей по различным учебным предметам. С одной стороны, это позволяло выявлять людей, интересующихся той или иной специальностью (не только во время сбора и анализа данных, но и в перспективе на 5 лет), с другой — оказать им помощь в подготовке по различным предметам. Что, разумеется, работало на имидж факультета. Динамика запросов отслеживается как в конкретный день, так и за период до 30 дней включительно (фактически, это режим живого времени). Для примера, данные за 20 мая 2023 года мы свели в таблицу 3.

По нашей гипотезе, следует отслеживать не только пользователей ВК, которые интересуются юридическими дисциплинами или предметами, необходимыми для поступления на юридический факультет, но и абитуриентов, желающих поступать на другие факультеты. Создавая для них цифровые тренажеры, например, по иностранному языку, мы налаживали коммуникацию с поступающими после окончания вуза для получения второго высшего образования уже к нам.

Подобная система хорошо работала со всеми колледжами Республики Беларусь в отношении

Таблица 3 — Поисковые запросы по учебным предметам (20.05.2023)

Учебный предмет	Граждане Российской Федерации			Граждане Республики Беларусь		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Английский язык	9 000	5 300	3 700	920	470	450
Белорусский язык	—	—	—	910	520	390
Всеобщая история	290	160	130	—	—	—
География	5 600	3 100	2 500	590	260	330
История	29 000	15 000	14 000	1 950	1 000	950
История Беларуси	—	—	—	610	340	270
Математика	18 200	10 000	8 200	880	500	380
Обществоведение	—	—	—	310	160	150
Обществознание	7 700	3 300	4 400	—	—	—
Право	5 600	3 200	2 400	110	110	—
Русская литература	1 470	640	830	—	—	—
Русский язык	20 000	11 000	9 000	1 220	620	600
Физика	10 400	6 900	3 500	830	420	410
Химия	7 800	3 800	4 000	1 610	780	830

установки контактов с потенциальными абитуриентами и выпускниками в момент сдачи выпускных экзаменов. К примеру, это оказало значительную помощь при наборе на сокращенную форму получения образования в 2018–2020 годах.

Еще одним удобством получаемых данных является то, что эти результаты могут быть использованы при планировании перспективных цифр приема на факультет.

Введение магистратуры по специальности «Юриспруденция» показало, что актуальным является вопрос развития форм дистанционного общения с потенциальными поступающими. В период с 2019 по 2023 г. было проведено 4 рекламные кампании для магистрантов. Рекламные материалы (56 видеороликов, 23 презентации, 15 постеров, 7 видеоигр и т.д.) были доступны лицам, заинтересованным в поступлении. Возможность сбора пикселей откликнувшихся на рекламное предложение позволила сделать анализ о предпочтительных формах и методах этой работы. В отличие от рекламы в газетах, по телевизору и т.д. ее результат можно было отслеживать ежедневно. Реклама показывалась не случайному лицу, открывшему газету или включившему телевизор, а конкретному пользователю, который подошел под указанные нами параметры целевой аудитории. Поэтому отклик на нее был существенным: в среднем 2 человека на 500–600 показов (примерно до 15 человек на одну рекламную кампанию).

Данные, сведенные в графики и таблицы, позволили своевременно определить предстоящие трудности с набором июля — августа 2018 года (и принять превентивные успешные меры). Вторым удачным опытом по их использованию был период пандемии. И третьим — открытие магистратуры и объективные трудности по ее рекламе и продвижению.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что практически бесплатные ресурсы ВКонтакте и иных социальных сетей представляют собой своеобразную standalone (облачную) базу данных. Получается, что любой факультет имеет своеобразную бесплатную CRM-систему (custom client manager — система работы с клиентами). Как известно, подобные цифровые ресурсы довольно дороги. В российских рублях, к примеру, они могут достигать до 100 тысяч рублей за подключение одного устройства. ВКонтакте позволяет снизить затраты на их покупку и обслуживание.

Среди удобств ВКонтакте как системы по работе с клиентами, можно указать следующие:

- одновременно поддерживает коммуникацию с неограниченным количеством пользователей;
- удобство работы с ним как на компьютере, так и на мобильном устройстве;
- удобное подключение различных API;
- низкий «порог вхождения» (ясный и понятный интерфейс);
- русская локализация и т.д.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что социальные сети (в данном случае – ВКонтакте) способны заменить собой CRM-систему, которая бесплатно предоставляет информацию о миллионах потенциальных клиентах из различных уголков мира.

Среди неоспоримых удобств данной информационной услуги следует отметить следующее: открывается прямая связь не только с отдельными профессиональными сообществами и группами по интересам, но и выбор целевой аудитории по различным параметрам (пол, возраст, регион, страна проживания, учебное заведение, год окончания школы/вуза и т.д.).

Выборка, осуществляемая на основании анализа миллионов аккаунтов, является репрезентативной, позволяет адекватно оценивать риски профориентационной работы, разрабатывать перспективные планы сроком до 7 лет.

Довольно дешевая реклама не расходуется на случайных зрителей (как при использовании иных средств коммуникации). Она экономит деньги и дает вполне хороший отклик у целевых групп.

Литература

1. Багдасарян, К.Э. Положительное и отрицательное влияние социальных сетей на современных подростков / К.Э. Багдасарян // *Инновации. Наука. Образование*. — 2023. — № 78. — С. 340–345.
2. Кибаров, О.А. Узнаваемость бренда через социальные сети / О.А. Кибаров // *Человек. Социум. Общество*. — 2024. — № 6. — С. 91–94.
3. Косарев, О.В. Использование социальной сети в качестве платформы электронного обучения (на примере социальной сети ВКонтакте) / О.В. Косарев, Е.Г. Водкайло, А.В. Корсуков // *Тенденции развития науки и образования*. — 2025. — № 117-7. — С. 170–175.
4. Кухаренко, Ю.С. Особенности распространения рекламных сообщений в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте») / Ю.С. Кухаренко // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. — 2018. — № 1(27). — С. 171–177.
5. Писарева, А.Н. Некоторые аспекты институционализации социальных сетей в современной России (на примере социальной сети «ВКонтакте») / А.Н. Писарева // *Информация–Коммуникация–Общество*. — 2019. — Т. 1. — С. 250–256.
6. Черкасов, Е.И. Сравнение алгоритмов тематического моделирования при определении тематик постов людей в социальной сети «ВКонтакте» / Е.И. Черкасов // *Евразийский союз ученых*. — 2020. — № 6-2(75). — С. 45–49.
7. Шумилин, В.П. Влияние социальных сетей на процесс обучения студентов / В.П. Шумилин, Н.Г. Шумилина // *Вестник педагогических наук*. — 2021. — № 8. — С. 83–87.
8. Богатырёва, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырёва // *Экономическая наука сегодня*. — 2020. — № 11. — С. 5–11.
9. Богатырёва, В.В. Человеческий и социальный капитал как факторы экономического роста / В.В. Богатырёва // *Проблемы современной экономики*. — 2020. — № 2(74). — С. 53–56.
10. Борботько, П.В. Востребованность электронных образовательных услуг в социальных сетях: юриспруденция / П.В. Борботько, И.И. Шматов // *Актуальные вопросы развития современного общества, экономики и профессионального образования: монография* / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023 — 226 с. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/41278> (дата обращения: 06.07.2025).
11. Борботько, П.В. Место цифровых тренажеров в системе подготовки студентов юридического профиля / П.В. Борботько, И.И. Шматов // *Право. Экономика. Психология*. — 2024. — № 4(36). — С. 24–28. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/45540> (дата обращения: 06.07.2025).
12. Борботько, П.В. Рынок электронных образовательных услуг и выбор научных приоритетов / П.В. Борботько, И.И. Шматов // *Право. Экономика. Психология*. — 2023. — № 4(32). — С. 9–14. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/41278> (дата обращения: 06.07.2025).

Поступила в редакцию 30.09.2025

Понятие и правовая природа дисциплинарных взысканий и поощрений в органах прокуратуры Республики Беларусь

Гасанов А.П.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Система дисциплинарных взысканий и поощрений в органах прокуратуры Республики Беларусь является ключевым элементом, обеспечивающим эффективность их работы и мотивацию прокуроров к добросовестному исполнению служебных обязанностей. Актуальность исследования обусловлена особой ролью прокуратуры в системе государственных органов, поскольку от эффективности применения мер дисциплинарного взыскания и поощрений напрямую зависит уровень служебной дисциплины в органах прокуратуры и, как следствие, общественное доверие к ним со стороны институтов гражданского общества.

Целью настоящей работы является комплексное изучение существующих систем дисциплинарных взысканий и мер поощрений прокуроров, выявление проблемных аспектов и разработка предложений по их совершенствованию.

Материал и методы. Материалом исследования послужили Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», Положение о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 181. Теоретическая основа — работы ведущих ученых в области административного права. В качестве методов были использованы формально-юридический, аналитический и системный.

Результаты и их обсуждение. Закрепленные в законодательстве меры дисциплинарного взыскания и поощрений позволяют комплексно регулировать служебное поведение прокуроров, создавая сбалансированную систему стимулов и ограничений. Авторская классификация дисциплинарных взысканий и поощрений призвана оптимизировать понимание функционального назначения рассматриваемых институтов, что должно повысить эффективность их практического применения.

Заключение. В результате проведенного исследования разработана авторская классификация мер дисциплинарного взыскания, основанная на разделении на морально-репутационные и статусно-правовые по характеру последствий, так и мер поощрения, дифференцированных на оперативные и карьерно-образующие по их функциональному назначению, что позволяет системно анализировать их воздействие на служебное поведение прокуроров.

Ключевые слова: служба в органах прокуратуры, дисциплинарные взыскания, поощрения, служебная дисциплина.

The Concept Legal Nature of Disciplinary Sanctions and Incentives in the Prosecutor's Offices of the Republic of Belarus

Gasanov A.P.

Administration Academy under the Aegis of the President of the Republic of Belarus

The system of disciplinary sanctions and incentives in the prosecutor's office of the Republic of Belarus is a key element in ensuring the effectiveness of their work and motivating prosecutors to conscientiously perform their official duties. The relevance of this study stems from the special role of the prosecutor's office in the state system, as the level of official discipline in prosecutorial bodies and, consequently, public trust in them from civil society institutions, directly depends on the effectiveness of disciplinary sanctions and incentives.

The purpose of this study is to comprehensively examine the existing systems of disciplinary sanctions and incentives for prosecutors, identify problematic aspects, and develop proposals for their improvement.

Material and methods. The study was based on the Law of the Republic of Belarus of May 8, 2007, № 220-Z "On the Prosecutor's Office of the Republic of Belarus", and the Regulation on Service in the Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, approved by Decree of the President of the Republic of Belarus of March 27, 2008, № 181. The theoretical basis for the study was the works of leading scholars in the field of administrative law. The research methods used were formal legal, analytical, and systemic.

Findings and their discussion. Disciplinary sanctions and incentives enshrined in legislation allow for comprehensive regulation of prosecutors' professional conduct, creating a balanced system of incentives and restrictions. The author's classification of disciplinary sanctions and incentives is intended to optimize understanding of the functional purpose of these institutions, which should increase the effectiveness of their practical application.

Conclusion. *The study resulted in the development of a proprietary classification of disciplinary measures based on a distinction between moral-reputational and status-legal measures based on the nature of their consequences, as well as incentive measures differentiated into operational and career-building measures based on their functional purpose. This allows for a systematic analysis of their impact on prosecutors' professional conduct.*

Key words: *service in the prosecutor's office, disciplinary penalties, incentives, official discipline.*

Система дисциплинарных взысканий и поощрений в органах прокуратуры Республики Беларусь представляет собой не просто инструмент кадровой работы, а важнейший элемент обеспечения эффективности и законности всего прокурорского корпуса. Применение поощрений и взысканий подчинено решению двуединой задачи: с одной стороны, мотивации прокуроров к добросовестному поведению исполнению своих служебных обязанностей, а с другой — поддержанию строгой служебной дисциплины. В этом контексте актуальность настоящего исследования обусловлена особой ролью органов прокуратуры в государственном механизме как органа, обеспечивающего верховенство закона, прав и свобод граждан, что требует безупречного уровня дисциплины ее сотрудников. Поэтому эффективность механизмов, регулирующих служебное поведение прокурорских работников, становится ключевым фактором, определяющим уровень публичного доверия со стороны институтов гражданского общества.

Целью настоящей работы является комплексное исследование существенных систем дисциплинарных взысканий и поощрений прокуроров, выявление проблемных аспектов. В рамках достижения обозначенной цели в работе обосновывается и предлагается также новая классификация дисциплинарных взысканий и поощрений, призванная оптимизировать понимание их функционального назначения.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные правовые акты, регулирующие порядок прохождения службы в органах прокуратуры Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее — Закон о прокуратуре), Положение о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 181 (далее — Положение о прохождении службы в органах прокуратуры). Теоретической основой исследования послужили работы ведущих ученых в области административного права. В качестве методов исследования были использованы формально-юридический, аналитический и системный.

Результаты и их обсуждение. Дисциплинарная ответственность является одной из важнейших составляющих процесса прохождения государственной службы, главная задача которой — обеспечение дисциплины в рамках служебного подчинения [1, с. 132]. Как справедливо отмечает М.Б. Добробаба, «с помощью дисциплинарной ответственности могут быть решены как некоторые проблемы обеспечения функционирования эффективной системы государственного управления, создания административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы, так и обеспечена защита прав и законных интересов государственных служащих» [2, с. 3]. Полагаем, что дисциплинарная ответственность направлена на поддержание профессионализма и эффективности государственной службы, а также на соблюдение требований, необходимых для обеспечения общественного доверия к работе государственных служащих.

Непосредственной мерой реализации дисциплинарной ответственности является привлечение лица, совершившего дисциплинарный проступок, к соответствующей мере дисциплинарного взыскания.

Система дисциплинарных взысканий закреплена в п. 60 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры: 1) замечание; 2) выговор; 3) строгий выговор; 4) предупреждение о неполном служебном соответствии; 5) понижение в классном чине на одну ступень ниже имеющегося; 6) лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев; 7) лишение нагрудного знака органов прокуратуры; 8) освобождение от занимаемой должности (увольнение); 9) освобождение от занимаемой должности (увольнение) с лишением классного чина. Закон о прокуратуре в ст. 55 содержит последние четыре из названных взысканий, указывая при этом, что остальные дисциплинарные взыскания исходят из законодательства о труде и законодательства о государственной службе. Анализ представленной системы показывает их упорядоченность по нарастающей строгости воздействия на прокурора, а сам перечень является исчерпывающим.

В юридической литературе имеется несколько классификаций дисциплинарных взысканий. Так, Д.Н. Бахрах выделяет морально-правовые санкции и санкции, изменяющие, прекращающие связи лица с коллективом [3, с. 351]. Э.Л. Лещина классифицирует дисциплинарные взыскания следующим образом: морально-правовые; статусного и имущественного характера; ограничивающие личную свободу; ограничивающие личные неимущественные права; препятствующие дальнейшему прохождению службы и совершению правонарушений [4, с. 48]. А.В. Сергеев делит дисциплинарные взыскания на связанные с моральным осуждением правонарушителя и его деяния и затрагивающие его право на прохождение государственной службы [5, с. 8]. Таким образом, в юридической доктрине дисциплинарные взыскания классифицируются по различным критериям, что отражает их комплексный и многогранный характер.

Исходя из фактических последствий применения той или иной меры дисциплинарного взыскания прокуроров, их можно разделить на две группы: психолого-репутационные и статусно-правовые. Первые представляют собой официальное осуждение поведения прокурора и выражаются в порицании нарушителей дисциплины в служебном коллективе. К ним следует отнести замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, поскольку они схожи по процедуре и последствиям их применения. В результате такого порицания происходит непосредственное воздействие на внутреннюю волю и убеждения правонарушителя. Данные взыскания фокусируются на восприятии личности прокурора его коллегами в коллективе, но они не имеют конкретного выражения в соответствующих неблагоприятных финансовых, служебных и иных последствиях для нарушителя.

Наиболее мягким видом дисциплинарного взыскания является замечание. С точки зрения русского языка замечание – это указание на ошибку [6, с. 327]. Эта мера применяется при незначительных нарушениях служебной дисциплины, которое требует оформления письменного приказа.

Более строгим по сравнению с замечанием дисциплинарным взысканием является выговор. С семантической точки зрения выговор — это строгое словесное внушение [6, с. 176]. Выговор применяется за более существенные проступки, чем замечание. Еще более суровым взысканием является строгий выговор. Полагаем, что строгий выговор должен применяться, когда на прокурора

уже налагались взыскания в виде замечания или выговора и это взыскание является действующим.

Предупреждение о неполном служебном соответствии может применяться в случаях, когда ранее уже применялись меры дисциплинарного воздействия, но прокурор не способен в полной мере (или не желает) выполнять возложенные на него служебные обязанности, допускает неоднократные нарушения служебной дисциплины. Оно играет двойную роль: с одной стороны, несет воспитательный характер и направлено на исправление прокурором своего поведения; с другой — прокурор предупреждается о том, что в последующем к нему может быть применено более строгое взыскание [7, с. 18]. На наш взгляд, предупреждение о неполном служебном соответствии при всей внешней серьезности фактически не отличается от замечания и выговора ни по характеру воздействия на прокурора, ни по фактическим последствиям и автоматически снимается через год. Поэтому согласимся с мнением М.В. Преснякова и С.Е. Чанова в том, что если лицо в момент наложения взыскания не в полной мере соответствует занимаемой должности, то это не значит, что через год он будет ей соответствовать [8, с. 105].

Статусно-правовые меры дисциплинарного воздействия влекут устойчивые изменения в служебно-правовом статусе нарушения, в том числе с материально-правовыми последствиями. Данная категория взысканий обладает выраженной пресекающей направленностью, реализуемой через механизмы индивидуального правового воздействия, и приводит к необратимым или долгосрочным модификациям в служебных правоотношениях. Отличительной особенностью таких мер является их способность кардинально изменять юридический статус субъекта, выходя за рамки временного воспитательного воздействия и приобретая характер правопрекращающих или правообразующих санкций. К этой группе относятся: понижение в классном чине на одну ступень ниже имеющегося; лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев; лишение нагрудного знака органов прокуратуры; освобождение от занимаемой должности (увольнение); освобождение от занимаемой должности (увольнение) с лишением классного чина.

Понижение в классном чине на одну ступень ниже имеющегося является дисциплинарным взысканием, применение которого влечет за собой не только моральные, но и материальные

последствия. В литературе существует мнение о необходимости исключения такого дисциплинарного взыскания, исходя из сомнительной эффективности его применения на практике [9, с. 188]. Однако эффективность этого взыскания не должна вызывать сомнений, поскольку сочетает в себе репутационные издержки с материальными потерями из-за уменьшения выплаты за имеющийся классный чин, что создает действительный инструмент предупреждения нарушений.

Лишение нагрудного знака органов прокуратуры (нагрудный знак «Почетный работник прокуратуры Республики Беларусь» и нагрудный знак отличия прокуратуры Республики Беларусь «За заслуги») происходит за совершение преступления либо грубого дисциплинарного проступка. Эффективность применения данного дисциплинарного взыскания заключается в его глубокой символической ценности, так как нагрудный знак олицетворяет многолетние достижения и безупречную службу, поэтому их лишение наносит серьезный удар по репутации прокурора, что однозначно направлено на укрепление служебной дисциплины.

Наличие дисциплинарного взыскания в виде лишения полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев оправданно ввиду необходимости закрепления материальных дисциплинарных мер. Ю.М. Буравлев полагает, что «меры морального осуждения не всегда способны предотвратить дисциплинарный проступок и не воспринимаются государственным служащим как угроза его положению, нужны более ощутимые меры дестимулирующего характера, ущемляющие виновное лицо в получении материальных благ» [10, с. 121]. К таким выплатам следует относить ежемесячные, ежеквартальные премии и др. [11, с. 10].

Освобождение от занимаемой должности (увольнение) — это крайняя мера дисциплинарного принуждения, к которой прибегают, когда другие меры дисциплинарного воздействия исчерпаны и не дали положительного эффекта. При его применении происходит расторжение контракта с прокурором и государственно-служебные правоотношения прекращаются. Следует отметить, что законодатель рассматривает термины «увольнение» и «освобождение от занимаемой должности» как равноценные понятия, что, необоснованно, поскольку увольнение во всех случаях означает прекращение службы, в то время как освобождение от занимаемой должности может означать перевод на нижестоящую должность

по решению руководителя. Полагаем, что освобождение от занимаемой должности является более широким понятием, чем увольнение, так как кроме прекращения служебных отношений, оно может повлечь за собой и их изменение. В этом контексте наиболее суровое дисциплинарное взыскание следует именовать только как увольнение, что терминологически свойственно отечественной правовой системе, поэтому необходимо внести соответствующие изменения в Положение о прохождении службы в органах прокуратуры.

Более суровым дисциплинарным взысканием является увольнение с лишением классного чина. Отличие между увольнением и освобождением с лишением классного чина заключается в степени тяжести дисциплинарного воздействия на служебный статус работника прокуратуры. Обычное освобождение от должности прекращает служебные отношения, но сохраняет за сотрудником приобретенный классный чин, оставляя возможность его дальнейшего использования при повторном трудоустройстве на государственную службу. В то же время увольнение с лишением классного чина не только прекращает служебные правоотношения, но и полностью аннулирует специальный статус работника, лишая его всех прав и привилегий, связанных с присвоенным званием.

Поощрительная политика, в свою очередь, направлена на «побуждение государственных служащих к заслуженному поведению, а также на поиск новых и оптимизацией существующих видов поощрений для них» [12, с. 71]. Поэтому поощрение играет важную роль в мотивировании высоких результатов управленческого труда и является реальным стимулом для достижения лучших результатов.

Ю.Н. Старилов под поощрением в системе государственной службы понимает «осуществляемую в установленном порядке специальную деятельность государственных органов и должностных лиц, выражающуюся в применении к государственному служащему мер морального и материального стимулирования, основанием чего является признание заслуг государственного служащего, успешное и добросовестное в течение продолжительного времени исполнение им своих должностных обязанностей, а также выполнение заданий особой важности и сложности» [13, с. 137]. По мнению А.Ф. Ноздрачева, поощрением государственных служащих являются «меры морального и материального характера, связанные с публичным признанием заслуг и оказанием общественного почета государственным служащим

за успешное и добросовестное исполнение должностных обязанностей и достигнутые результаты в государственной службе» [14, с. 373]. Согласно представленным дефинициям поощрение выступает значимым инструментом мотивации добросовестной и результативной служебной деятельности. Реализуясь в материальной или моральной форме, оно основывается на официальном признании профессиональных достижений и особых заслуг государственного служащего. Подобный правовой механизм выполняет не только стимулирующую функцию, но и способствует укреплению служебной дисциплины и формированию позитивных моделей поведения.

Меры поощрения прокуроров в усеченном виде закреплены в Законе о прокуратуре (ст. 54) и детально изложены в Положении о прохождении службы в органах прокуратуры (п. 50). К поощрениям прокуроров относятся: «объявление благодарности; денежное вознаграждение; награждение ценным подарком; награждение Почетной грамотой Генерального прокурора; награждение грамотой прокурора области, города Минска; занесение на Доску почета Генеральной прокуратуры; занесение на Доску почета прокуратуры области, города Минска; досрочное присвоение классного чина; присвоение классного чина на одну ступень выше очередного; присвоение очередного классного чина на одну ступень выше положенного по занимаемой должности; награждение нагрудным знаком органов прокуратуры; досрочное снятие дисциплинарного взыскания; иные меры поощрения, предусмотренные законодательством о государственной гражданской службе и о труде». Проанализируем их.

Так, объявление благодарности (п. 50.1 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) является важной формой поощрения прокуроров. Этимологически благодарность означает «официальное выражение высокой оценки чьего-либо труда» [6, с. 87]. Объявление благодарности представляет собой меру поощрения, которая сочетает моральное стимулирование, направленное на укрепление профессиональной самооценки прокурора, с материальным компонентом в виде выплаты единовременного денежного вознаграждения.

Денежное вознаграждение (п. 50.2 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) преследует цель увеличения дохода прокурора. Однако значимость данной меры выходит за сугубо экономические рамки, трансформируя ее в эффективный инструмент мотивации, ориенти-

рующий прокуроров на достижение высоких служебных результатов.

Награждение ценным подарком (п. 50.3 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) как мера поощрения сочетает в себе одновременно элементы материального и морального стимулирования. С одной стороны, передача конкретного материального блага обладает практической ценностью, с другой — сама церемония награждения выполняет важную символическую функцию, выступая актом публичного признания значимости профессионального вклада прокурора в деятельность органов прокуратуры.

Награждение Почетной грамотой Генерального прокурора либо грамотой прокурора области, г. Минска (п. 2 ст. 54 Закона о прокуратуре, п. 50.4–50.5 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) удостоверяет заслуги награжденного прокурора. Данное поощрение акцентирует внимание на индивидуальных профессиональных достижениях прокурора и демонстрирует официальное их признание со стороны руководства. Сочетание с выплатой единовременного денежного вознаграждения подчеркивает комплексный характер этого вида поощрения, гармонично интегрирующего как моральные, так и материальные стимулы.

Занесение на Доску почета Генеральной прокуратуры или на Доску почета прокуратуры области, г. Минска (п. 2 ст. 54 Закона о прокуратуре, п. 50.6–50.7 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) представляет собой акт публичного признания профессиональных достижений прокурора. Визуальная форма данного поощрения, выражающаяся в размещении фотопортретов отличившихся сотрудников, сочетается с материальным стимулом в виде единовременного денежного вознаграждения, что формирует комплексный механизм морального и материального стимулирования.

Досрочное присвоение классного чина, присвоение классного чина на одну ступень выше очередного, присвоение очередного классного чина на одну ступень выше положенного по занимаемой должности (п. 2 ст. 54 Закона о прокуратуре, п. 50.8–50.10 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) свидетельствуют о признании высоких профессиональных заслуг прокурора и особой значимости вклада в работу органов прокуратуры, повышают авторитет прокурора среди коллег. Представляется, что применение указанных мер поощрения создают устойчивую мотивацию к дальнейшей профессиональной реализации. Важным стимулом

выступает и непосредственная материальная выгода, поскольку повышение классного чина влечет за собой и увеличение заработной платы.

Награждение нагрудным знаком органов прокуратуры (п. 2 ст. 54 Закона о прокуратуре, п. 50.11 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) представляет собой важный элемент системы поощрения в органах прокуратуры, свидетельствует об официальном признании заслуг и достижениях прокурора со стороны Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. В органах прокуратуры учреждены нагрудный знак «Почетный работник прокуратуры Республики Беларусь» и нагрудный знак отличия прокуратуры Республики Беларусь «За заслуги». Награждение данными нагрудными знаками выполняет значительную мотивационную функцию, ориентируя прокуроров на непрерывное профессиональное совершенствование, добросовестное выполнение служебных обязанностей и достижение высоких результатов. Стимулирующий эффект данной меры усиливается за счет комплексного характера, сочетающего публичное признание заслуг с материальным поощрением в форме единовременного денежного вознаграждения.

Досрочное снятие дисциплинарного взыскания (п. 2 ст. 54 Закона о прокуратуре, п. 50.12 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры) стимулирует прокурора к исправлению своего поведения и добросовестному исполнению обязанностей. Наложение на прокурора дисциплинарного взыскания ограничивает возможность применения в отношении него каких-либо мер поощрения в течение одного года за исключением досрочного снятия дисциплинарного взыскания.

Проведенный анализ системы поощрений в органах прокуратуры свидетельствует о ее системной целостности и многоаспектности. Действующая модель стимулирования охватывает весь спектр профессиональной деятельности — от оперативного признания текущих заслуг до долгосрочного карьерного роста. При этом большинство мер поощрения носят комплексный характер, сочетая моральные и материальные стимулы. Особое место в этой системе занимает досрочное снятие дисциплинарного взыскания, выступающее в качестве исключительно морального стимула, направленного на исправление служебного поведения и реабилитации сотрудника.

В этом контексте целесообразным представляется предложить авторскую классификацию поощрений прокуроров, основанную на принципе

дифференциации их функционального назначения: оперативные и карьерно-образующие. Такой подход базируется на том, что одни поощрения обеспечивают немедленное реагирование на профессиональные достижения и поддержания текущей мотивации служебной деятельности (оперативные). К ним следует отнести такие, как объявление благодарности, денежное вознаграждение, награждение ценным подарком, награждение Почетной грамотой Генерального прокурора, грамотами прокурора области и г. Минска, занесение на доски почета органов прокуратуры. Другие поощрения создают перспективу долгосрочного профессионального роста, оказывающее стратегическое влияние на профессиональное развитие (карьерно-образующие). К ним относятся награждение нагрудным знаком органов прокуратуры, досрочное присвоение классного чина; присвоение классного чина на одну ступень выше очередного; присвоение очередного классного чина на одну ступень выше положенного по занимаемой должности; досрочное снятие дисциплинарного взыскания. Государственные награды обладают двойственной природой, что позволяет рассматривать их в рамках обеих категорий поощрений. Их стратегическое значение как карьерно-образующего фактора невозможно переоценить — такие награды коренным образом могут изменить профессиональный статус прокурора, открывая новые перспективы служебного роста и формируя устойчивую репутацию.

Представленная классификация отражает системный характер прокурорских поощрений, где оперативные меры создают основу для ежедневной эффективной работы, в то время как карьерно-образующие поощрения формируют долгосрочные профессиональные перспективы. При этом обе группы мер находятся в отношениях взаимодополняемости, образуя целостный механизм мотивации прокуроров. Методологическая ценность данной классификации проявляется в ее способности выявлять системные взаимосвязи между текущим стимулированием и долгосрочными карьерными перспективами. Она позволяет анализировать поощрительную практику не как набор разрозненных мер, а как целостный механизм профессионального становления прокурорских кадров, что в совокупности способствует формированию эффективного корпуса прокурорских кадров.

Заключение. Существующая система дисциплинарных взысканий прокуроров, будучи формально упорядоченной, тем не менее требует некоторых корректировок для оптимизации

ее эффективности. Следует исключить термин «освобождение от занимаемой должности», поскольку он может применяться не только в контексте прекращения служебных отношений, оставив при этом термин «увольнение», определенно означающий прекращение службы вследствие нарушения служебной дисциплины.

Кроме того, сформулирована авторская классификация дисциплинарных взысканий, основанная на принципиально новом подходе к их систематизации, учитывающем не формальные критерии, а характер правовых последствий и механизм воздействия на нарушителя:

морально-репутационные (замечание, выговор, строгий выговор), представляющие собой официальное осуждение поведения прокурора, воздействующее на внутреннюю волю и убеждения нарушителя, без конкретного выражения в соответствующих неблагоприятных для него финансовых и служебных последствиях;

статусно-правовые (понижение в классном чине на одну ступень ниже имеющегося; лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев; лишение нагрудного знака органов прокуратуры; увольнение; увольнение с лишением классного чина), влекущие устойчивое изменение правовое положение нарушителя, сопровождающиеся в том числе материальными последствиями.

Проведенный анализ системы поощрений прокуроров позволил разработать новую классификацию, основанную на функциональном назначении мер поощрения:

оперативные (объявление благодарности, денежное вознаграждение, награждение ценным подарком, награждение Почетной грамотой Генерального прокурора, грамотами прокурора области и г. Минска, занесение на доски почета органов прокуратуры), которые обеспечивают немедленное реагирование на профессиональные достижения и текущую мотивацию служебной деятельности;

карьерно-образующие (награждение нагрудным знаком органов прокуратуры, досрочное присвоение классного чина; присвоение классного чина на одну ступень выше очередного; присвоение очередного классного чина на одну ступень выше положенного по занимаемой должности; досрочное снятие дисциплинарного взыскания), ориентированные на стратегическое развитие и изменение профессионального статуса прокурора, открывая новые перспективы служебного роста и формируя устойчивую репутацию.

Предложенная классификация позволяет рассматривать поощрительную практику как целостный механизм профессионального роста прокуроров, объединяющий оперативное стимулирование текущей деятельности с перспективным карьерным планированием.

Литература

1. Борисов, Н.И. Государственная и муниципальная служба / Н.И. Борисов. — М.: КНОРУС, 2021. — 472 с.
2. Добробаба, М.Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Добробаба Марина Борисовна; Саратов. гос. юрид. акад. — Саратов, 2018. — 49 с.
3. Бахрах, Д.Н. Административное право / Д.Н. Бахрах. — М.: Бек, 1997. — 355 с.
4. Лещина, Э.Л. Система дисциплинарных взысканий, применяемых к государственным служащим Российской Федерации / Э.Л. Лещина // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 1. — С. 40–50.
5. Сергеев, А.В. Актуальные вопросы ответственности государственных служащих по административному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.: 12.00.14 / Сергеев Алексей Валерьевич; Моск. гос. ун-т им М.В. Ломоносова. — М., 2005. — 28 с.
6. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М.: Мир и Образование, 2019. — 1376 с.
7. Писаренко, Е.С. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации / Е.С. Писаренко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 7. — С. 17–19.
8. Пресняков, М.В. Дисциплинарная ответственность гражданских служащих: проблемы нормативной определенности и справедливой дифференциации / М.В. Пресняков, С.Е. Чанов // Трудовое право. — 2009. — № 9. — С. 103–110.
9. Стрельников, В.В. Административно-правовое регулирование службы в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Стрельников Владилен Владимирович; Саратов. гос. акад. права. — Саратов, 2008. — 221 л.
10. Буравлев, Ю.М. Дисциплинарная ответственность государственных служащих (теоретическое и правовое исследование) / Ю.М. Буравлев. — М.: Юрид. норма: ИНФРА-М, 2019. — 160 с.
11. Комментарий к Декрету Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» // Труд и заработная плата. — 2015. — № 1. — С. 9–14.
12. Малько, А.В. Поощрительная правовая политика в сфере государственной службы: проблемы оптимизации / А.В. Малько, Е.В. Типикина // Современное право. — 2012. — № 7. — С. 70–73.
13. Старилов, Ю.Н. Государственная служба и служебное право / Ю.Н. Старилов. — М.: Норма: Инфра-М, 2018. — 239 с.
14. Ноздрачев, А.Ф. Государственная служба / А.Ф. Ноздрачев. — М.: Статут, 1999. — 592 с.

Поступила в редакцию 15.10.2025

УДК 330.35:336.781.5

Отрицательная процентная ставка как инструмент финансирования модернизации белорусского промышленного комплекса

Солодовников С.Ю., Скорая К.В.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

В статье рассматривается отрицательная процентная ставка для насыщения экономики Республики Беларусь «длинными деньгами», которые необходимо направить на модернизацию национального промышленного комплекса. Обойтись при этом без целевой (связанной) денежно-кредитной эмиссии невозможно.

Цель публикации — рассмотреть отрицательную процентную ставку как инструмент финансирования промышленного сектора Республики Беларусь для построения сверхиндустриальной экономики.

Материал и методы. Теоретической основой исследования являются результаты научных и практико-ориентированных трудов в области структурной и промышленной политик; работы отечественных и зарубежных ученых, собственные разработки, посвященные финансированию модернизации национальных экономик. В качестве методологической базы выступают системный, субъективный и институциональный подходы, метод единства исторического и логического, сравнительного анализа, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. В современных условиях, характеризующихся чрезвычайной нестабильностью всех сфер общественной жизни, все больше внимания уделяется промышленности как драйверу экономического роста. Республика Беларусь поставила перед собой задачу построить экономику сверхиндустриального типа, что требует немалых финансовых ресурсов. Решить проблему нехватки инвестиционных ресурсов возможно за счет предоставления промышленности длинных дешевых денег, в т.ч. под отрицательную процентную ставку. Однако финансовыми спекулянтами продвигается идея о неэффективности этого инструмента в обеспечении экономического роста. Тем не менее при осуществлении экономической политики, направленной на модернизацию экономики, интересы промышленного сектора должны быть доминирующими.

Заключение. Задача проведения модернизации белорусской экономики может быть реализована посредством обеспечения промышленного сектора дешевыми длинными деньгами, в т.ч. под отрицательную процентную ставку, что будет способствовать устойчивому экономическому росту страны, решит проблему нехватки инвестиционных средств, а также позволит обеспечить обновление основных средств и повысить норму вложений в основной капитал. Без целевой денежно-кредитной эмиссии не обойтись, а при эффективном расходовании денежных средств рост инфляции будет незначительным.

Ключевые слова: отрицательная процентная ставка, новая индустриализация, спекулятивные финансы.

Negative Interest Rate as a Tool for Financing the Modernization of the Belarusian Industrial Complex

Solodovnikov S.Yu., Skoraya K.V.

Education Establishment "Belarusian National Technical University"

The article examines the negative interest rate for saturating the economy of the Republic of Belarus with long money that must be used to modernize the national industrial complex. At the same time, it is impossible to do without targeted (tied) monetary emission.

The purpose of the article is to consider the negative interest rate as a tool for financing the industrial sector of the Republic of Belarus for the construction of a super-industrial economy.

Materials and methods. *The theoretical basis of the study is the results of scientific and practice-oriented works in the field of structural and industrial policies; works of domestic and foreign scientists, own developments devoted to financing the modernization of national economies.*

Findings and their discussion. *In modern conditions, characterized by extreme instability in all spheres of public life, more and more attention is paid to industry as a driver of economic growth. The Republic of Belarus has set itself the task of building a super-industrial economy, which requires considerable financial resources. It is possible to solve the problem of lack of investment resources by providing industry with long-term cheap money, including at a negative interest rate. However, financial speculators promote the idea of the inefficiency of this instrument in ensuring economic growth. Nevertheless, when implementing economic policy aimed at modernizing the economy, the interests of the industrial sector should be dominant.*

Conclusion. *The task of modernizing the Belarusian economy can be solved by providing the industrial sector with cheap long-term money, including at a negative interest rate, which will ensure sustainable economic growth of the country, solve the problem of lack of investment funds, and also ensure the renewal of fixed assets and increase the rate of investment in fixed capital. It is impossible to do without targeted monetary emission, and with effective spending of funds, the growth of inflation will be insignificant.*

Key words: *negative interest rate, new industrialization, speculative finance.*

В последнее время все более очевидными становятся конфликты, долгое время назревавшие между странами коллективного Запада и всем остальным миром. Усиление санкционного давления, попытки стран-лидеров удержать свое влияние на международной арене, подкрепляемое ростом различных видов неопределенностей и рисков, предугадать которые сегодня становится практически невозможно, приводят к усилению экономики рисков, под которой нами понимается «...экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе непредсказуемы – “черные лебеди”, “эффект сверхуверенности” и т.д.». [1, с. 45]. Для обеспечения устойчивости национальных экономик главным образом развитые и большинство развивающиеся страны обращаются к возрождению роли

промышленности как к драйверу экономического роста национальных экономик.

Все больше зарубежных исследователей изучают проблемы индустриального сектора и структурной политики – Д. Родрик, Д. Симон, А. Биранг, К. Чу, и др. В русскоязычной литературе активно обсуждается проблематика структурной и промышленной политики (С.Ю. Глазьев, Е.В. Бодрова, В.В. Ивантер, О.С. Сухарев). Достижениями белорусских ученых-экономистов (И.М. Абрамов, В.Л. Гурский, Л.Н. Нехорошева, И.А. Михайлова-Станюта, М.В. Мясникович, С.В. Курегян, А.Н. Тур и многие другие) стало выявление особенностей промышленных циклов на советском пространстве, раскрытие стратегической роли структурной политики и роли инноваций в модернизации белорусской промышленности, разработка механизмов подготовки кадров для белорусской промышленности. Вместе с тем до настоящего времени остается нерешенной проблема обоснованности выбора инструментов реализации экономической политики Республики Беларусь в контексте создания сверхиндустриальной социально ориентированной экономики. Эта цель требует соответствующих инструментов реализации современной экономической политики. В качестве главных (агрегированных) инструментов экономической политики можно

рассматривать промышленную, финансовую, социальную, структурную, демографическую, экологическую, внешнюю политику и т.д. Если перед обществом стоит задача провести новую индустриализацию для создания сверхиндустриальной экономики, то приоритетным инструментом становится промышленная политика, именно ей должны подчиняться все остальные политики. Промышленный сектор Республики Беларусь обладает объективной потребностью получения финансовых ресурсов для проведения последовательной модернизации. Тем не менее финансовый сектор оторван от промышленности и зачастую вместо поставки инвестиционных ресурсов промышленным предприятиям занимается увеличением собственной прибыли.

Цель публикации — рассмотреть отрицательную процентную ставку как инструмент финансирования промышленного сектора Республики Беларусь для построения сверхиндустриальной экономики.

Материал и методы. Теоретической основой исследования являются результаты научных и практико-ориентированных трудов в области структурной и промышленной политик; работы отечественных и зарубежных ученых, собственные разработки, посвященные финансированию модернизации национальных экономик. В качестве методологической базы выступают системный, субъективный и институциональный подходы, метод единства исторического и логического, сравнительного анализа, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. При формировании сверхиндустриальной экономики, по мнению Ю.В. Мелешко, должно произойти «смещение фокуса с развития конкретных технологий на новую индустриализацию» [2, с. 359], которая в свою очередь «...должна стать основой развития промышленного производства» [2, с. 359]. Новая индустриализация требует глубокой структурной перестройки экономики: росту наукоемких и технологичных секторов, сектора услуг промышленного характера. Необходим также и пересмотр роли финансов и финансового сектора в целом в национальной экономике. Цель по формированию сверхиндустриальной экономики в Республике Беларусь требует использования соответствующих инструментов реализации современной экономической политики. Если перед обществом стоит задача провести новую индустриализацию для создания сверхиндустриальной экономики, то приоритетным инструментом

становится промышленная политика, именно ей должны подчиняться все остальные политики. Под промышленной политикой нами будет пониматься «система принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности и связанных с ней сферах деятельности посредством разработки и реализации долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса» [3, с. 170]. В социально ориентированной экономике социальная политика может и должна вносить заметные коррективы в экономическую политику.

Для Республики Беларусь, поставившей перед собой задачу провести последовательную модернизацию и сформировать национальную экономику как сверхиндустриальную, уже давно существует проблема обеспечения ресурсами, в т.ч. финансовыми. К маю 2025 года объем кредиторской задолженности белорусских организаций составил 111,1 млрд руб., в том числе просроченная — 12,8 млрд руб. [4], в то время как «чистая прибыль банков составила 227 млн рублей — на 26,4 млн рублей больше, чем в январе 2024 года» [5]. Профессор В.Ф. Байнев и его коллеги по этому поводу отмечают следующее: «К сожалению, в Беларуси пока нет осознания первостепенной значимости индустриализации и приоритетного развития ее индустриально-промышленного комплекса, увы, служащего источником для “выкачивания” из него добавленной стоимости в посреднический сектор, в частности в банковскую систему. <...> “кредитная удавка” на шее отечественного бизнеса позволила банковской системе в прошлом году, согласно официальным данным Национального банка Республики Беларусь, увеличить прибыль на 10,3 % <...>, что свидетельствует о масштабном “вымывании” оборотных средств отечественных предприятий в банки» [6, с. 13]. Так, долговое бремя предприятий фактически ложится на плечи государства и не позволяет развивать реальный сектор экономики, поскольку именно государство заинтересовано в обеспечении социально-экономической стабильности, которая возможна исключительно при наличии эффективного национального промышленного комплекса как комплекса по созданию материальных благ, а также обеспечения занятости населения, росту их доходов и экономического роста в целом.

Проблема обеспечения экономики нашей страны финансовыми ресурсами может быть решена посредством обеспечения ее дешевыми

длинными деньгами, в том числе под отрицательную процентную ставку. Подчеркнем, что «сегодня под отрицательной процентной ставкой понимается передача на этих условиях кредитных ресурсов от центрального банка банкам коммерческим, которые затем кредитуют этими денежными средствами население. При этом коммерческие банки добавляют свою маржу, в результате чего население, как правило, возвращает банку сумму хоть незначительно, но большую, чем сумма полученного кредита» [7, с. 186]. Однако сторонники либерального подхода критикуют отрицательную процентную ставку и связанную с ней целевую эмиссию. Позиция А.Н. Буренина следующая: «Отрицательные ставки возникли как следствие экономических трудностей, с которыми столкнулись страны с рыночной экономикой в результате кризиса 2007–2008 гг.» [8, с. 263]. Отрицательные процентные ставки могут «...заставить инвесторов обратить внимание на более рискованные активы в поисках положительных доходностей. Это в свою очередь может привести к пузырям на рынке недвижимости и финансовых активов [2, р. 2]» [8, с. 266].

По нашему мнению, в случае если экономическая политика ориентирована на опережающее развитие промышленности, а не на «раздувание» экономики финансовыми активами, то длинные дешевые деньги под отрицательную процентную ставку, во-первых, позволят обеспечить устойчивый экономический рост страны, во-вторых, решит проблему нехватки инвестиционных средств, в-третьих, позволит обеспечить обновление основных средств и повысить норму вложений в основной капитал. А.Н. Буренин также отмечает, что «отрицательная или очень низкая доходность по депозитам также должна заставлять домашние хозяйства искать другие активы для сохранения и приумножения дохода. Так, по информации агентства Блумберг, в Японии увеличился спрос на золото как альтернативу депозитам, которые приносят очень низкий процент [13]» [8, с. 265]. Но, в случае наличия в стране сильного харизматичного лидера и его личных гарантий обеспечения стабильности в период снижения процентных ставок до отрицательных значений, высокого уровня накопленного социального капитала, а также обеспечения в стране высоких темпов экономического роста (например, двузначных), отрицательная процентная ставка будет восприниматься домашними хозяйствами положительно, вследствие высокого уровня доверия к государству и его главе, росту благосостояния

и т.д. «Возникает вопрос, почему инвесторы готовы держать бумаги с отрицательной доходностью? Во-первых, движущим мотивом может выступать спекулятивный элемент» [8, с. 266], — пишет А.Н. Буренин. Из-за возможности уменьшения суммы доходов финансовых спекулянтов, прогнозы в отношении применения отрицательной процентной ставки как инструмента монетарной политики крайне негативны, хотя, очевидно, факт того, что «отношение стоимости финансовых активов к мировому ВВП увеличилось с 195 до 375%» [7, с. 8] ничуть не указывает на спекулятивный характер глобальных финансов в целом и дело в отрицательных процентных ставках.

Задача обеспечения реального сектора экономики дешевыми длинными деньгами во многом осложняется экспортом общественно-функциональных технологий. Так, происходит навязывание определенных моделей социально-экономического поведения членам общества, моделей хозяйствования и менталитета вследствие разрушения мифа о том, что «...если последовательно и беспрекословно следовать всем рекомендациям МВФ, Всемирного Банка и иных ангажированных США международных организаций, то развивающиеся страны безусловно достигнут уровня экономического развития стран золотого миллиарда. Поскольку практика показала прямо противоположный результат, то для сохранения идеологического влияния коллективного Запада ему потребовалось радикальное обновление существующих исследовательских парадигм в области экономики и экологии» [9, с. 9].

Р.И. Капелюшников по этому поводу пишет: «Взлет нового движения был стремительным: возникнув на волне “эмпирического поворота” в экономической науке на рубеже 1990–2000-х гг., оно быстро завоевало широкое признание среди не только академических исследователей, но и политиков <...> Практически мгновенно оно стало не просто частью, но передним краем экономического мейнстрима <...> За считанные годы сформировалось глобальное сообщество рандомистов: существуют десятки международных центров, организующих и финансирующих проведение RCT» [10, с. 6]. В сущности, апологетами рандомизма продвигается идея о необходимости точечных интервенций на основе собранных экспериментальных данных, без выяснения причин возникновения и факторов, оказавших влияние на то или иное явление и сокрытия всего касающегося «...реальных предпосылок богатства и процветания евро-американской цивилизации»

[11, с. 17]. Вышеназванный автор также придерживается мнения, что «конечная цель движения — создание универсальной базы данных о “хороших” и “плохих” формах политики развития, чтобы правительства и частные спонсоры могли делать осознанный выбор на основе полного списка “того, что работает” и “того, что не работает”» [10, с. 7]. Результатом таких «рекомендаций» становится финансовая глобализация экономик и распространение глобальных спекулятивных финансов.

Усиленная глобализация финансов и становление их спекулятивными во многом обеспечивается за счет подрыва «...объективных основ денег как товара — всеобщего эквивалента вследствие мощного государственного регулирования, развитие различных нормативов, форм ассоциирования трудящихся и граждан как альтернатив власти денег, отказ от золотого стандарта и окончательный переход к системе, где сознательно регулируемый государством агрегат — свободно конвертируемая валюта, прежде всего доллар, — становится субституту денег как объективного всеобщего эквивалента» [12, с. 399]. Так, финансы становятся самостоятельным инструментом получения экономической выгоды за счет их перепродажи, не обеспеченные реальными активами, и выступают средством обеспечения частных экономических интересов, а не направленных на усиление жизнеспособности общества. Источником самовозрастания финансов является кредитная система совместно с системой фондовых рынков.

Как нами отмечалось ранее, «в настоящее время в экономической науке все большее значение приобретает изучение сотрудничества между хозяйственными субъектами как основы повышения их конкурентоспособности. При этом акцент делается на том обстоятельстве, что смитовские взгляды на рыночную ситуацию, как поле конкурентной борьбы всех со всеми сегодня безнадежно устарели» [13, с. 188]. Для проведения модернизации белорусской экономики необходимо смещение фокуса с интересов финансового сектора над промышленным. «Зачастую интересы промышленного и финансового секторов вступают в противоречие. Опережающее развитие финансового сектора приводит к тому, что добавленная стоимость, создаваемая в реальном секторе экономики, перераспределяется через современные механизмы финансирования в пользу банков, тем самым обеспечивая им сверхприбыльность» [14, с. 16].

С.Ю. Глазьев в программе «12 шагов для экономического развития России» подчеркивает, что ежегодный прирост денежной массы

в Российской Федерации за несколько ближайших лет должен составить до 20 трлн российских рублей. В рамках такой экономической политики «целевые средства Центрального банка РФ должны предоставляться уполномоченным банкам для кредитования конкретных направлений, соответствующих стратегическим приоритетам развития экономики. Эти средства могут предоставляться банкам по ставкам ниже ключевой и на более длительные, чем традиционные инструменты рефинансирования, сроки; в свою очередь банки кредитуют целевые отрасли по ставкам также ниже ключевой ставки. И поскольку средства предоставляются на длительные сроки (для реализации инвестпроектов), доля “длинных денег” в структуре денежной массы возрастает. <...> Направление средств по целевым каналам обязано соответствовать “точкам роста”, т.е. тем ключевым сегментам экономики, активизация которых обеспечивает наибольший эффект в отношении ускорения и повышения качества роста национальной экономики. <...> В целом использование механизма целевой долгосрочной эмиссии будет, на наш взгляд, способствовать: а) насыщению экономики “длинными деньгами”; б) диверсификации инструментов на рынке; в) оживлению соответствующего сегмента рынка; г) снижению процентных ставок. Кроме того, центробанковское участие в указанных механизмах позволит осуществлять необходимое финансирование бюджетных задач, не сокращая ликвидность финансового рынка в целом» [15, с. 34–35].

Для Республики Беларусь вышеназванные инструменты финансирования экономической политики за счет целевого насыщения экономики «длинными деньгами» представляются сегодня наиболее целесообразными. По нашему мнению, пытаться обойтись при этом без целевой (связанной) денежно-кредитной эмиссии, невозможно. Для Республики Беларусь эта эмиссия должна отличаться от российской, прежде всего, кредитованием инвестиционных проектов в реальном секторе экономики под низкий или отрицательный процент, софинансирование ипотечного и инфраструктурного строительства, а также импортозамещением и производством товаров для государственных нужд. В данном случае очень важно правильно определить приоритеты развития национального промышленного комплекса как основы проведения современной структурной политики. Не следует излишне бояться роста инфляции, поскольку последняя будет представлять реальную угрозу только в случае

неэффективного (или нецелевого) расходования финансовых ресурсов.

Заключение. Таким образом, несмотря на значительное количество дискуссий в научном сообществе по поводу применения отрицательной процентной ставки как инструмента финансирования модернизации экономики, с нашей точки зрения, при наличии сильного харизматичного лидера и поддержке выбранного курса экономической политики большей частью населения, отрицательная процентная ставка может устранить нехватку денежных средств у промышленных предприятий и обеспечить последовательное построение в Республике Беларусь сверхиндустриальной экономики.

Литература

1. Солодовников, С.Ю. Современная экономика — экономика рисков / С.Ю. Солодовников // Друкеровский вестник. — 2019. — № 5. — С. 43–56. — DOI: 10.17213/2312-6469 — 2019 — 5 — 43 — 56.
2. Мелешко, Ю.В. Новая индустриализация и тенденции модернизации белорусской промышленности / Ю.В. Мелешко // Наука и техника. — 2021. — Т. 20, № 4. — С. 357–364. — URL: <https://doi.org/10.21122/2227-1031-2021-20-4-357-364> (дата обращения 10.06.2025).
3. Модернизация белорусской промышленности в новых технологических и геоэкономических условиях / В.Л. Гурский, С.Ю. Солодовников, Т.В. Сергиевич [и др.]. — Минск: РУП «Изд. дом “Беларус. навука”», 2021. — 728 с.
4. О финансовых результатах работы организаций на 1 мая 2025 г.* // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: https://www.belstat.gov.by/obelstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/o_finansovykh_rezultatakh_raboty_organizatsiy_na_1_maya_2025_g/?sphrase_id=2219680 (дата обращения: 29.06.2025).
5. Белорусские банки в январе увеличили и прибыль, и отчисления в резервы // Select. BY. — URL: <https://select.by/news/beloruskie-banki-v-yanvare-uvelichili-i-pribyl-i-23863> (дата обращения 29.06.2025).
6. Байнев, В.Ф. Цифровая индустриализация Китая: урок для Беларуси / В.Ф. Байнев, Ч. Бинь, Г. Минсин // Университет — территория опережающего развития: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: Ю.Я. Романовский (гл. ред.) [и др.]. — Гродно, 2020. — С. 11–14.
7. Солодовников, С.Ю. Парадигмальный кризис белорусской экономической науки, цифровизация и проблемы подготовки кадров в сфере обеспечения национальной безопасности / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. — 2019. — Вып. 10. — С. 182–194.
8. Буренин, А.Н. Отрицательные процентные ставки: центральные банки пошли на эксперимент / А.Н. Буренин // Вестник МГИМО Университета. — 2016. — № 4(49). — С. 262–273.
9. Солодовников, С.Ю. Трансформация зеленой повестки в условиях новой регионализации: цивилизационные, культурные, экономические и демографические аспекты / С.Ю. Солодовников, Мэн Цзялян // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. — Мн., 2024. — Вып. 19. — С. 7–14. — URL: <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2024-19-7-14> (дата обращения 10.06.2025).
10. Капелюшников, Р.И. «Рандомисты»: новая экономика развития / Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2023. — № 6. — С. 5–35.
11. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов; под ред. Ч.С. Кирвели. — 2-е изд., перераб. и доп. — Гродно: ГрГУ, 2009. — 532 с.
12. Бузгалин, А.В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, О.В. Барашкова. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 552 с.
13. Солодовников, С.Ю. Влияние расширения Таможенного союза на экономическую конкурентоспособность Беларуси и Армении / С.Ю. Солодовников, Т.В. Иванова // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. — Минск, 2016. — Вып. 4. — С. 188–195.
14. Некоторые новые подходы к обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь / В.Ю. Арчаков, С.Ю. Солодовников, А.Л. Баньковский, Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня. — 2022. — № 16. — С. 7–23. — DOI: 10.21122/2309-6667-2022-16-7-23.
15. Ершов, М. К разворачиванию промышленной политики в России: еще раз о роли целевой кредитной эмиссии / М. Ершов, В. Поспелов, А. Танасова, В. Татузов // Российский экономический журнал. — 2017. — № 3. — С. 28–36.

Поступила в редакцию 14.07.2025

Формирование инфраструктуры цифрового консалтинга для развития молодежного предпринимательства в регионе: теоретические и прикладные аспекты

Мирончик В.В., Ванкевич Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет»

В современных условиях цифровые технологии открывают новые возможности для поддержки начинающих предпринимателей. Молодежное предпринимательство играет ключевую роль в развитии инновационной экономики. Однако молодые предприниматели сталкиваются с существенными барьерами, такими как нехватка опыта, ограниченный доступ к рынкам и финансовым ресурсам.

Цель статьи – развитие теоретических аспектов и разработка практических рекомендаций для создания инфраструктуры цифрового консалтинга в регионе как важного направления поддержки молодежного предпринимательства.

Материал и методы. В основе исследования лежит анализ статистических данных за 2019–2024 годы, характеризующих развитие сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровой экономики в целом. Также применены методы сравнительного анализа для изучения рынка консалтинговых услуг Витебской области и теоретического обобщения концепций «Университет 3.0» и «Университет 4.0».

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ выявил значительный потенциал сектора ИКТ Беларуси, доля которого в ВВП выросла с 2,8% до 5,4% за 2011–2024 гг. Однако региональный рынок консалтинговых услуг (на примере Витебской области) не имеет единой структуры, а доминирующее положение занимает финансовый и бухгалтерский консалтинг, что свидетельствует о потребности бизнеса в поддержке, но не покрывает всех нужд молодежного предпринимательства. Для решения этой проблемы предложено создание единой инфраструктуры цифрового консалтинга, включающей цифровые платформы, систему наставничества, целевое финансирование и интеграцию с образовательными программами. Ключевая роль в этом процессе отводится университетам, которые могут формировать необходимую экосистему. Обосновано, что теоретическим базисом развития инфраструктуры цифрового консалтинга выступают концепции предпринимательского университета, университета 3.0 и 4.0.

Заключение. Развитие инфраструктуры цифрового консалтинга является стратегически важным для поддержки молодежного предпринимательства в Республике Беларусь. Интеграция цифровых консалтинговых услуг в региональную экосистему через механизмы государственной и университетской поддержки позволит создать устойчивую среду для развития нового поколения предпринимателей, способных конкурировать на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: цифровой консалтинг, молодежное предпринимательство, сектор ИКТ, Университет 3.0, Университет 4.0.

Formation of a Digital Consulting Infrastructure for the Development of Youth Entrepreneurship in the Region: Theoretical and Applied Aspects

Mironchik V.V., Vankevich E.V.

Education Establishment "Vitebsk State Technological University"

In today's environment, digital technologies offer new opportunities to support aspiring entrepreneurs. Youth entrepreneurship plays a key role in the development of an innovative economy; however, young entrepreneurs face significant barriers, such as a lack of experience and limited access to markets and financial resources.

The purpose of the article is to develop theoretical aspects and practical recommendations for the development of digital consulting infrastructure in the region as an important area of support for youth entrepreneurship.

Material and methods. The study is based on an analysis of statistical data for 2019–2024, characterizing the development of the information and communications technology (ICT) sector and the digital economy as a whole. Comparative analysis methods were also used to study the consulting services market in Vitebsk Region and to theoretically generalize the concepts of "University 3.0" and "University 4.0".

Findings and their discussion. The analysis revealed significant potential in the Belarusian ICT sector; whose GDP share increased from 2.8% to 5.4% between 2011 and 2024. However, the regional consulting services market (as exemplified by Vitebsk Region) lacks a unified structure, with financial and accounting consulting dominating. This demonstrates the need for business support, but does not fully address the needs of youth entrepreneurship. To address this issue, the creation of a unified digital consulting

infrastructure is proposed, including digital platforms, a mentoring system, targeted funding, and integration with educational programs. Universities, which can create the necessary ecosystem, play a key role in this process. It is argued that the concepts of the entrepreneurial university, University 3.0, and University 4.0 serve as the theoretical basis for developing a digital consulting infrastructure.

Conclusion. Developing a digital consulting infrastructure is strategically important for supporting youth entrepreneurship in the Republic of Belarus. Integrating digital consulting services into the regional ecosystem through state and university support mechanisms will create a sustainable environment for the development of a new generation of entrepreneurs capable of competing nationally and internationally.

Key words: digital consulting, youth entrepreneurship, ICT sector, University 3.0, University 4.0.

В современных условиях цифровые технологии открывают новые возможности для поддержки начинающих предпринимателей, предоставляя доступ к инновационным инструментам, знаниям и сетям взаимодействия. Молодежное предпринимательство играет ключевую роль в развитии инновационной экономики, создавая рабочие места и обеспечивая социальную мобильность.

Однако начинающие предприниматели часто сталкиваются с такими сложностями, как нехватка финансовых средств, ограниченный доступ к рынкам, отсутствие опыта и наследственности. В этой связи возникает необходимость создания эффективных методов поддержки, которые могли бы минимизировать препятствия для входа в бизнес. К тому же, по сравнению с крупнейшими и активно развивающимися экономиками мира, остается недостаточной вовлеченность населения Республики Беларусь в предпринимательскую деятельность [1].

Цель статьи – развитие теоретических аспектов и разработка практических рекомендаций для создания инфраструктуры цифрового консалтинга в регионе как важного направления поддержки молодежного предпринимательства.

Материал и методы. В основе исследования лежит анализ статистических данных за 2019–2024 годы, характеризующих развитие сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и цифровой экономики в целом. Также применены методы сравнительного анализа для изучения рынка консалтинговых услуг Витебской области и теоретического обобщения концепций «Университет 3.0» и «Университет 4.0».

Результаты и их обсуждение. Ключевым драйвером развития интернет-пространства выступает сектор информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), который в Республике Беларусь входит в число наиболее динамично развивающихся сегментов экономики. За 2011–2024 гг. доля ВДС сектора ИКТ к ВВП выросла с 2,8% до 5,4% (рисунок).

Согласно официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, по состоянию на 2024 г. в стране зарегистрировано 8 533 организаций, осуществляющих деятельность в сфере информационно-коммуникационных технологий [4].

Основными направлениями деятельности являются [4]:

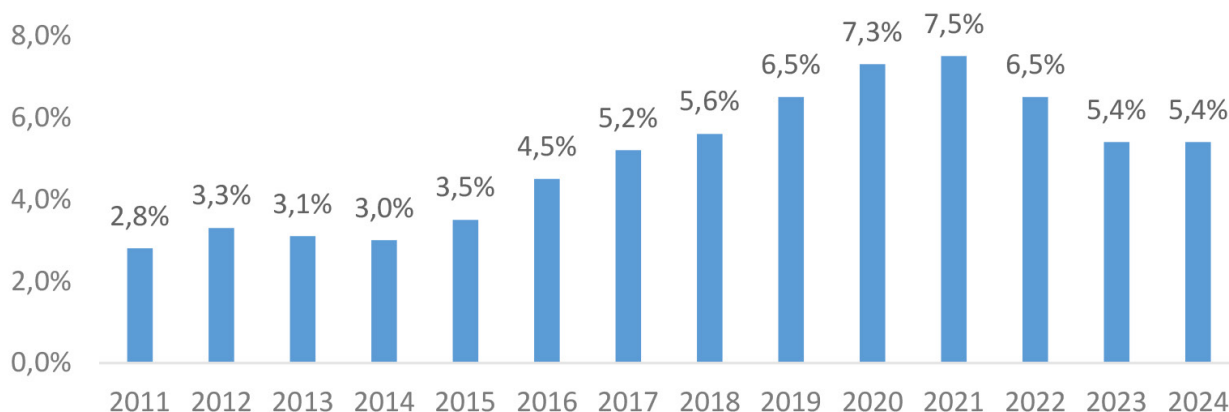

Рисунок — Динамика доли ВДС сектора ИКТ к ВВП в Республике Беларусь

Примечание. Авторская разработка на основе [2; 3].

Таблица 1 — Динамика роста числа организаций цифровой экономики по секторам

Организации цифровой экономики	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Сектор ИКТ	5 202	5 341	5 412	5 437	5 415	5 462
Сектор контента и СМИ	988	999	978	962	963	964

Примечание. Авторская разработка на основе [3].

Таблица 2 — Структура численности работников цифровой экономики в Республике Беларусь, %

Организации цифровой экономики	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общая численность занятых, чел.	132 688	140 979	148 577	142 798	129 418	130 549
Сектор ИКТ	83,9%	84,3%	84,3%	83,9%	81,4%	80,0%
Сектор контента и СМИ	10,8%	9,6%	8,7%	8,5%	9,6%	9,8%
Цифровая торговля	5,3%	6,1%	7,0%	7,6%	9,0%	10,3%

Примечание. Авторская разработка на основе [3].

Таблица 3 — Динамика и структура чистой прибыли организаций цифровой экономики Республики Беларусь

Организации цифровой экономики	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Чистая прибыль, млн руб.	2 046,8	2 747,2	2 620,5	2 355,1	2 690,4	3 352,7
Сектор ИКТ	95,6%	97,1%	97,3%	96,2%	96,0%	92,4%
Сектор контента и СМИ	3,4%	1,5%	2,0%	2,5%	2,6%	3,8%
Цифровая торговля	1,0%	1,4%	0,6%	1,3%	1,4%	3,8%

Примечание. Авторская разработка на основе [3].

- сектор ИКТ (64 %);
- сектор контента и СМИ (11,3 %);
- цифровая торговля (24,7 %).

Рассматривая число организаций по секторам цифровой экономики (таблица 1), можно выделить значительное преобладание сектора ИКТ. Число организаций в 2024 году относительно 2019 года выросло на 5%. В свою очередь сектор цифровой торговли также показывает положительную динамику, число организаций в 2024 году превысило число организаций 2019 года на 171,2%.

Как свидетельствует статистика (таблица 2), численность работников, занятых в организациях сектора цифровой экономики, достигает 130 549 человек по состоянию на 2024 год, что составляет 3,7% от общей списочной численности работников организаций Республики Беларусь. В разрезе секторов цифровой экономики за период с 2019 по 2024 г. стабильная положительная динамика числа работников цифровой

экономики наблюдается в секторе цифровой торговли (увеличение в 2 раза).

Анализ финансовых результатов организаций цифрового сектора (таблица 3) демонстрирует его высокую рентабельность и немаловажную роль в экономике страны. Совокупная чистая прибыль сектора цифровой экономики в 2024 году составила 3 352,7 млн рублей [3]. При этом абсолютным лидером по данному показателю является сектор ИКТ, который обеспечил 92,4% от общего объема чистой прибыли. На сектор контента и средств массовой информации и цифровую торговлю пришлось по 3,8% по данным на 2024 год [3].

Следует отметить неравномерное региональное развитие цифровой экономики в Республике Беларусь. Доля ВДС сектора ИКТ Витебской области в 2024 году в сравнении с 2019 годом увеличилась на 0,3% и занимает второе место по величине после г. Минска в Республике Беларусь. Количество организаций данного сектора

в Витебской области составило 4,3% от общего числа организаций сектора ИКТ. В свою очередь чистая прибыль в 2024 году составила 2% (в 2019 — 0,6%) от чистой прибыли сектора ИКТ.

Проведенный анализ выявил значительный потенциал развития сектора ИКТ в республике. Сектор ИКТ является структурным ядром цифровой экономики страны, что подтверждается: количеством организаций, численностью занятых и финансовыми результатами, которые свидетельствуют о его высокой рентабельности и экономической значимости.

Однако в современных экономических реалиях субъекты малого и среднего бизнеса, в особенности молодые предприниматели, сталкиваются с невозможностью эффективного применения традиционных стратегий развития. Высокая волатильность рынков, цифровая трансформация потребительского поведения и обостренная конкуренция требуют новых, гибких и технологичных подходов к управлению.

В условиях цифровой трансформации экономики и повышения интереса молодежи к предпринимательству чрезвычайно остро встает вопрос о доступности качественных информационных и консультационных ресурсов. Молодые люди, решившие начать собственное дело, часто сталкиваются с недостатком знаний, ограниченным доступом к финансовым и экспертным ресурсам, а также отсутствием менторской поддержки. Решить эти проблемы может инфраструктура цифрового консалтинга, которая обеспечивает комплексную поддержку начинающих предпринимателей через онлайн-платформы, искусственный интеллект, обучающие модули и менторские программы.

Инфраструктура цифрового консалтинга представляет собой комплекс цифровых решений, направленных на оказание консультационных услуг, предоставление учебных программ и аналитических инструментов для начинающих предпринимателей. Согласно статистическим данным в Беларуси насчитывается более 284 тысяч субъектов малого и среднего предпринимательства, включая 271,3 тысячи индивидуальных предпринимателей, что означает, что каждый 35-й гражданин страны является ИП [5].

Именно эти компании, обладая ограниченными ресурсами, часто остро нуждаются в эффективных и доступных управленческих решениях, которые могут предложить консалтинговые компании. Для эффективной реализации бизнеса молодежи необходимо привлекать независимых

экспертов, что в свою очередь позволяет получить доступ к закрытым знаниям и технологиям, а также найти уникальные решения благодаря объективному анализу со стороны квалифицированного специалиста или надежного партнера. Работа с квалифицированными экспертами помогает быстрее справляться со сложными задачами, снижать риски их реализации и обеспечивает организации доступ к актуальным знаниям, инструментам и стратегиям. Обращаясь к внешним специалистам, предприниматели получают возможность сосредоточиться на основном направлении деятельности, доверяя решение ключевых вопросов опытным профессионалам. Вот почему консалтинг в Беларуси правомерно рассматривать как важный элемент эффективного управления бизнесом.

В экономической и бизнес-литературе не сложилось единого подхода к пониманию инфраструктуры цифрового консалтинга, но рассматриваются смежные с ней.

Так, О.Б. Балакай и И.П. Подмаркова отмечают, что «цифровая инфраструктура – комплекс технико-технологических средств, включающих набор технических средств, центры сбора, обработки, преобразования и хранения информации, центры передачи информации, программное обеспечение, средства связи и информационно-телекоммуникационные технологии и др., обеспечивающие организацию предпринимательской деятельности и бизнес-взаимодействий с рыночными субъектами» [6]. Авторы выделяют информацию в качестве ее фундаментального элемента.

В экономической литературе встречаются близкие понятия информационной и ИТ-инфраструктур. Информационная инфраструктура — это все, что нужно для работы с данными: от систем связи и компьютерных комплексов, которые собирают, передают и хранят информацию, до технологий, дающих людям к ней доступ. Под ИТ-инфраструктурой предприятия понимается вся совокупность взаимосвязанных ресурсов: вычислительной техники, сетей, программного обеспечения и специалистов. Ее ключевая задача — обеспечивать надежное выполнение информационных процессов, таких как сбор, передача, хранение и обработка данных, поддерживая тем самым основную деятельность компании.

Таким образом, понятие цифровой инфраструктуры гораздо более емкое и широкое, чем информационная и ИТ-инфраструктура [7].

Таблица 4 — Отличия консалтинга, коучинга и аутсорсинга

Этап	Консалтинг	Коучинг	Аутсорсинг
Идея / Поиск ниши	Не рекомендуется – нет конкретной задачи для эксперта	Ключевой инструмент. Помощь в самоопределении, генерации идей, оценке мотивации	Не применим
Запуск / Стартап	Высокая эффективность. Решение конкретных задач: регистрация, налоговая схема, MVP	Вспомогательная роль. Работа со страхом перед запуском, тайм-менеджмент	Эпизодическое использование. Создание логотипа, настройка рекламы
Рост / Масштабирование	Стратегическая роль. Разработка плана масштабирования, оптимизация бизнес-процессов	Критически важен. Развитие лидерских качеств, навыков управления командой	Активное внедрение. Передача бухгалтерии, поддержки клиентов, найма
Кризис / Стагнация	Целевое использование. Аудит и поиск проблем в бизнес-модели	Высокая ценность. Преодоление выгорания, поиск новых мотиваций, пересмотр целей	Тактическое применение. Для снижения нагрузки на основателя

Примечание. Собственная разработка.

Данная система включает в себя следующие компоненты:

- информационный портал (базы данных, нормативно-правовая информация, полезные материалы);
- чат-боты и ИИ-ассистенты (онлайн-консультации, автоматизация первичного взаимодействия);
- образовательные модули (курсы, тренинги, вебинары по основам предпринимательства);
- менторская система (подключение к экспертам, коучам, успешным предпринимателям);
- финансовый блок (информация о грантах, льготах, субсидиях, шаблоны бизнес-планов).

Анализ компонентов цифровой экосистемы для поддержки бизнеса показывает, что представленные элементы охватывают ключевые аспекты, необходимые для успешного развития предпринимательской деятельности. Каждый компонент выполняет свою уникальную функцию, внося вклад в формирование комплексной системы поддержки бизнеса. Компоненты дополняют друг друга, создавая универсальную платформу, которая может быть полезна как начинающим, так и опытным предпринимателям. Такая экосистема способствует упрощению процесса запуска и ведения бизнеса, повышению его эффективности и устойчивости в долгосрочной перспективе.

Этот подход имеет ряд уникальных преимуществ, которые делают его особенно привлека-

тельным для молодежного предпринимательства и других категорий пользователей.

Одним из ключевых преимуществ цифрового консалтинга является его доступность. Благодаря интернету и мобильным технологиям пользователи могут получать помощь независимо от их географического положения или времени суток. Это особенно важно для начинающих предпринимателей, которые могут находиться в регионах с ограниченным доступом к традиционным консалтинговым услугам. Современные технологии искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения позволяют создавать персонализированные решения, адаптированные под потребности каждого пользователя. Это делает цифровой консалтинг более эффективным и результативным. Цифровой консалтинг значительно снижает финансовые барьеры для получения качественных консультационных услуг. Это чрезвычайно важно для молодых предпринимателей, которые часто сталкиваются с ограниченными бюджетами.

Организации, которые хотят повысить эффективность процессов, развивать потенциал сотрудников или найти решения важных задач, все чаще обращаются за поддержкой к внешним специалистам, таким как консалтинг, коучинг и аутсорсинг. Данные направления широко используются в бизнесе, однако на разных этапах развития бизнеса каждый из них имеет свои отличительные особенности (таблица 4).

Следовательно, главная особенность консалтинга — это экспертный подход к анализу и решению сложных организационных, управленческих или стратегических задач с акцентом на долгосрочные результаты и развитие бизнеса.

Выделяют различные виды консалтинговых услуг: исследование рынка, маркетинговые стратегии, продвижение товара на рынке, управление продажами, управление персоналом.

В структуре консалтингового рынка авторы выделяют несколько доминирующих бизнес-моделей [1]:

1. Модель стратегического и операционного консалтинга (ведущими в этой модели являются McKinsey, Boston Consulting Group (BCG), Bain & Company), для которой характерны:

- значительные инвестиции в аналитику рынка и цифровизацию бизнес-процессов клиентов;
- развитая партнерская сеть, позволяющая работать в различных регионах и секторах экономики;
- узнаваемый бренд и безупречная репутация, подкрепленные большим количеством реализованных качественных проектов, что и формирует высокий спрос на их услуги.

2. Модель отраслевой/функциональной специализации используют такие компании, как Roland Berger, Ernst & Young (EY), PricewaterhouseCoopers (PwC). Аналогично предыдущему случаю, основу конкурентных преимуществ данной модели формирует устойчивая репутация бренда, подтвержденный опыт выполнения масштабных проектов, а также исключительно высокий уровень профессиональной подготовки специалистов.

3. Бизнес-модель, основанная на узкой профессиональной специализации консалтинговых организаций, фокусируется на отдельных сегментах, таких как HR-менеджмент, финансовое консультирование или разработка цифровых решений. Как правило, клиентскую базу составляют крупные корпорации, а сами они функционируют в роли субподрядчиков или провайдеров аутсорсинговых услуг.

В Республике Беларусь распространены следующие виды консалтинговых услуг:

- кадровый консалтинг включает разработку эффективных стратегий управления персоналом, системы материального и нематериального стимулирования, организационной структуры, а также оказывает содействие в решении вопросов кадрового обеспечения и формировании резерва специалистов;

- финансовый консалтинг содержит такие услуги, как финансовое планирование, инвестиционные консультации, финансовый анализ отчетности, управление и оценка рисков, стратегическое финансовое планирование;

- юридический консалтинг направлен на оказание квалифицированных правовых услуг и консультаций, обеспечение юридической поддержки в различных аспектах ведения бизнеса (правовая поддержка бизнеса, разработка, анализ и согласование договоров, помощь в разрешении конфликтов и споров);

- производственный консалтинг ориентирован на повышение эффективности и оптимизацию производственных процессов в различных отраслях промышленности;

- IT-консалтинг, задачей которого является содействие компаниям в оптимизации бизнес-процессов посредством внедрения современных информационных технологий.

Анализ рынка консалтинговых услуг в Витебской области (таблица 5) показывает разнообразие его направлений и специализаций.

Таким образом, анализ показал, что на региональном уровне доминирует финансовый и бухгалтерский консалтинг. Большинство компаний сосредоточено на предоставлении услуг в сфере бухгалтерского учета, налогового консультирования и финансового анализа. Это свидетельствует о высокой потребности бизнеса в профессиональной поддержке в вопросах учетной политики, налогообложения и подготовки финансовой отчетности. Также активно развиваются аудиторские услуги. Например, ООО «Кратос-аудит» и ООО «Агентство ШАР» предлагают не только проверку финансово-хозяйственной деятельности, но и рекомендации по оптимизации управленческих процессов. Это говорит о растущем спросе на услуги, направленные на повышение эффективности бизнеса. Некоторые организации, например, ОДО «Витебский бизнес-центр» и ООО «Финанс Групп», предоставляют широкий спектр услуг, включая стратегическое планирование, маркетинговые исследования и бизнес-проектирование. Такие организации играют важную роль в развитии регионального бизнеса, помогая компаниям адаптироваться к изменяющимся условиям рынка. Ряд организаций (например, VRP Consulting и АТАКА.by) предлагают инновационные решения для автоматизации бизнес-процессов, создания цифровых продуктов и оптимизации затрат, что в свою очередь отражает тенденцию цифровой трансформации бизнеса в регионе.

Таблица 5 — Обзор рынка консалтинговых услуг Витебской области Республики Беларусь

Вид консалтинговых услуг	Название организации	Краткое описание оказываемых услуг
Финансовые	«Эльбай» Elbai.pro	Комплексное бухгалтерское обслуживание (составление и предоставление статистических отчетностей), бухгалтерское и налоговое консультирование, делопроизводство, воинский учет
	«Бухгалтер Альянс» Buhalyans.by	Ведение и восстановление бухгалтерского учета для ООО, ОДО, ЧП, ИП и др. хозяйственных субъектов, ведение кадрового учета, подготовка документов по ВЭД
	ООО «Витбизнесгрупп» Vitbuh.by	Бухгалтерские услуги, налоговое консультирование (составление налоговых деклараций, выбор оптимальной системы налогообложения, проведение оценки соблюдения налогового законодательства и др.)
	ИП Данилович Анна Викторовна «Бюро Анны Данилович»	Широкий спектр бухгалтерских услуг, и оказание помощи в решении налоговых вопросов, ведение учета при торговле на маркетплейсах, кадровый учет, экспресс-аудит бухгалтерии организации
	ООО «Учетцентр»	Ведение бухгалтерского учета, автоматизация 1С
	ООО «Контур трейдинг» Tradecontours.com	Бухгалтерское обслуживание, подбор персонала, информационная безопасность, продвижение
	ОДО «Лидер-лайн» Liderlines.by	Бухгалтерские услуги, консультирование по налоговому обложению и ценообразованию, страхование, маркетинговые исследования
	ИП Барковская Т.Г.	Бухгалтерские консультации, восстановление учета, исследование учета перед проверкой, составление налоговых деклараций и статистических отчетностей
Аудиторские	ООО «Кратос-аудит» Kratosaudit.by	Комплексное аудиторское обслуживание, консультационное обслуживание по вопросам финансово-хозяйственной деятельности, бухучета, налогообложения, предоставление рекомендаций по оптимизации организационной и управленческой структуры и др.
	ООО «Агентство ШАР»	Оценка любого вида имущества, бухгалтерские услуги, удаленное ведение бухгалтерского учета
	ООО «Бизнес-Советник» Bsvit.by	Бухгалтерские и налоговые услуги, кадровый учет, анализ состояния бухучета и учетной политики
	ООО «Контур Персонал»	Автоматизация кадрового учета на предприятии, подбор и оценка персонала, кадровый консалтинг, проведение тренингов
IT-услуги	VRP Consulting	Разработка программного обеспечения, консалтинг и системная интеграция, подбор персонала в сфере IT
	АТАКА.by ataka.by	Создание сайтов, поисковое продвижение, интернет-реклама, аудит сайтов, IT-консалтинг, анализ бизнес-процессов, оптимизация затрат, повышение эффективности
Общие	ОДО «Витебский бизнес-центр»	Авторская методика «Матрица ШУРА» для консалтинга, обучение. Интеграция модифицированных моделей анализа (4P, SWOT, 4 темперамента и др.)
	ООО «Финанс Групп»	Оказание услуг в сфере оценки и консалтинга, оценка недвижимости и оборудования, земельных участков, транспортных средств, бизнеса. Бизнес-проектирование и разработка инвестиционных программ. Консультирование по финансово-правовым вопросам
	Витебский центр региональных исследований и разработок	Маркетинговые исследования, консультации в сфере планирования и оптимизации бизнеса, документальное сопровождение инвестиционных проектов, проведение семинаров, тренингов по бизнес-планированию

Примечание. Авторская разработка.

Учитывая узкую профильную специализацию консалтинговых организаций в регионе и фрагментарность оказываемых ими услуг, представляется правомерным формирование единой инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства, основанной на интеграции отдельных видов консультационных услуг. Поскольку в совокупности консалтинговые организации обладают широким спектром компетенций (от аналитических до технологических), критически необходимых для устойчивого развития предпринимательства в условиях цифровой экономики.

Реализация данной задачи предлагает комплекс взаимосвязанных направлений:

- финансовая поддержка (внедрение механизма целевых грантов или сертификатов для молодых предпринимателей, которые можно направить исключительно на оплату верифицированных консалтинговых услуг);

- развитие и диверсификация цифровой инфраструктуры поддержки молодежного предпринимательства (создание специализированных цифровых платформ, систематизирующих услуги консалтинговых компаний и предоставляющих к ним льготный доступ для молодых предпринимателей). Данная инфраструктура должна включать: цифровую базу знаний, систему наставничества и т.д.;

- внедрение консалтингового сопровождения, то есть поддержка не должна ограничиваться разовыми консультациями. Необходимо внедрение полного цикла услуг, соответствующего классической модели: от первоначального обследования организации и аудита бизнес-процессов до формулировки конкретных рекомендаций, систематизации бизнеса и его последующего сопровождения;

- стимулирование спроса через решение ключевых проблем предпринимательства;

- расширение рынков сбыта (консультанты могли бы обеспечить доступ молодым предпринимателям к закупкам крупных заказчиков через помощь в сертификации, стандартизации продукции и подготовке конкурсной документации в соответствии с требованиями организаций и государства);

- активное вовлечение предпринимателей через образовательные институты. С целью формирования культуры обращения за профессиональной помощью на ранних стадиях необходимо тесное взаимодействие с корпоративными университетами, бизнес-школами и УВО (разрабатывать и внедрять в образовательные программы

совместные курсы с консалтинговыми компаниями, организовывать практико-ориентированные хакатоны и прочие мероприятия, где студенты и начинающие предприниматели решают реальные бизнес-кейсы при участии кураторов из консалтингового сообщества).

Предложенные меры позволят создать устойчивую и эффективную экосистему, где потенциал белорусского цифрового сектора будет направлен на поддержку следующего поколения предпринимателей. Интеграция цифрового консалтинга в инфраструктуру поддержки молодежного предпринимательства является необходимым условием для обеспечения конкурентоспособности и успешного функционирования предпринимательства Республики Беларусь на национальном и международном уровнях.

Большая роль в развитии инфраструктуры цифрового консалтинга в Республике Беларусь принадлежит университетам. Теоретической основой участия университета в развитии молодежного предпринимательства являются концепции предпринимательского университета (таблица 6), Университет 3.0 и Университет 4.0 [9–11], суть которых состоит в формировании предпринимательской культуры у студентов, стимулировании и подготовке их к предпринимательской деятельности, развитии собственных бизнес-проектов и их коммерциализация. Для этого университет активно формирует собственную инновационную инфраструктуру (научно-технологические парки, центры трансфера технологий, научно-исследовательские лаборатории и пр.). Фундаментом этих процессов выступает целенаправленное культивирование предпринимательской культуры и мышления среди сотрудников и студентов, что в совокупности трансформирует УВО в динамичный центр экономического и социального развития [10].

В концепции «Университет 4.0» акцент перенесен на интеграции технологий для формирования образовательного будущего. В ее основе лежит стремление учебных заведений применять цифровые инструменты и платформы с целью улучшения образовательного процесса и усиления своей конкурентоспособности. Ключевая идея концепции «Университет 4.0» заключается в создании интерактивной и персонализированной среды обучения за счет внедрения инновационных технологий. Это позволяет максимально эффективно использовать доступные цифровые ресурсы, предоставляя студентам качественно новый опыт обучения, адаптированный под их индивидуальные потребности и запросы [11].

Таблица 6 — Сравнительная характеристика функций университетских моделей

Модель университета	Ключевые функции и характеристики
Университет 1.0	– образовательная функция; – подготовка кадров для традиционных отраслей экономики; – классическая модель преподавания
Университет 2.0	– образовательная и исследовательская функции; – научная деятельность; – отсутствие механизмов управления интеллектуальной собственностью
Университет 3.0	– образовательная и исследовательская функции; – трансфер технологий; – коммерциализация разработок; – развитие предпринимательской культуры; – взаимодействие с конечными пользователями технологий
Университет 4.0	– цифровая трансформация всех процессов; – использование VR, AI, онлайн-платформ; – персонализированная среда обучения; – повышение доступности образования; – снижение затрат; – гибкие образовательные траектории; – иммерсивное обучение

Примечание. Авторская разработка на основе [11].

Авторы А.Г. Давыдовский, Л.Н. Воронцовская, А.В. Пищова определяют Университет 4.0 как принципиально новую модель, объединяющую образовательные, научные и производственные ресурсы для решения комплексных задач, недоступных традиционным УВО. Он функционирует как кластерная платформа, ориентированная не только на реализацию долгосрочных научно-инновационных программ, но и на формирование человеческого потенциала, способного отвечать на вызовы будущего. Его принципиальное отличие от традиционных моделей заключается в интеграции образовательных, информационных, технологических и материальных ресурсов с человеческим потенциалом для решения комплексных задач, которые ранее были невыполнимы в рамках привычных социально-экономических отношений [12].

Исходя из вышесказанного, в концепциях предпринимательского университета заложена функция консалтинга, а именно поддержка студентов в начинании бизнеса и различия моделей состоят в используемых механизмах консалтинга, при этом в модели Университет 4.0 акцент перенесен на цифровую сферу.

Университет может формировать следующие ключевые элементы инфраструктуры цифрового консалтинга:

1. Образовательно-аналитические платформы.
2. Центры коллективного пользования с современным ПО и оборудованием.
3. Предпринимательские структуры:
 - бизнес-инкубаторы для стартапов;
 - научно-технологические парки (в том числе на базе УВО);
 - акселерационные программы для консалтинговых проектов;
 - венчурный фонд для финансирования перспективных разработок.
4. Цифровые инструменты поддержки.

Каждый элемент направлен на создание сквозной цепочки поддержки — от обучения до внедрения готовых решений, формируя полноценную экосистему для развития цифрового консалтинга.

Задачами университетов в рамках формирования инфраструктуры цифрового консалтинга являются:

1. Подготовка кадров нового поколения. Создание и реализация образовательных программ, направленных на подготовку специали-

стов-инноваторов, обладающих компетенциями в области IT-консалтинга, цифровой трансформации бизнеса, анализа данных, кибербезопасности и управления инновационными проектами.

2. Разработка и коммерциализация цифровых решений. Производство и трансфер готовых консалтинговых продуктов и методологий (например, цифровых платформ, алгоритмов анализа больших данных, моделей внедрения ERP/CRM-систем) для малого и среднего бизнеса, а также промышленных предприятий, нуждающихся в цифровизации.

3. Создание и поддержка инновационной экосистемы. Формирование на базе университета объектов инновационной инфраструктуры, таких как бизнес-инкубаторы, акселераторы и центры коллективного пользования, которые становятся точками притяжения для стартапов и действующих компаний, оказывающих консалтинговые услуги.

4. Развитие предпринимательской культуры. Вовлечение студентов и сотрудников в проектную деятельность и реализацию реальных кейсов от промышленных партнеров, что способствует формированию предпринимательского мышления и практических навыков в сфере цифрового консалтинга.

5. Активное привлечение внешних ресурсов. Привлечение внебюджетного финансирования через гранты, партнерства с IT-компаниями и консалтинговыми фирмами, а также участие в государственных программах развития цифровой экономики для финансирования исследований и инфраструктурных проектов.

Таким образом, университет выступает не просто образовательным учреждением, а ключевым узлом в создании целостной инфраструктуры цифрового консалтинга, обеспечивающим кадрами, технологиями и средой для поддержки молодежного предпринимательства и цифровой трансформации экономики.

Заключение. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что развитие инфраструктуры цифрового консалтинга представляет собой стратегически важную роль для поддержки молодежного предпринимательства в Республике Беларусь. Анализ показал, что сектор ИКТ страны демонстрирует устойчивую положительную динамику, выступая структурным ядром цифровой экономики — его доля в ВВП выросла с 2,8% до 5,4% за 2011–2024 годы, а организации сектора обеспечивают 92,4% совокупной чистой прибыли цифровой

экономики. Однако, несмотря на этот потенциал, начинающие предприниматели сталкиваются с существенными барьерами: нехваткой опыта, ограниченным доступом к рынкам и финансовым ресурсам.

Особую актуальность цифрового консалтинга подчеркивает масштаб малого и среднего предпринимательства в Беларуси — более 284 тысяч субъектов, включая 271,3 тысячи индивидуальных предпринимателей. Региональный анализ рынка консалтинговых услуг Витебской области выявил доминирование финансового и бухгалтерского консалтинга, что свидетельствует о насущной потребности бизнеса в профессиональной поддержке.

Университеты играют ключевую роль в формировании инфраструктуры цифрового консалтинга, трансформируясь из образовательных учреждений в предпринимательские центры моделей 3.0 и 4.0. Через создание бизнес-инкубаторов, акселерационных программ, центров коллективного пользования и образовательно-аналитических платформ университеты способны обеспечить сквозную поддержку предпринимателей — от генерации идеи до коммерциализации готовых решений. Интеграция цифрового консалтинга в экосистему поддержки молодежного предпринимательства через механизмы целевого финансирования, цифровые платформы и образовательные программы позволит создать устойчивую среду для развития нового поколения белорусских предпринимателей, способных эффективно конкурировать на национальном и международном уровнях.

Литература

1. Завьялова, Н.Б. Современный консалтинг как инструмент развития малого и среднего бизнеса / Н.Б. Завьялова, А.В. Сорокин // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 1077–1092.
2. Информационное общество в Республике Беларусь 2025, Статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_152032 (дата обращения: 18.08.2025).
3. О национальных статистических показателях развития цифровой экономики в Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 19.08.2025).
4. Наглядно о цифровой экономике Республики Беларусь в 2023 году // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by> (дата обращения: 18.08.2025).

5. Анализ рынка консалтинговых услуг Белоруссии // Всероссийская академия внешней торговли. — URL: <https://myexport.exportcenter.ru/marketing-research> (дата обращения: 19.08.2025).
6. Балакай, О.Б. Направления развития цифровой экономики на постсоветском пространстве / О.Б. Балакай, И.П. Подмаркова // Человеческий капитал в формате цифровой экономики: междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию С.П. Капицы, Москва, 16 февр. 2018 г.: сб. докл. — М.: Ред.-изд. дом РосНОУ, 2018. — 432 с.
7. Хайруллина, А.Р. Цифровая инфраструктура как среда принятия управленческих решений в малом и среднем предпринимательстве / А.Р. Хайруллина // Экономика, предпринимательство и право. — 2021. — Т. 11, № 5. — С. 1151–1166.
8. Устаев, Р.М. О системе управления бизнес-активностью молодежи в России и за рубежом / Р.М. Устаев, М.А. Борис // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2022. — № 4(91). — С. 152–162.
9. Марахина, И.В. Развитие инновационной инфраструктуры вуза при переходе к модели «Университет 3.0» / И.В. Марахина // Наука и инновации. — 2020. — № 12. — С. 64–69.
10. Щелкунов, М.Д. Университеты нового поколения / М.Д. Щелкунов // Вестник экономики, права и социологии. — 2017. — № 1. — С. 187–192.
11. Шабан, А.П. Концепция «Университетов 4.0»: понятие, функции, инструменты / А.П. Шабан // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2023 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2023. — Ч. 2. — С. 324–329.
12. Давыдовский, А.Г. Цифровой университет 4.0 как образовательная социотехническая экосистема для индустрии 4.0 / А.Г. Давыдовский, Л.Н. Воронцовская, А.В. Пищова // BIG DATA и анализ высокого уровня = BIG DATA and Advanced Analytics: сб. науч. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 мая 2023 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники; редкол.: В.А. Богуш [и др.]. — Минск, 2023. — Ч. 2. — С. 269–278.

Поступила в редакцию 20.10.2025

Концептуальный подход к анализу развития отраслей сферы услуг на основе их вклада в экономику и обеспечения занятости в регионах Республики Беларусь

Морозова Н.Н.¹, Лаптёнок С.А.²

¹Государственное научное учреждение «Институт экономики НАН Беларуси»

²Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова БГУ

Рост социально-экономического развития страны и ее регионов не представляется возможным без учета значимости сферы услуг и ее вклада в экономику страны с задействованием имеющего человеческого потенциала, что обуславливает актуальность исследования. Программой социально-экономического развития на 2021–2025 годы четко определены целевые показатели как рост доли сферы услуг в валовом внутреннем продукте (далее — ВВП) до 50–51% через наукоемкие сервисы.

Цель работы — на основе сравнительного анализа статистических данных за 2010–2023 гг. выявить приоритетные виды экономической деятельности сферы услуг и преобладающий уровень занятости в них населения, дифференцируя регионы Беларуси для обеспечения экономического роста страны с учетом социальной и региональной составляющей.

Материал и методы. Авторами статьи использовались общенаучные и специальные методы: абстрактно-логический, экономико-математический, ранжирования, корреляционно-регрессионный, систематизации и обобщения, графические изображения. Исследование основано на обработке данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, применяя прикладные пакеты программ (IBM SPSS Statistics 22).

Результаты и их обсуждение. Выполнено исследование основных показателей развития отраслей сферы услуг (далее — СУ) и предложено использование ключевого индикатора коэффициента относительной экономической эффективности (далее — КОЭ) с учетом вклада по отдельным видам экономической деятельности в валовом региональном продукте (далее — ВРП) и доли занятых в этих отраслях с расчетом средних значений за период с 2010 по 2023 г. Представлен алгоритм методики рейтинговой оценки эффективности СУ и составлены рейтинговые модели по видам деятельности сферы услуг по регионам на основе средних значений КОЭ. Оценены корреляционные связи анализируемых показателей в территориальном разрезе и по видам деятельности сферы услуг с выявлением вклада в ВРП и структурных изменений. С целью интерпретации полученных результатов был применен метод регрессионного моделирования и использованы в качестве факторов виды деятельности с рейтингом от 1 до 7 для каждого региона и для Республики Беларусь в целом. Все расчеты интерпретированы и обоснованы авторами.

Заключение. По результатам исследования на основе КОЭ и рейтинговых моделей выделены три группы отраслей сферы услуг: высокоэффективные (высокопроизводительные) сектора, со средней эффективностью, низкоэффективные или трудоемкие сектора, позволяющие определять уровень развития регионов с учетом их функционирования. Определены наиболее значимые отрасли с позиций экономической, социальной компоненты и интегральной эффективности, позволяющие выявить проблемы и возможности развития отраслей в регионах страны. Сформированные в ходе исследования регрессионные модели могут быть использованы при прогнозировании сценариев социально-экономического развития регионов с учетом функционирования отраслей сферы услуг. По итогам научного исследования сформулированы выводы и предложения.

Ключевые слова: сфера услуг, ВВП, ВРП, доля занятых в отраслях, коэффициент относительной эффективности, виды экономической деятельности, экономическая и социальная компонента, рейтинговая оценка, регионы Республики Беларусь.

Conceptual Approach to the Analysis of Development of Service Industries Based on their Contribution to the Economy and Employment in the Regions of the Republic of Belarus

Morozova N.N.¹, Laptenok S.A.²

¹State Scientific Establishment "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus"

²A.D. Sakharov International State Ecological Institute, BSU

The growth of the social and economic development of the country and its regions is not possible without taking into account the importance of the service sector and its contribution to the country economy using the existing human potential, which determines the relevance of the study. The social and economic development program for 2021–2025 clearly defines target indicators as an increase in the share of the service sector in GDP to 50–51% through knowledge-intensive services.

The purpose of the work is to identify priority types of economic activity in the service sector and the prevailing level of employment in them, based on a comparative analysis of statistical data for 2010–2023, differentiating the regions of Belarus to ensure the country's economic growth, taking into account the social and regional components.

Material and methods. *The authors of the article used general scientific and special methods: the abstract-logical, the economic-mathematical, ranking, correlation-regression, systematization and generalization, graphic images. The study is based on the processing of data from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, using applied software packages (IBM SPSS Statistics 22).*

Findings and their discussion. *The study of the main indicators of the development of the service sector industries (hereinafter referred to as SI) was carried out and the use of a key indicator of the relative economic efficiency coefficient (hereinafter referred to as RES) was proposed, taking into account the contribution of individual types of economic activity to the GRP and the share of people employed in these industries with the calculation of average values for the period from 2010 to 2023. An algorithm for the methodology for rating the effectiveness of SI is presented and rating models for types of service sector activities by region are compiled based on average RES values. The correlation links of the analyzed indicators in the territorial context and by types of service sector activities are assessed, identifying the contribution to the GRP and structural changes. In order to interpret the results obtained, the regression modeling method was used and types of activity with a rating from 1 to 7 for each region and for the Republic of Belarus as a whole were used as factors. All calculations are interpreted and justified by the authors.*

Conclusion. *Based on the results of the study, three groups of service industries were identified based on the KOE and rating models: highly efficient (highly productive) sectors, with average efficiency, low-efficiency or labor-intensive sectors, which allow determining the level of development of regions taking into account their functioning. The most significant industries were determined from the standpoint of economic, social components and integral efficiency, which allow identifying problems and opportunities for the development of industries in the regions of the country. The regression models formed during the study can be used to forecast scenarios for the social and economic development of regions taking into account the functioning of service industries. Based on the results of the scientific study, conclusions and proposals were formulated.*

Key words: *service sector; GDP, GRP, share of people employed in industries, relative efficiency coefficient, types of economic activity, economic and social components, rating assessment, regions of the Republic of Belarus.*

В XXI в. сфера услуг приобретает все более устойчивые позиции в мировой и национальной экономике, что подтверждается ростом в структуре валового внутреннего продукта объемов сферы услуг и доли числа занятых.

С позиций экономической науки вопросами сферы услуг еще в XVIII–XIX вв. занимались: 1) физиократы – Ф. Кенэ (сфера услуг существует за счет перераспределения продукта от земледельцев); представители классической школы А. Смит (разделил труд на производительный, увеличивающий богатство нации и непроизводительный, результат которого не накапливается и потребляется в момент оказания услуги); Ж.-Б. Сэй (сформулировал теорию полезности, отмечая, что сфера услуг создает полезность и вносит вклад в национальное богатство наравне с производством товаров, а закон Сэя подразумевал, что доходы, созданные в любом секторе включая услуги, обеспечивают спрос на продукцию других секторов); Ф. Бастиа (считал, что экономика — это взаимовыгодный обмен услугами, а труд в сфере услуг так же важен для общества, как и при производстве товаров); 2) марксисты — К. Маркс (труд в сфере услуг производителен, если он организован капиталистически и создает прибавочную стоимость в процессе производства услуги как наемный труд в транспорте, связи, торговли либо непроизводителен, если не создает прибавочную

стоимость — услуги государственных служащих, при этом занятость в услугах с точки зрения создания прибавочной стоимости в основном непроизводительна); 3) неоклассики — А. Маршалл (ввел синтез спроса и предложения, концепцию предельной полезности товара и услуги для потребителя, считая сферу услуг полноправной частью рыночной экономики и подчеркивая важность человеческого капитала, формируемого в процессе услуг образования). Занятость в услугах растет по мере роста доходов и изменения структуры спроса, согласно действию закона Э. Энгеля. Рост услуг А. Смит и К. Маркс рассматривали как непроизводительное потребление, а в последующем А. Маршалл признал специфику труда в услугах (неосызаемость, невозможность хранения) и важность квалификации.

С 30–40-х годов XX столетия экономическое развитие обосновывалось через переход от доминирования сельского хозяйства и промышленности к сервисному сектору, что явилось фундаментальным структурным сдвигом, отраженным в различных концепциях. Основу для анализа структурных сдвигов через призму трех секторов заложил К. Кларк, который эмпирически обосновал прогноз, предложенный А. Фишером о росте занятости в услугах. У. Ростоу описал секторальные сдвиги, включая рост услуг в динамическую модель стадий развития, считая услуги маркером

высокого массового потребления. Д. Белл аргументировал, что рост сферы услуг как симптом перехода к постиндустриальному обществу, основанному на знаниях и информации, смещая акцент с количества занятых в услугах на характер труда (интеллектуальный, информационный) и новую социальную структуру, его концепция наиболее комплексна и социологична, фокусируется на четвертичном (знаниевом) секторе внутри услуг.

На современном этапе вопросы развития сферы услуг в Республике Беларусь с акцентом на отдельные регионы нашли отражение в научных исследованиях белорусских ученых В.В. Богатырёвой, Э.В. Павлыш, Ю.Ш. Салаховой [1], Н.И. Богино [2], В.И. Ляlikовой, О.Б. Цехан, А.В. Цехан [3]. Проблематике в области эффективного задействования человеческих ресурсов в сфере услуг посвящен ряд работ российских ученых-исследователей (О.Н. Баева [4], Л.Н. Овчарова, В.А. Аникина, П.С. Сорокина [5], А.В. Золотарчук [6]). Рост низкоквалифицированных рабочих мест в сфере услуг и поляризация рынка труда в США рассматривается Дэвидом Х. и Дэвидом Дорном [7]. Вместе с тем недостает системного подхода к анализу функционирования сферы услуг в регионах с учетом взаимосвязи использования человеческого потенциала, нет однозначного подхода к количественному измерению эффективности и развития сферы услуг в том или ином регионе.

Цель настоящей статьи заключается в проведении сравнительного анализа статистических данных за 2010–2023 гг. с выявлением приоритетных видов экономической деятельности сферы услуг и преобладающего уровня занятости в них населения, дифференцируя регионы Беларуси.

Материал и методы. Исследование основано на официальных данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, предыдущих исследованиях авторов, трудов ученых-экономистов. Авторами статьи использовались общенаучные и специальные методы: абстрактно-логический, экономико-математический, ранжирования, корреляционно-регрессионный, систематизации и обобщения.

Результаты и их обсуждение. Для развития и становления сферы услуг как ключевого драйвера экономики через эффективное использование трудовых ресурсов, преодоление региональных диспропорций в работе были выделены ключевые индикаторы: валовой региональный продукт, отражающий поступление в экономику региона; доля занятых в отраслях сферы услуг; показатель эффективности труда. В ходе анализа

решались задачи ранжирования регионов и направлений деятельности по ряду показателей для оценки их значимости и определения структуры моделей для перспективных исследований. Расчет рейтинга регионов может быть осуществлен посредством:

» интегрированного индекса: комбинирует нормализованные значения показателей через факторные нагрузки, выявленные методом главных компонент, например, для услуг вес показателей определяется их вкладом в дисперсию данных;

» ранжирования: регионы распределяются по рейтингу на основе индекса (например, Минск лидирует по доле услуг в ВРП, малые города — по темпам роста занятости);

» визуализации: интерактивные карты и графики на портале, отображающие региональные различия.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 ноября 2019 г. № 765 «О портале рейтинговой оценки» в Республике Беларусь введен в эксплуатацию портал рейтинговой оценки организаций, оказывающих услуги, обеспечивающие жизнедеятельность населения, и (или) осуществляющих административные процедуры [8]. С целью обеспечения прозрачного и объективного механизма оценки эффективности деятельности организаций в Республике Беларусь создан и функционирует портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями Республики Беларусь, который доступен в сети Интернет по адресу: <http://качество-услуг.бел> [9]. Данный Государственный портал рейтинговой оценки позволяет гражданам оценивать организации по критериям: качество услуг, комфорт, эффективность административных процедур. Регистрация через email или соцсети, анкетирование по 5-балльной шкале, в результате рейтинг организаций формируется как среднее арифметическое всех оценок.

Алгоритм авторской методики рейтинговой оценки эффективности сферы услуг в регионах представлен в таблице 1.

Основным фактором экономического развития регионов Беларуси, определяющим эффективность использования трудовых ресурсов, конкурентоспособность и социальную стабильность является производительность труда в сфере услуг [10]. Нами предложено использование ключевого индикатора экономической эффективности — коэффициент относительной эффективности, рассчитываемый как отношение доли сектора

Таблица 1 – Алгоритм методики рейтинговой оценки эффективности СУ в регионах

№	Этап	Действия	Методы и инструменты	Результат
1	Определение цели и критериев	Оценка и сравнение регионов по эффективности вклада отраслей сферы услуг с выявлением проблем и ключевых критериев	Теоретико-методологический метод	Расчет показателей эффективности. Выявление ключевых проблем, которые должна решать методика
2	Сбор данных	Систематизация статистических данных по видам экономической деятельности в сфере услуг доли ВРП и уровню занятости	Данные официальной статистики (публикаций и интерактивной базы)	Сформированная база данных для анализа
3	Ранжирование сфер деятельности и занятости в разрезе регионов	Выявление наибольшего вклада отраслей в ВРП и более высокого уровня занятости в отраслях по регионам. Построение рейтинговых таблиц с динамикой, графиков по критериям	Определение значимости и расстановка их в порядке приоритета. Использование методов (сортировки по убыванию показателей, применение многокритериальной оценки)	Ранжирование сфер деятельности позволит определить, на каких областях сосредоточиться в первую очередь, чтобы достичь поставленных целей, выявить отрасли, имеющие наибольший потенциал для развития в каждом регионе, обнаружить проблемы, связанные с занятостью
4	Определение интегрального показателя	Расчет коэффициента относительной эффективности, учитывающего долю вклада данной отрасли в ВРП к доле занятых в данной сфере	Статистические методы	Ранжированный список регионов
5	Визуализация и интерпретация	Построение рейтинговых таблиц и графиков, выявление сильных и слабых сторон регионов	Инструменты анализа	Наглядное представление результатов
6	Разработка рекомендаций. Мониторинг и актуализация	Предложить меры для улучшения сферы услуг в регионах. Периодически обновлять данные и пересчитывать рейтинг. Оценивать динамику изменений	Системы регулярного сбора данных	План мероприятий по повышению эффективности сферы услуг, актуальные и достоверные оценки

Примечание. Составлено авторами.

в ВРП (ДВ) к доле занятых в нем (ДЗ), отражающий продуктивность труда. Следовательно, для оценки эффективности сферы услуг в разрезе регионов предлагается использовать следующие показатели эффекта: доля вклада данной сферы деятельности в ВРП (Y1); доля трудоспособного населения региона, занятого в данной сфере (Y2). Значение $КОЭ > 1$ свидетельствует о том, что сектор генерирует высокую добавленную стоимость на единицу труда, а $КОЭ < 1$ отражает низкую эффективность и избыток занятости при недостатке инвестиций. Рост производительности в услугах стимулирует

переход от индустриальной к постиндустриальной модели. Так, в г. Минске высокий КОЭ в торговле (1,21) и ИТ (2,10) подтверждает роль услуг как драйвера диверсификации экономики. Проведенный нами анализ (таблица 2) выявил значительную межрегиональную дифференциацию.

Высокопродуктивный сектор, такой как информация и связь, имеющий максимальный КОЭ в Могилевской (3,29) и Гомельской (2,46) областях обусловлен инвестициями в цифровизацию и экспортоориентированными ИТ-кластерами. Зарплата в этом секторе в Беларуси (1360 USD)

Таблица 2 — Средние значения КОЭ по средним данным ДВ и ДЗ за период с 2010 по 2023 г.

Виды экономической деятельности СУ	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Торговля, ремонт	0,9946	1,0891	0,8828	0,8813	1,2145	0,9275	0,7500
Транспорт, складирование, почта	1,3101	1,1275	1,5013	0,9467	1,2334	0,8340	1,0679
Проживание и питание	0,5573	0,6121	0,4638	0,5127	0,5718	0,4960	0,4773
Информация и связь	2,7576	2,7068	2,4615	2,4433	2,1007	1,2833	3,2906
Финансовая и страховая деятельность	3,5206	3,6522	3,6695	3,1462	2,4060	3,3522	5,5462
Операции с недвижимым имуществом	5,8625	5,9540	4,6076	5,0690	2,6997	4,9287	5,4203
Научная и техническая деятельность	1,1285	1,0698	1,0554	0,9261	0,9174	1,0337	0,9491
Административные услуги	0,6585	0,6296	0,5246	0,6317	0,7205	0,6350	0,6689
Государственное управление	0,6838	0,7132	0,6799	0,5822	0,4142	0,5015	0,8564
Образование	0,6133	0,6219	0,5847	0,5365	0,3920	0,4511	0,7771
Здравоохранение и социальные услуги	0,7288	0,7650	0,7142	0,6307	0,5392	0,4997	0,8152
Творчество, спорт, развлечения и отдых	0,7127	0,6316	0,5316	0,5290	0,7317	0,4727	0,7310
Предоставление прочих видов услуг	0,6216	0,8086	0,6031	0,5195	0,4971	0,5092	0,8079

Примечание. Составлено авторами на основе статистических данных [11].

на 45% выше, чем в России (935 USD), что подтверждает его эффективность. Деятельность в сфере «Финансы» при КОЭ до 5,54 (Могилевская область) объясняется автоматизацией и концентрацией капитала. К низкопродуктивным секторам можно отнести: 1) образование и здравоохранение, где КОЭ < 1 (например, 0,39 в Минске) из-за высокой трудоемкости, высокой доли бюджетного финансирования и норм труда, где доля занятых здесь достигает 15–20%, но вклад в ВРП не превышает 5–7%; 2) проживание и питание с КОЭ 0,46–0,61 в регионах (Гомельская, Брестская области) связан с преобладанием малого бизнеса с ручным трудом и низкой автоматизацией. Данные демонстрируют различие эффективности сферы услуг в Беларуси, при этом ключевыми драйверами роста являются ИТ, финансы и недвижимость, тогда как социальные услуги и госуправление требуют модернизации, а инвестиции в технологии и кадры смогут повысить КОЭ. Причины региональных различий обусловлены также старением населения,

что снижает мобильность трудовых ресурсов. В Витебской и Могилевской областях дефицит ИТ-специалистов тормозит рост КОЭ в высокотехнологичных услугах; внедрение ИТ в услугах здравоохранения (электронные очереди) и образовании (e-learning) сократило рутинные операции, повысив КОЭ на 15–20% в пилотных регионах. Экономические и социальные эффекты сферы услуг выражаются, во-первых, в ее мультипликативном воздействии, поскольку рост производительности в ИТ-услугах на 1% увеличивает ВРП смежных отраслей, таких как логистика и торговля на 0,6–0,8 % за счет синергии. Сокращение регионального дисбаланса обеспечивается за счет переноса ИТ-хабов в области (например, Парк высоких технологий в Гродно): КОЭ ИТ в регионах вырос с 1,28 (2010 г.) до 2,75 (2023 г.). Социальные аспекты выражаются в том, что низкая производительность в здравоохранении (КОЭ 0,54–0,81) ведет к дефициту кадров и росту нагрузки на медиков (до 1,7 ставок на врача).

Виды деятельности ранжируются по значению каждого показателя от наиболее эффективного к наименее эффективному. Если в процессе ранжирования значения показателя для нескольких видов деятельности не различаются, всем им присваивается ранг R , равный среднему арифметическому значению их порядковых номеров в ранжированном ряду. Затем для каждого из видов деятельности ранги суммируются. Наивысший рейтинг по эффективности присваивается виду деятельности с наименьшей суммой рангов [12; 13]. Для формирования рейтинга эффективности сфер деятельности по ансамблю регионов используется следующая формула:

$$R_j = \sum_{i=1}^7 R_{ij}, \quad (1)$$

Рейтинг по видам экономической деятельности сферы услуг по средним значениям КОЭ для

всех регионов определялся нами на основе суммы рангов (чем меньше сумма, тем выше рейтинг). В результате (таблица 3) на первом месте является деятельность в сфере «Операции с недвижимым имуществом» (сумма рангов = 8), а в аутсайдерах (XIII место) деятельность, связанная с «проживанием и питанием» при сумме рангов 85. Услуги в сфере недвижимости (например, сделки купли-продажи, аренда, управление имуществом) часто требуют относительно низких операционных затрат при высоких комиссионных вознаграждениях, имеется довольно высокий уровень рентабельности продаж. Многие операции (например, риэлторские услуги) требуют минимальных вложений, но приносят быстрый доход за счет комиссий. Высокая производительность в сфере операций с недвижимым имуществом обусловлена низкой капиталоемкостью, оптимизированной структурой затрат, специализацией труда и адаптацией цифровых технологий. Совершенствование

Таблица 3 — Рейтинговая модель видов деятельности сферы услуг по ансамблю регионов Республики Беларусь на основании средних значений КОЭ за период с 2010 по 2023 г.

Виды экономической деятельности СУ	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область	Сумма рангов	Рейтинг
Торговля, ремонт	6	5	6	6	5	5	10	43	VI
Транспорт, складирование, почта	4	4	4	4	4	6	4	30	IV
Проживание и питание	13	13	13	13	9	11	13	85	XIII
Информация и связь	3	3	3	3	3	3	3	21	III
Финансовая и страховая деятельность	2	2	2	2	2	2	1	13	II
Операции с недвижимым имуществом	1	1	1	1	1	1	2	8	I
Научная и техническая деятельность	5	6	5	5	6	4	5	36	V
Административные услуги	10	11	12	7	8	7	12	67	X
Государственное управление	9	9	8	9	12	9	6	62	VIII
Образование	12	12	10	10	13	13	9	79	XII
Здравоохранение и социальные услуги	7	8	7	8	10	10	7	57	VII
Творчество, спорт, развлечения и отдых	8	10	11	11	7	12	11	70	XI
Предоставление прочих видов услуг	11	7	9	12	11	8	8	66	IX

Примечание. Разработано авторами.

Таблица 4 — Рейтинговая модель регионов Республики Беларусь по ансамблю видов деятельности сферы услуг на основании средних значений КОЭ за период с 2010 по 2023 г.

Виды экономической деятельности СУ	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Торговля; ремонт	3	2	5	6	1	4	7
Транспорт, складирование, почта	2	4	1	6	3	7	5
Проживание и питание	3	1	7	4	2	5	6
Информация и связь	2	3	4	5	6	7	1
Финансовая и страховая деятельность	4	3	2	6	7	5	1
Операции с недвижимым имуществом	2	1	6	4	7	5	3
Научная и техническая деятельность	1	2	3	6	7	4	5
Административные услуги	3	6	7	5	1	4	2
Государственное управление	3	2	4	5	7	6	1
Образование	3	2	4	5	7	6	1
Здравоохранение и социальные услуги	3	2	4	5	6	7	1
Творчество, спорт, развлечения и отдых	3	4	5	6	1	7	2
Предоставление прочих видов услуг	3	1	4	5	7	6	2
Сумма рангов	35	33	56	68	62	73	37
Рейтинг	II	I	IV	VI	V	VII	III

Примечание. Разработано авторами.

законодательства (например, Указ № 138 от 2023 г.) упростило процессы аренды и управления имуществом, что повысило эффективность операций [14]. Анализируя различия по видам деятельности в регионах, отметим 3 сектора с наиболее высоким КОЭ. Недвижимость занимает первое место, для которой характерна низкая доля занятых при высокой доходности (автоматизация сделок, рост цен) и регионы-лидеры по данному направлению — это Витебская (1-е место) и Брестская (2-е) области. На втором месте сфера финансов, где происходит концентрация капитала, развитие финтеха и лидирует в этом направлении Могилевская область (1-е место) — ИТ-кластеры. На третьем месте «Информация и связь» вследствие экспорта ИТ-услуг (ПВТ) и также данный показатель на 1-м месте в Могилевской области. К аутсайдерам с низким КОЭ следует отнести: 1) сферу «Проживание и питание» на XIII месте,

вследствие высокой трудоемкости, сезонности, малый бизнес и худшие показатели для областей Гомельской (7-е место) и Гродненской (4-е); 2) образование (XII место) как бюджетную сферу со значительным штатным персоналом.

Низкая производительность в сфере проживания и питания обусловлена высокой трудоемкостью и низкой добавленной стоимостью. Данная сфера требует значительного числа работников для обслуживания (например, персонал гостиниц, повара, официанты) и для нее характерно интенсивное использование ручного труда. Гостиничный и ресторанный бизнес сильно зависит от туристического потока и потребительского спроса, который может быть нестабильным вследствие ряда факторов (экономических кризисов, санкций, пандемии).

Рейтинг регионов по совокупности видов деятельности рассчитывался, исходя из суммы

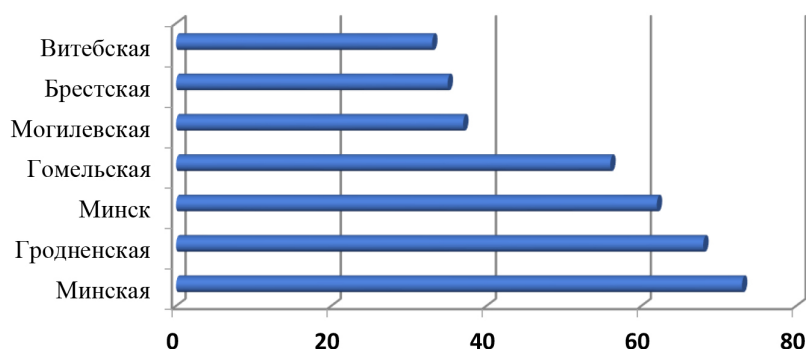

Рисунок 1 — Суммарное значение рангов, отображающее рейтинг по значимости регионов Беларуси согласно КОЭ отраслей сферы услуг по усредненным данным 2010–2023 гг.

Примечание. Составлено на основе расчетов авторов.

рангов по всем секторам (чем меньше сумма, тем выше рейтинг региона). Результаты, представленные в таблице 4, показывают, что Витебская область (сумма = 33) находится на 1-м месте, а Минская область (73) заняла 7-е место.

Графическое представление рейтинговой модели регионов Республики Беларусь по ансамблю видов деятельности сферы услуг на основании средних значений КОЭ за период с 2010 по 2023 г. отображено на рисунке 1.

Изучение полученных различий по регионам позволило выделить области с высоким КОЭ: Витебская область (I место), в которой сильными сторонами является отрасль недвижимости (1-е место) и транспорт (4-е) вследствие выгодного географического положения (транзит ЕС — Россия); Брестская область (II место) — развит транспорт (2-е место) и торговля (3-е), что объясняется логистическим хабом (граница с ЕС); Могилевская область (III место) наибольшая отдача от сферы финансы (1-е место) и ИТ (1-е) как результат инвестиций в ИТ (ПВТ) и диверсификации экономики. С низким КОЭ следует отнести: 1) Минскую область (VII место) вследствие невысоких показателей в транспорте (7-е место) и образовании (6-е), которые вызваны перенаселенностью и высокой долей бюджетного сектора 2) Гродненскую область (VI место), где отмечается отставание в научной сфере (6-е место) и творчестве (6-е) вследствие дефицита инвестиций и сокращением числа молодежи.

Данные различия обоснованы экономической структурой, в частности регионы с высокой долей высокотехнологичных услуг (ИТ, финансы) и одновременно низким уровнем занятости (доля населения ниже в Могилевской и Витебской

областях) показывают более высокий КОЭ. Регионы с преобладанием традиционных секторов (социальные услуги, транспорт) отстают (Гродненская, Минская). Географическая составляющая также оказывает влияние на показатели эффективности: в приграничных регионах (Брестская, Витебская области) развивают логистику и торговлю, а внутренние области страдают от моногородов и низкой диверсификации. Обратим внимание на три ключевые метрики, обеспечивающие экономический эффект, — вклад в ВВП, социальный эффект — уровень занятости и отдачу через коэффициент эффективности. Важно выявить закономерности развития секторов с высокой эффективностью, но низкой занятостью, что указывает на капиталоемкие отрасли, а обратная ситуация — на трудоемкие виды деятельности. Авторами разработана таблица 5, отражающая структурные особенности экономики Беларуси.

Данные таблицы показывают, что сфера услуг является структурно неоднородной. Выделяется явный лидер — сфера торговли, которая имеет наибольшие доли как в формировании ВВП (11,12 %), так и по уровню занятости (11,27 %), что свидетельствует о ее фундаментальной роли в экономике страны как основного распределительного механизма и главного работодателя. Анализ по коэффициенту относительной эффективности как фактору роста производительности труда при КОЭ > 1 означает, что отрасль создает большую долю ВВП, чем долю рабочих мест. На основе КОЭ все виды деятельности можно разделить на три группы:

I группа — высокоэффективные (высокопроизводительные) сектора (КОЭ > 1,5), которые являются драйверами роста производительности

Таблица 5 — Рейтинговая модель видов деятельности сферы услуг Беларуси по доле вклада в ВВП, доле занятости трудоспособного населения и коэффициенту относительной эффективности

Виды экономической деятельности СУ	Вклад (%)	Ранг	Занятые (%)	Ранг	КОЭ	Ранг
Торговля, ремонт	11,12143	1	11,26643	1	0,989547	6
Транспорт, складирование, почта	5,578571	2	5,364286	4	1,039469	5
Проживание и питание	0,85	12	1,692143	9	0,502126	12
Информация и связь	4,621429	4	1,95	7	2,299701	3
Финансовая и страховая деятельность	3,464286	7	1,240714	13	2,802869	2
Операции с недвижимым имуществом	5,042857	3	1,374286	11	3,69703	1
Научная и техническая деятельность	2,485714	9	2,517143	6	0,986527	7
Административные услуги	1,178571	10	1,810714	8	0,648069	8
Государственное управление	3,521429	6	3,385714	5	1,040669	4
Образование	4,042857	5	8,178571	2	0,494402	13
Здравоохранение и социальные услуги	3,4	8	5,762143	3	0,587197	10
Творчество, спорт, развлечения и отдых	0,942857	11	1,532857	10	0,617744	9
Предоставление прочих видов услуг	0,65	13	1,253571	12	0,514468	11

Примечание. Разработано авторами.

в сфере услуг Беларуси, развитие которых критически важно для повышения эффективности всей национальной экономики.

» операции с недвижимым имуществом (КОЭ = 3,70), первое место, где чрезвычайно высокая доля в ВВП (5,04%) при относительно низкой занятости (1,37%), что характерно для данного сектора, который является высокомаржинальным и зачастую капиталоемким, а не трудоемким;

» финансовая и страховая деятельность (КОЭ = 2,80), второе место. Данный сектор высокотехнологичный и высокодоходный, где высокая добавленная стоимость создается относительно небольшим числом высококвалифицированных специалистов;

» информация и связь (КОЭ = 2,30), третье место занимает отрасль, основанная на знаниях, при этом высокая производительность обусловлена цифровизацией и масштабируемостью ИТ-услуг.

2 группа — сектора со средней эффективностью ($1,0 < \text{КОЭ} < 1,5$) к ним относятся: государственное управление (КОЭ = 1,04); транспорт, складирование, почта (КОЭ = 1,04); торговля (КОЭ = 0,99 ~1,0). Эти сектора формируют

основу экономики, поскольку их производительность близка к средней по представленной выборке, причем крупнейший сектор — торговля имеет эффективность ровно на среднем уровне.

3 группа — низкоэффективные или трудоемкие сектора (КОЭ < 1,0), выполняющие жизненно важные социальные и общественные функции, а их низкий КОЭ не всегда является признаком плохого управления, а часто отражает объективные особенности, связанные с трудоемкостью, сложностью, большой долей ручного труда:

» образование (КОЭ = 0,49), имея наименьшую эффективность, обладает второй по величине долей занятости (8,18%) при относительно скромном вкладе в ВВП (4,04 %), что является общемировой тенденцией для сектора, который по своей природе трудоемкий, так как его отдача проявляется в долгосрочной перспективе;

» здравоохранение (КОЭ = 0,59) обладает высокой социальной значимостью и занятостью, но низкой краткосрочной отдачей в показателях ВВП;

» проживание и питание (КОЭ = 0,50) — традиционно низкопроизводительный сектор

с высокой конкуренцией и низкой добавленной стоимостью на одного работника.

Анализ структурных диспропорций между вкладом в ВВП и занятостью на основе сравнения рангов по ДВ и ДЗ позволил выявить, что наибольшая отрицательная диспропорция (занятость высокая, а вклад в ВВП низок) характерна для образования (ранг 5 по ДВ в сравнении с рангом 2 по ДЗ) и здравоохранение (8 против 3), что подтверждает их статус социально значимых, но экономически затратных секторов. Наибольшая позитивная диспропорция (вклад в ВВП высок, а занятость низкая) присуща сферам операции с недвижимостью (3 против 11), финансовой деятельности (7 и 13) и информации и связь (4 и 7), являющимися ядром высокопроизводительного сегмента экономики. Таким образом, данные таблицы 5 наглядно демонстрируют как сильные стороны (наличие быстрорастущих высокопроизводительных отраслей), так и ключевые структурные вызовы (высокая занятость в низкопроизводительных секторах), стоящие перед экономикой Республики Беларусь.

С учетом определенной мозаичности значений факторов ДВ и ДЗ в целях более глубокого анализа их системных связей, определяющих значения показателя КОЭ, была проведена оценка корреляционных связей между показателями ДВ и ДЗ для всех видов деятельности сферы услуг по всем регионам и по Республике Беларусь в целом. Для решения данной задачи использовались методы расчета коэффициентов линейной корреляции Пирсона (формула 2) и коэффициентов ранговой корреляции Кэндалла (формула 3) и Спирмэна (формула 4). Коэффициент линейной корреляции Пирсона рассчитывался следующим образом:

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2 \sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}}, \quad (2)$$

где i – порядковый номер исследования (номер года в исследуемом ряду);

n – количество лет, включенных в исследование ($n = 14$, с 2010 по 2023 г.);

x_i, y_i – значения показателей ДВ и ДЗ в i -м году соответственно;

\bar{x}, \bar{y} – средние арифметические значения показателей ДВ и ДЗ за изучаемый период.

Коэффициент ранговой корреляции Кэндалла рассчитывался в соответствии с формулой 3:

$$\tau = 1 - \frac{4n_D}{n(n-1)}, \quad (3)$$

где n – количество парных исследований;

n_D – количество дисконкордантных (несогласованных) пар исследований.

Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмэна осуществлялся по формуле:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2-1)}, \quad (4)$$

где n – количество парных исследований;

d_i – разности рангов значений показателей ДВ и ДЗ в каждом исследовании [15].

Результаты расчетов представлены в таблице 6. Очевидно, что корреляционные связи показателей ДВ и ДЗ значительно варьируются как в территориальном разрезе, так и в разрезе видов деятельности сферы услуг: имеют место как практически нулевые, так и положительные и отрицательные значения коэффициентов корреляции.

Так, в здравоохранении почти везде высокая положительная корреляция, а в торговле — слабая или отрицательная. Подчеркнем, что в Минске довольно высокая корреляция в торговле, в отличие от других регионов и это связано с концентрацией бизнеса и покупательной способностью населения. Отметим сильные различия в операциях с недвижимостью: в Минской и Могилевской областях корреляция положительная, а в других — отрицательная, что может отражать разную зрелость рынков недвижимости. Положительная корреляция означает, что рост доли занятых сопровождается ростом доли в ВРП (и наоборот), то есть отрасль эффективно использует трудовые ресурсы, в то время как отрицательная корреляция указывает на дисбаланс (увеличение занятости не приводит к пропорциональному росту вклада в ВРП и свидетельствует о низкой производительности труда или структурных перекосах).

Графическое представление значений коэффициентов корреляции показателей ДВ и ДЗ для отдельного вида деятельности (торговля, ремонт) в регионах и Республике Беларусь показано на рисунке 2, а для всех видов деятельности — на рисунке 3.

В большинстве регионов в сфере торговли отрицательная корреляция (например, Могилевская область коэффициент по Пирсону $-0,536$), исключение: г. Минск ($0,723$), следовательно в регионах рост занятости не ведет к росту вклада в ВРП (возможно, из-за низкой производительности или неформальной занятости) в то время, как в Минске — высокая эффективность торговли.

Таблица 6 — Коэффициенты корреляции показателей ДВ и ДЗ для видов деятельности в сфере услуг в регионах и Республике Беларусь

Виды деятельности СУ	Условные обозначения	Коэффициенты корреляции	Республика Беларусь	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Торговля, ремонт	ТРГ	Пирсона	– 0,356	– 0,360	0,100	0,227	– 0,408	0,723	– 0,381	– 0,536
		Кэндалла	– 0,167	– 0,133	0,122	0,155	– 0,221	0,530	– 0,144	– 0,275
		Спирмэна	– 0,247	– 0,231	0,138	0,262	– 0,332	0,735	– 0,297	– 0,411
Транспорт, складирование, почта	ТРН	Пирсона	0,669	0,515	0,778	0,780	0,101	0,820	0,873	0,214
		Кэндалла	0,593	0,393	0,685	0,670	0,091	0,618	0,559	0,179
		Спирмэна	0,724	0,666	0,821	0,808	0,128	0,749	0,730	0,276
Проживание и питание	ПРЖ	Пирсона	0,333	0,524	– 0,502	0,416	0,323	0,550	0,073	– 0,500
		Кэндалла	0,316	0,307	– 0,231	0,342	0,128	0,460	0,116	– 0,421
		Спирмэна	0,426	0,369	– 0,390	0,417	0,153	0,564	0,146	– 0,545
Информация и связь	ИНФ	Пирсона	0,960	0,671	0,543	0,614	0,548	0,938	0,452	0,392
		Кэндалла	0,884	0,517	0,545	0,480	0,425	0,862	0,382	0,279
		Спирмэна	0,966	0,669	0,707	0,621	0,464	0,964	0,549	0,474
Финансовая и страховая деятельность	ФИН	Пирсона	0,372	0,777	0,744	0,663	0,759	0,350	0,415	0,805
		Кэндалла	0,170	0,625	0,528	0,432	0,559	0,249	0,364	0,734
		Спирмэна	0,226	0,791	0,717	0,589	0,728	0,377	0,445	0,850
Операции с недвижимым имуществом	НДВ	Пирсона	– 0,170	– 0,284	– 0,709	– 0,615	– 0,061	0,429	0,881	0,801
		Кэндалла	– 0,265	0,056	– 0,461	– 0,402	– 0,101	0,425	0,786	0,640
		Спирмэна	– 0,436	– 0,055	– 0,666	– 0,553	– 0,167	0,553	0,900	0,805
Научная и техническая деятельность	НТД	Пирсона	0,727	– 0,053	0,314	– 0,131	– 0,131	0,485	0,723	0,650
		Кэндалла	0,503	– 0,116	0,158	0,000	– 0,048	0,460	0,452	0,466
		Спирмэна	0,675	– 0,075	0,325	0,011	– 0,052	0,592	0,657	0,602
Административные услуги	АДМ	Пирсона	0,658	0,353	– 0,203	0,436	0,719	0,437	0,397	0,272
		Кэндалла	0,323	0,287	– 0,279	0,302	0,642	0,540	0,278	0,162
		Спирмэна	0,504	0,377	– 0,340	0,356	0,805	0,745	0,354	0,238
Государственное управление	ГУП	Пирсона	– 0,232	– 0,319	0,680	– 0,041	0,529	– 0,160	– 0,587	– 0,647
		Кэндалла	0,023	– 0,261	0,593	0,193	0,567	– 0,234	– 0,468	– 0,492
		Спирмэна	– 0,027	– 0,380	0,721	0,253	0,691	– 0,301	– 0,604	– 0,669
Образование	ОБР	Пирсона	0,113	0,565	0,578	0,687	0,306	– 0,398	0,436	– 0,017
		Кэндалла	0,070	0,407	0,517	0,475	0,193	– 0,170	0,308	– 0,071
		Спирмэна	0,070	0,542	0,691	0,668	0,315	– 0,236	0,445	– 0,075
Здравоохранение и социальные услуги	ЗДР	Пирсона	0,914	0,906	0,956	0,952	0,729	0,902	0,649	0,792
		Кэндалла	0,791	0,678	0,730	0,805	0,452	0,827	0,486	0,557
		Спирмэна	0,902	0,795	0,852	0,933	0,632	0,937	0,649	0,730
Творчество, спорт, развлечения и отдых	ТВР	Пирсона	– 0,371	– 0,195	0,688	– 0,007	0,431	– 0,115	0,342	0,087
		Кэндалла	– 0,329	– 0,073	0,612	– 0,039	0,353	– 0,024	0,384	0,286
		Спирмэна	– 0,416	– 0,102	0,725	– 0,089	0,434	– 0,036	0,560	0,393
Предоставление прочих видов услуг	ПРЧ	Пирсона	0,814	0,491	0,524	0,343	– 0,400	0,675	0,528	0,066
		Кэндалла	0,643	0,380	0,338	0,289	– 0,350	0,473	0,358	0,205
		Спирмэна	0,807	0,496	0,423	0,462	– 0,460	0,631	0,426	0,255

Примечание. Разработано авторами.

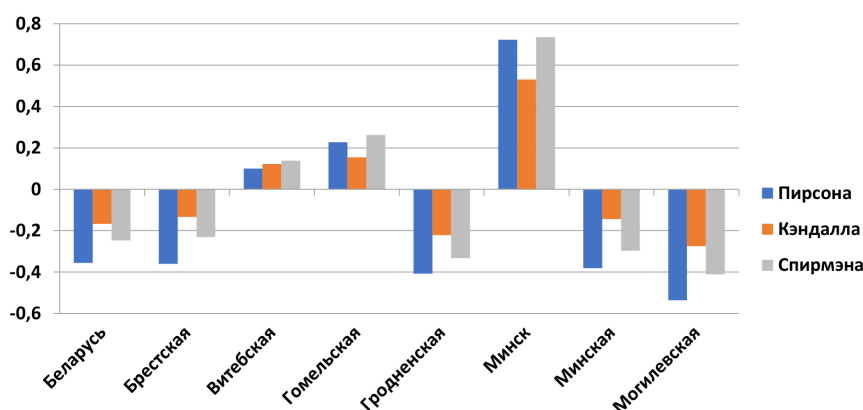

Рисунок 2 — Корреляции показателей ДВ и ДЗ для сферы торговли в регионах Беларуси

Примечание. Разработано авторами.

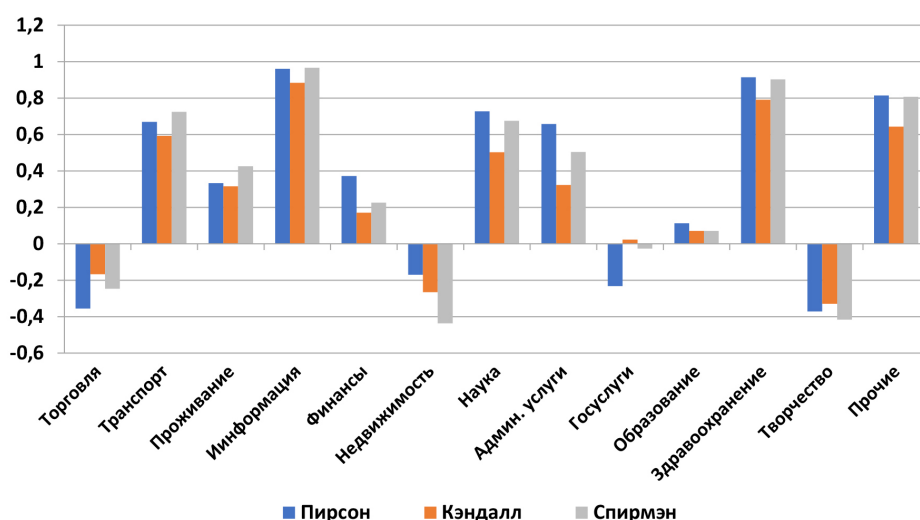

Рисунок 3 — Корреляции показателей ДВ и ДЗ для видов деятельности в Республике Беларусь

Примечание. Разработано авторами.

Оценивая региональные различия, отметим, что г. Минск выделяется высокой эффективностью в информации и связи (0,938), торговле (0,723), операциях с недвижимостью (0,429) с концентрацией высокодоходных услуг. В разрезе областей ситуация следующая: для Минской области видны сильные связи в операциях с недвижимостью (0,881) и транспорте (0,873); для Витебской и Гомельской областей — сильная связь в транспорте (0,778–0,780) и здравоохранении (0,956–0,952); в Могилевской области ярко выражена слабая связь в торговле (–0,536) и предоставлении прочих услуг (0,066), но сильная в операциях с недвижимостью (0,801). Наиболее эффективными отраслями, где занятость напрямую влияет на вклад в ВРП являются информация

и связь, здравоохранение, транспорт и логистика (в развитых регионах). Следует сказать, что значения коэффициентов корреляции, рассчитанных по различным алгоритмам, различаются между собой, а иногда даже рассогласованы (имеют значения с различными знаками). Это обусловлено различной степенью чувствительности методов расчета к объему выборочной совокупности (коэффициенты корреляции Пирсона и Кэндалла) и типу частотного распределения данных (коэффициент корреляции Пирсона). Рассогласованность имеет место лишь в случаях, где значения коэффициентов корреляции практически стремятся к нулю, что вполне объяснимо. Положительные значения коэффициентов корреляции указывают на увеличение доли вклада указанного вида

деятельности в ВРП данного региона (ДВ) при увеличении доли трудоспособного населения этого региона, занятого данным видом деятельности (ДЗ). Отрицательные значения демонстрируют снижение вклада данного вида деятельности при увеличении доли занятых. Значения коэффициентов корреляции, близкие к нулевым, свидетельствуют о крайне слабом влиянии изменений доли занятых в данном виде деятельности на долю его вклада в ВРП. Выявление причин подобной мозаичности в каждом случае требует более глубокого анализа как в аспекте экономической науки, так и в плане поиска адекватного математического инструментария обработки данных.

С целью дальнейшей детализации и интерпретации полученных результатов в предоставленном исследовании был применен метод регрессионного моделирования, используя инструмент (IBM SPSS Statistics 22). Для построения моделей значения вклада сферы услуг в ВРП (ДВРП) и ВВП (ДВВП) использовались следующие факторы: доля вклада в ВРП (ВВП) вида деятельности как экономическая компонента (ДВ), доля занятых видом деятельности трудоспособного населения как социальная компонента (ДЗ) и коэффициент относительной эффективности вида деятельности в качестве интегрального показателя его функционирования (КОЭ). Поскольку как изолированные (ДВ и ДЗ), так и интегральный (КОЭ) характеризуются определенной мозаичностью значений по регионам, логичным представляется обоснование порогового значения интегрального показателя для отбора наиболее значимых видов деятельности в качестве базовых факторов для моделей. Очевидно, что целесообразным было бы принятие в качестве наиболее значимых видов деятельности, значение КОЭ для которых составляет не менее 1. Но так как для различных регионов количество таких видов деятельности неодинаково и составляет от 3 до 7 (Гродненская область — 3; Минская и Могилевская области — 4; Гомельская область и город Минск — 5; Брестская и Витебская области — 6; Республика Беларусь в целом — 7), нарушается однородность результирующих моделей по количеству определяющих факторов. Таким образом, было принято решение использовать для построения моделей виды деятельности с рейтингом от 1 до 7 по каждому из факторов. В соответствии с рейтингом (таблица 3) для каждого региона и для Республики Беларусь в целом построены три модели регрессии, где зависимой переменной является ДВРП, а независимыми — показатели

по отраслям (ТРГ, ТРН, ИНФ и т.д.) для трех факторов: ДВ — доля вклада отрасли в ВРП (экономическая компонента), ДЗ — доля занятых в отрасли (социальная компонента), КОЭ — коэффициент относительной эффективности (интегральный показатель), представленные в таблице 7.

По фактору ДВ (экономическая компонента) наиболее часто значимые отрасли: торговля, транспорт, ИТ, финансы, здравоохранение. Высокие коэффициенты у здравоохранения (1,302 в Брестской и 2,334 в Гомельской областях) и образования (2,427 в Витебской), что указывает на их сильное влияние на ВРП. Отрицательные коэффициенты встречаются редко (например, по недвижимости в Гомельской области коэффициент регрессии – 0,190), что может говорить о неэффективности или перекосах в этих отраслях.

По фактору ДЗ (социальная компонента) в моделях часто включают отрицательные коэффициенты (например, транспорт в Брестской области: –8,720; здравоохранение в Гродненской области: –6,724) означая, что рост занятости в этих отраслях не всегда ведет к росту ВРП, — возможно, из-за низкой производительности труда или избыточной занятости. Исключение составляют показатели по г. Минску, где коэффициенты положительны для торговли, транспорта, образования и здравоохранения.

По фактору КОЭ (интегральная эффективность) наиболее значимые отрасли: торговля, транспорт, информация и связь, здравоохранение. Высокие коэффициенты у транспорта (9,900 в Минской области) и здравоохранения (22,252 в Брестской области), что подтверждает их важность для экономики. Отрицательные значения отмечаются довольно редко (например, торговля в Витебской области — 4,241; ТВР в г. Минске — 4,341), что может указывать на неэффективное использование ресурсов в этих отраслях.

Следовательно, транспорт, информация и связь, здравоохранение являются ключевыми драйверами роста ВРП в большинстве регионов. Занятость в госуправлении и торговле требует оптимизации (рост числа занятых не ведет к росту ВРП) через цифровизацию процессов, развивая онлайн-торговлю, электронные госуслуги. Региональная политика должна учитывать специфику: в Минске и Минской области делать ставку на высокотехнологичные услуги (информацию и связь, финансы), а в других регионах упор стоит делать на транспорт и здравоохранение. Необходимо повышать эффективность (КОЭ) через инвестиции, цифровизацию и оптимизацию трудовых ресурсов. Рассматривая региональные особенности, можно заметить сильное

Таблица 7 – Уравнения регрессии вклада в ДВРП значимых отраслей СУ по регионам Беларуси и республике в целом в зависимости от трех ключевых факторов

Фактор	Регионы Беларуси
	Брестская область
ДВ	$\text{ДВРП}=0,911 \cdot \text{ТРГ}+0,456 \cdot \text{ТРН}+0,419 \cdot \text{ИНФ}+0,073 \cdot \text{ФИН}+0,853 \cdot \text{НДВ}+0,674 \cdot \text{ОБР}+1,302 \cdot \text{ЗДР}+18,079$
ДЗ	$\text{ДВРП}=3,182 \cdot \text{ТРГ}-8,720 \cdot \text{ТРН}+3,230 \cdot \text{ПРЖ}-6,657 \cdot \text{НТД}-10,836 \cdot \text{ГУП}+5,512 \cdot \text{ОБР}-3,101 \cdot \text{ЗДР}+77,869$
КОЭ	$\text{ДВРП}=7,855 \cdot \text{ТРГ}+4,506 \cdot \text{ТРН}+1,139 \cdot \text{ИНФ}+0,425 \cdot \text{ФИН}+0,541 \cdot \text{НДВ}+0,783 \cdot \text{НТД}+22,252 \cdot \text{ЗДР}+7,128$
	Витебская область
ДВ	$\text{ДВРП}=0,787 \cdot \text{ТРГ}+1,227 \cdot \text{ТРН}+0,768 \cdot \text{ФИН}+1,324 \cdot \text{НДВ}+1,102 \cdot \text{ГУП}+2,427 \cdot \text{ОБР}+0,399 \cdot \text{ЗДР}+2,956$
ДЗ	$\text{ДВРП}=0,210 \cdot \text{ТРГ}-1,125 \cdot \text{ТРН}-4,793 \cdot \text{ПРЖ}+22,296 \cdot \text{ФИН}+4,131 \cdot \text{ГУП}-5,412 \cdot \text{ОБР}+7,565 \cdot \text{ЗДР}+21,126$
КОЭ	$\text{ДВРП}=-4,241 \cdot \text{ТРГ}+9,778 \cdot \text{ТРН}-3,369 \cdot \text{ИНФ}+1,702 \cdot \text{ФИН}+0,000 \cdot \text{НДВ}+6,442 \cdot \text{НТД}+0,296 \cdot \text{ПРЧ}+36,020$
	Гомельская область
ДВ	$\text{ДВРП}=0,987 \cdot \text{ТРГ}+0,189 \cdot \text{ТРН}+2,591 \cdot \text{ИНФ}+1,556 \cdot \text{ФИН}-0,190 \cdot \text{НДВ}+0,097 \cdot \text{ОБР}+2,334 \cdot \text{ЗДР}+11,943$
ДЗ	$\text{ДВРП}=5,337 \cdot \text{ТРГ}+0,938 \cdot \text{ТРН}-10,235 \cdot \text{НТД}+12,096 \cdot \text{ГУП}-5,963 \cdot \text{ОБР}+5,833 \cdot \text{ЗДР}+5,322 \cdot \text{ТВР}-18,935$
КОЭ	$\text{ДВРП}=13,143 \cdot \text{ТРГ}+1,157 \cdot \text{ТРН}+1,787 \cdot \text{ИНФ}+0,958 \cdot \text{ФИН}+1,023 \cdot \text{НДВ}+1,679 \cdot \text{НТД}+11,092 \cdot \text{ЗДР}+6,071$
	Гродненская область
ДВ	$\text{ДВРП}=0,706 \cdot \text{ТРГ}-0,986 \cdot \text{ТРН}+0,449 \cdot \text{НДВ}+0,854 \cdot \text{НТД}+1,414 \cdot \text{ОБР}+1,613 \cdot \text{ЗДР}+6,457 \cdot \text{ТВР}+17,062$
ДЗ	$\text{ДВРП}=6,446 \cdot \text{ТРГ}-2,332 \cdot \text{ТРН}-2,426 \cdot \text{НТД}-0,132 \cdot \text{АДМ}+4,053 \cdot \text{ГУП}+4,488 \cdot \text{ОБР}-6,724 \cdot \text{ЗДР}-22,211$
КОЭ	$\text{ДВРП}=4,767 \cdot \text{ТРГ}+6,971 \cdot \text{ТРН}+1,356 \cdot \text{ИНФ}+0,780 \cdot \text{ФИН}+0,489 \cdot \text{НДВ}+2,679 \cdot \text{НТД}+1,857 \cdot \text{АДМ}+16,799$
	Город Минск
ДВ	$\text{ДВРП}=0,549 \cdot \text{ТРГ}+1,752 \cdot \text{ТРН}+0,988 \cdot \text{ИНФ}+1,222 \cdot \text{ФИН}+1,291 \cdot \text{НДВ}-0,063 \cdot \text{НТД}+3,579 \cdot \text{ОБР}+8,127$
ДЗ	$\text{ДВРП}=3,125 \cdot \text{ТРГ}+3,906 \cdot \text{ТРН}+0,004 \cdot \text{ИНФ}+1,998 \cdot \text{НТД}-0,329 \cdot \text{ГУП}+5,875 \cdot \text{ОБР}+10,105 \cdot \text{ЗДР}-110,701$
КОЭ	$\text{ДВРП}=-0,360 \cdot \text{ТРГ}+6,304 \cdot \text{ТРН}+7,864 \cdot \text{ИНФ}+1,081 \cdot \text{ФИН}+0,813 \cdot \text{НДВ}+1,053 \cdot \text{НТД}-4,341 \cdot \text{ТВР}+43,521$
	Минская область
ДВ	$\text{ДВРП}=0,731 \cdot \text{ТРГ}+1,574 \cdot \text{ТРН}+1,678 \cdot \text{ФИН}+0,306 \cdot \text{НДВ}+2,660 \cdot \text{НТД}+0,085 \cdot \text{ОБР}+2,079 \cdot \text{ЗДР}+5,022$
ДЗ	$\text{ДВРП}=3,790 \cdot \text{ТРГ}+3,247 \cdot \text{ТРН}-9,283 \cdot \text{НТД}-14,408 \cdot \text{АДМ}-1,826 \cdot \text{ГУП}-24,062 \cdot \text{ОБ}+11,026 \cdot \text{ЗДР}+121,234$
КОЭ	$\text{ДВРП}=7,778 \cdot \text{ТРГ}+9,900 \cdot \text{ТРН}+1,488 \cdot \text{ИНФ}+0,759 \cdot \text{ФИН}+1,489 \cdot \text{НДВ}+0,952 \cdot \text{НТД}+0,631 \cdot \text{АДМ}+6,896$
	Могилевская область
ДВ	$\text{ДВРП}=0,432 \cdot \text{ТРГ}+1,229 \cdot \text{ТРН}+1,231 \cdot \text{ФИН}+1,556 \cdot \text{НДВ}+0,689 \cdot \text{ГУП}+1,596 \cdot \text{ОБР}+0,803 \cdot \text{ЗДР}+5,670$
ДЗ	$\text{ДВРП}=4,968 \cdot \text{ТРГ}+7,039 \cdot \text{ТРН}+3,559 \cdot \text{НДВ}+6,679 \cdot \text{ГУП}-5,070 \cdot \text{ОБР}-0,949 \cdot \text{ЗДР}+0,933 \cdot \text{ТВР}-14,076$
КОЭ	$\text{ДВРП}=5,229 \cdot \text{ТРН}+0,433 \cdot \text{ИНФ}+0,494 \cdot \text{ФИН}+1,391 \cdot \text{НДВ}+2,522 \cdot \text{НТД}+0,318 \cdot \text{ГУП}+5,936 \cdot \text{ЗДР}+19,051$
	Республика Беларусь
ДВ	$\text{ДВВРП}=0,716 \cdot \text{ТРГ}+1,334 \cdot \text{ТРН}+1,204 \cdot \text{ИНФ}+0,903 \cdot \text{ФИН}+1,233 \cdot \text{НДВ}+1,112 \cdot \text{ГУП}+1,863 \cdot \text{ОБР}+5,141$
ДЗ	$\text{ДВВРП}=2,999 \cdot \text{ТРГ}-1,109 \cdot \text{ТРН}-1,349 \cdot \text{ИНФ}+8,501 \cdot \text{НТД}+9,670 \cdot \text{ГУП}-1,442 \cdot \text{ОБР}+1,646 \cdot \text{ЗДР}-30,137$
КОЭ	$\text{ДВВРП}=6,334 \cdot \text{ТРГ}+8,531 \cdot \text{ТРН}+3,637 \cdot \text{ИНФ}+0,823 \cdot \text{ФИН}+2,120 \cdot \text{НДВ}+3,327 \cdot \text{НТД}+0,519 \cdot \text{ГУП}+9,134$

Примечание. Разработано авторами.

влияние транспортной отрасли практически во всех регионах Беларуси на ее экономическое развитие, исключение столица, поскольку отрасли в г. Минске часто ведут себя иначе.

Практическое применение полученных результатов заключается в следующем:

» при прогнозировании и моделирования сценариев вклада сферы услуг в социально-эко-

номическое развитие регионов (например, корреляция между ростом определенного сектора сферы услуг и уровнем занятости в нем);

» при выявлении дисбалансов по уровню занятости и отдачи от отраслей (например, недостаточна доля услуг в ВРП конкретной области при высокой занятости и низкой эффективности) возможна корректировка программ поддержки

бюджетных отраслей (подготовка кадров, медобслуживание) и малого бизнеса;

» для обеспечения здоровой конкуренции среди регионов (например, публикация рейтингов на портале создает конкуренцию среди поставщиков услуг, мотивируя улучшение качества предоставляемых услуг).

Заключение. Таким образом результаты научного исследования позволили сформулировать следующие выводы:

1. Взгляды экономистов XVIII–XIX вв. на сферу услуг и занятость в ней были тесно связаны с их фундаментальными представлениями о природе богатства, стоимости и производительности, критериями материальности и полезности. С развитием неоклассического синтеза и теории предельной полезности А. Маршалла сфера услуг окончательно заняла равноправное место в экономической теории как создатель полезности и ценности.

2. Концепции А. Фишера, К. Кларка, У. Ростоу и Д. Белла представляют собой эволюцию понимания структурных сдвигов в сторону сервисной экономики. От первоначального описания секторов и эмпирического подтверждения тренда занятости (А. Фишер, К. Кларк), через встраивание этого тренда в общую схему экономического роста (У. Ростоу), к осмыслению глубинных социально-экономических трансформаций, связанных с доминированием знаниеемых услуг и становлением принципиально нового типа общества (Д. Белл). Каждая последующая теория не отменяла предыдущие, а добавляла новые уровни понимания, отражая усложнение самой экономической и социальной реальности в XX в.

3. Анализ разработанных рейтинговых моделей позволил получить дополнительную информацию о динамике исследуемого процесса, а введение интегрального показателя эффективности (КОЭ) показало его диагностическую значимость, продемонстрировала результаты, отличные от полученных в ходе анализа моделей, построенных на основе изолированных показателей (ДВ и ДЗ).

4. Рост производительность труда в сфере услуг требует преодоления институциональных барьеров, инвестиций в цифровизацию и адаптацию кадровой политики. Успешные отрасли (ИТ-сектор, недвижимость) демонстрируют потенциал для экспорта услуг, тогда как сектора с эффективностью около 1 (транспорт, торговля) нуждаются в модернизации и цифровизации для повышения их производительности и конкурентоспособности.

5. В ходе анализа выявлены три группы секторов сферы услуг по уровню эффективности, согласно чего экономика сферы услуг Беларуси имеет двойственную структуру: высокопроизводительный локомотив (недвижимость, финансы, ИТ) и широкий трудоемкий фундамент (торговля, госуправление, социальные услуги). Поэтому для устойчивого экономического роста необходимо стимулирование развития секторов с высоким КОЭ (финансы, ИТ), так как именно они обеспечивают рост доходов и ВВП без пропорционального увеличения занятости.

6. Для секторов с низким КОЭ (образование, здравоохранение) ключевой задачей является не сокращение, а повышение эффективности через внедрение цифровых технологий, оптимизацию процессов, так как их социальная функция не позволяет резко сокращать занятость. При этом инвестиции в качество образования и здравоохранения – это вложения в человеческий капитал, который в долгосрочной перспективе станет основой для роста высокопроизводительных секторов.

7. Адекватная интерпретация мозаичности уровней влияния доли трудоспособного населения, занятого различными видами деятельности сферы услуг с вкладом данных видов деятельности в ВРП регионов и ВВП Республики Беларусь и установление более детальных причин данного явления, требует дальнейшего экономического и математического анализа полученных результатов.

8. Сформированные в ходе исследования регрессионные модели показали, что для экономической компоненты (ДВ) наиболее весомыми оказались отрасли с высокой добавленной стоимостью, среди которых транспорт, информация и связь, операции с недвижимостью, здравоохранение; для социальной компоненты (ДЗ) во многих регионах рост занятости в торговле, транспорте, госуправлении не привел к пропорциональному росту ВРП, вследствие таких причин, как избыточная занятость, низкая производительность, административные барьеры; по интегральному показателю (КОЭ) наиболее эффективными отраслями выступили транспорт, информация и связь, здравоохранение при том, что отмечалась низкая эффективность в торговле (в некоторых регионах) и творческо-развлекательной сфере. Данные модели могут быть использованы при прогнозировании сценариев социально-экономического развития регионов с учетом функционирования отраслей сферы услуг.

Литература

1. Богатырёва, В.В. Организационное и финансовое обеспечение развития человеческого потенциала региональных социально-экономических систем Республики Беларусь / В.В. Богатырёва, Э.В. Павлыш, Ю.Ш. Салахова // *Управленческий учет*. — 2024. — Спец. вып. — С. 5–12.
2. Богино, Н.И. Региональная дифференциация развития сферы услуг в Республике Беларусь / Н.И. Богино // *Электронная библиотека БГУ*, 2015. — URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/118742> (дата обращения: 21.01.2025).
3. Ляликова, В.И. Рейтинг регионов Беларуси по развитию сферы услуг на основе панельных данных / В.И. Ляликова, О.Б. Цехан, А.В. Цехан // *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика = Journal of the Belarusian State University. Economics*. — 2019. — № 2. — С. 4–16.
4. Баева, О.Н. Сфера услуг: вклад в экономический рост и характеристики занятости в 2000-е гг. / О.Н. Баева // *Теоретическая и прикладная экономика*. — 2018. — № 3. — С. 107–117. — DOI: 10.25136/2409–8647.2018.3.26832. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26832 (дата обращения: 19.05.2025).
5. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ, 2023. — 462 с.
6. Золотарчук, А.В. Эффективность региональной сферы услуг в воспроизводстве человеческого потенциала: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Золотарчук Анна Владимировна; ФГБОУВО «Тихоок. гос. ун-т». — Владивосток, 2022. — 24 с.
7. H.D. The Growth of Low– Skill Service Jobs and the Polarization of the US Labor Market [Electronic resource] / D.H., D. Dorn // *American Economic Review*, 2013. — 103(5). — P. 1553–1597. — URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.103.5.1553> (date of access: 07.04.2025).
8. Портал рейтинговой оценки качества услуг // Ивановский районный исполнительный комитет. — URL: <https://ivanovo.brest-region.gov.by/ru/2015–02–13–06–55–32–887–ru/view/portal-rejtingovoj–otsenki–kachestva–okazaniya–uslug–organizatsijami–respubliki–belarus–2000003289> (дата обращения: 19.05.2025).
9. О портале рейтинговой оценки (в вопросах и ответах) 06.12.2024. — URL: <https://liozno.vitebsk-region.gov.by/news/novosti–rayona/o–portale–reytingovoy–otsenki–v–voprosah–i–otvetah/> (дата обращения: 19.05.2025).
10. Морозова, Н.Н. Занятость и производительность труда в сфере услуг: монография / Н.Н. Морозова, Е.А. Милашевич, Ю.П. Якубук ; под науч. ред. Н.Н. Морозовой; Национальная академия наук Беларуси, Институт экономики. — Минск: Беларус. навука, 2025. — 213 с. (Белорусская экономическая школа).
11. Интерактивная информационно-аналитическую система // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 10.04.2025).
12. Mehdizadeh, M.A. Ecological and Economic Efficiency of Traditional and Alternative Methods of Electrical Energy Production with the Features of the Islamic Republic of Iran / M.A. Mehdizadeh, A.S. Kalinichenko, S.A. Lapyonok // *Energetika*. — 2018. — V. 61, № 1. — P. 60–69.
13. Бубнов, В.П. Решение задач экологического менеджмента с использованием методологии системного анализа / В.П. Бубнов, С.В. Дорожко, С.А. Лаптенюк. — Минск: БНТУ, 2009. — 266 с.
14. Алехно, Н. Аренда движимого и недвижимого имущества с 20.11.2023 / Н. Алехно. — URL: <https://ilex.by/news/arenda–dvizhimogo–i–nedvizhimogo–imushchestva–s–20–11–2023/> (дата обращения: 10.05.2025).
15. Johnson, R. Elementary Statistics. 4th edition / R. Johnson. — Boston: Duxbury Press, 1984. — 557 p.

Поступила в редакцию 29.08.2025

Некоторые актуальные аспекты теоретического рассмотрения производственной политики предприятия

Лебедева К.О.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Развитие и стабильное функционирование национального промышленного комплекса является гарантом обеспечения высокого уровня жизни населения, экономической безопасности и суверенитета Республики Беларусь. Универсальным инструментом управления промышленным комплексом государства выступает промышленная политика. На уровне предприятия данную роль выполняет производственная политика. Предоставленная статья посвящена сущностному разнесению концептов «производственная политика» и «промышленная политика», а также предприняты попытки теоретического рассмотрения подходов к концепту «производственная политика предприятия».

Цель статьи — выявить сущностные различия концептов «производственная политика» и «промышленная политика», рассмотреть теоретические подходы к концепту «производственная политика предприятия».

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили научные труды отечественных и российских ученых-экономистов, а также результаты ранее проведенных автором исследований. Были использованы системный и субъектно-функциональный подходы.

Результаты и их обсуждение. Исследование начинается с теоретического рассмотрения промышленной политики, выявления классификационных особенностей указанного концепта, а также с определения объекта и субъекта управления данным инструментом. Далее был рассмотрен концепт «производственная политика предприятия» во многообразии подходов к нему и предложено авторское определение данного термина, отличающееся от уже существующих с учетом интересов субъектов-интересантов, что позволяет эффективнее управлять промышленным предприятием и проводить экономическую оценку его деятельности.

Заключение. Таким образом, в статье раскрыта теоретическая база производственной политики предприятия, предложено авторское определение производственной политики и предприняты попытки сущностного разнесения концептов «производственная политика» и «промышленная политика» на основе дифференциации субъекта и объекта управления, в отношении которых данный инструмент может быть практически применим.

Ключевые слова: производственная политика, промышленная политика, эффективность производства, экономическая безопасность.

Some Relevant Aspects of Theoretical Consideration of an Enterprise Production Policy

Lebedeva K.O.

Education Establishment "Belarusian National Technical University"

The development and stable functioning of the national industrial complex is a guarantee of ensuring a high standard of living for the population, economic security, and sovereignty of the Republic of Belarus. Industrial policy is a universal tool for managing the state's industrial complex. At the enterprise level, this role is fulfilled by production policy. The article focuses on the essential differences between the concepts of "production policy" and "industrial policy" and attempts to provide a theoretical analysis of approaches to the concept of "enterprise production policy".

The article aims to identify the essential differences between the concepts of "production policy" and "industrial policy" and to review the theoretical approaches to the concept of "enterprise production policy".

Material and methods. The article was written using a systematic and subject-functional approach. The article was based on the research papers of domestic and Russian economists, as well as the results of previous studies conducted by the authors.

Findings and their discussion. The study begins with a theoretical review of industrial policy, identifying the classification features of this concept, as well as defining the object and subject of management of this tool. Next, the concept of "production policy of an enterprise" was examined in a variety of approaches, and the author's definition of this term was proposed, which differs from the existing definitions by taking into account the interests of the stakeholders, allowing for more effective management of an industrial enterprise and economic assessment of its activities.

Conclusion. Thus, the article reveals the theoretical foundations of an enterprise's production policy, proposes the author's definition of production policy, and attempts to distinguish the concepts of "production policy" and "industrial policy" based on the differentiation of the subject and object of management, for which this tool can be practically applied.

Key words: production policy, industrial policy, production efficiency, and economic security.

Данное исследование является продолжением серии научных работ, посвященных изучению сущности и компонентам производственной и торговой политик предприятия, промышленной политики государства. Формирование, функционирование и развитие национального промышленного комплекса является ключевым фактором, влияющим на уровень жизни населения, обеспечение экономической безопасности и суверенитета Республики Беларусь. Следовательно поддержка и стимулирование развития промышленности — важнейшее направление деятельности государства, побуждающее страну активно разрабатывать и совершенствовать промышленную политику, а предприятия использовать инструменты управления, способные обеспечивать устойчивое развитие, модернизацию и реализовывать интересы собственника, государства и общества.

Цель публикации — выявить сущностные различия концептов «производственная политика» и «промышленная политика», рассмотреть теоретические подходы к концепту «производственная политика предприятия».

Материал и методы. Материалом для статьи послужили научные труды отечественных и российских ученых-экономистов, а также результаты ранее проведенных автором исследований. При подготовке данной работы были использованы системный и субъектно-функциональный подходы.

Результаты и их обсуждение. Теоретические, методические и практические аспекты исследования производственной политики предприятия и промышленной политики государства традиционно находятся в сфере интересов многих российских и белорусских ученых.

Исследованием сущности промышленной политики занимались такие ученые, как С.В. Галачиева, В.И. Путьлин, Е.А. Азизова, К.Х. Зоидов, О.В. Калугина, А.А. Афанасьев, Л.Л. Тонышева, Е.Н. Стариков, Н.В. Сироткин, В.А. Таран, В.Л. Гурский.

Понятие «промышленная политика» используется, как правило, на макроуровне и подразумевает политику государства в области управления промышленным комплексом, в различных вариациях используемых инструментов и методов для этого управления. В разных странах, ориентируясь на социальную и экономическую политику государства, компонентом которых выступает промышленная политика, и исходя из целей и стратегических ориентиров развития, может происходить как оптимизация промышленного

комплекса, направленная на его экстенсивный и интенсивный рост, так и процесс деиндустриализации в рамках перехода к постиндустриальной модели экономики.

Промышленная политика государства может различаться по целому ряду признаков, что в итоге ведет к глобальным сущностным разногласиям в ее трактовке:

- вариативность объекта управления в диапазоне обрабатывающий сектор или вся экономика в целом. Такие глобальные расхождения также обусловлены различными концептами развития промышленности. Границы управления определяют инструменты, используемые при реализации промышленной политики, и формируют различные группы факторов, способных оказывать влияние на формирование и реализацию данной политики;

- исходя из сложившихся условий и методов реализации, принято выделять общий и селективный подходы в промышленной политике. И хотя вопрос разнесения двух данных подходов сегодня является дискуссионным, намерения придерживаться одного из данных методов также вызывают вариативность реализации промышленной политики;

- в качестве управляющего субъекта может рассматриваться исключительно государство или комплекс координационных действий всех экономических субъектов, в качестве которых, помимо государства могут выступать предприятия, как частной, так и иных форм собственности, фирмы, реализовывающие не производственную, но сопутствующую или обслуживающую производство деятельность и т.д.;

- промышленную политику могут рассматривать как часть экономической политики государства, но ее интересы и влияющие на нее факторы выходят за рамки данной политики, в первую очередь в реакции на социальные интересы общества, выступают инструментом социальной политики.

В Республике Беларусь промышленная политика рассматривается как часть структурной политики государства. Данный подход позволяет комплексно управлять технологической модернизацией отраслей традиционной экономики в части производства, что приводит к повышению эффективности функционирования национального промышленного комплекса, развитию предпринимательской инициативы, коммерческому использованию знаний и последних научно-технических достижений.

Несмотря на наличие вариативности подходов к пониманию промышленной политики, большинство ученых схожи в соотношении данной политики, в первую очередь, с деятельностью государства и к отведению данному субъекту главенствующей роли при ее формировании и реализации. С.А. Гриб писал о промышленной политике: «Термин был заимствован из западной литературы еще в 1990-х гг. Первоначально он рассматривался как перевод английского понятия *industrial policy*. При этом данный термин скорее соответствовал понятию отраслевая или секторальная политика и, как правило, обозначал меры государства по поддержке или развитию конкретных секторов экономики» [1, с. 55]. Соотнесение промышленной политики с деятельностью государства на макроуровне требует введения иной терминологии, исчерпывающе обозначающей развитие производственной функции предприятия, обеспечение бесперебойного функционирования и повышение эффективности и экономической безопасности ее реализации.

Руководствуясь методологической необходимостью однозначного определения базовых понятий в ходе любого научного исследования, отдельно остановимся на проблеме содержательного разнесения таких концептов, как «промышленная политика» и «производственная политика». В экономических исследованиях встречается отождествление данных понятий, которое в ряде случаев кажется исследователям оправданным. По нашему мнению, это не позволяет научно-корректно раскрыть теоретико-методологические основы производственной и промышленной политики из-за наличия вариативности содержания и трактовок, зачастую противоречащих друг другу.

Как уже отмечалось нами ранее, понятие «промышленная политика» используется, в основном, на макроуровне. Во избежание терминологической путаницы, основанной на том, что содержательно разные объекты называют единым термином, далее предлагаем использовать на уровне предприятия понятие «производственная политика», которое не только однозначно определит объект и предмет исследования, но и позволит выделить сбытовую и около сбытовую деятельность в отдельный комплекс инструментов и методов, что будет объединен понятием «торговая политика».

Исследователи, определяя промышленную политику в узком смысле, как правило, понимают под ней производственную политику предприятия. Вариативность трактовок и подходов,

обусловленная сложностью изучаемого объекта, требует детального рассмотрения и осмысления существующих подходов к понятию «производственная политика предприятия».

Во-первых, следует выделить конкурентно-детерминационный подход. Абсолютизация повышения конкурентоспособности предприятия и его продукции не всегда сочетается с повышением его экономической эффективности. У представителей данного подхода (К.С. Бармашов, С.В. Орехова, К. Котел, Ю.А. Клейменова, М.Г. Мкртчян) происходит отождествление стратегии повышения конкурентоспособности и производственной политики предприятия.

Так, С.В. Орехова отмечала: «Деятельность предприятия обусловлена воспроизводством двух функций: развитием (созданием конкурентных преимуществ) и реализацией целей (использованием конкурентных преимуществ) (выделено авт. – К.Л.). Генерирование конкурентных преимуществ, таким образом, составляет содержательный фундамент устойчивого развития любого бизнеса» [2, с. 10]. С.В. Орехова понимает под реализацией целей промышленного предприятия использование конкурентных преимуществ, что само по себе не может выступать целью, а скорее является инструментом по их достижению. В свою очередь, К. Котел под производственной политикой предприятия понимал «учет требований рынка, выдвижение соответствующих им целей производства и его развития, создание предпосылок для осуществления этих целей, согласование тактических и стратегических задач» [3, с. 5]. Указанный автор предлагает разрабатывать производственную политику предприятия на основе требований рынка, сформированных давлением конкуренции и непосредственно на их основе формировать цели производства, что оставляет неучтенными при целеполагании интересы иных субъектов хозяйствования: собственника, государства, общества. Кроме того, конкурентоспособность предприятия, основанная лишь на адаптивных изменениях к внешней среде, не может контролироваться предприятием в полной мере и может быть легко утрачена вследствие изменений внешних условий.

М.Г. Мкртчян о производственной политике писал, что она «Направлена на оптимизацию ассортимента в границах имеющихся производственных мощностей с целью снижения издержек и повышения конкурентоспособности на рынке» [4, с. 69]. Выделение конкурентоспособности как главного критерия оценки эффективности

функционирования промышленного предприятия позволяет говорить об отождествлении стратегии предприятия и одной из задач, стоящих перед ним: повышение конкурентоспособности как способа повышения эффективности производственной функции, которое, с одной стороны, указывает на значимость проблемы повышения конкурентоспособности продукции и предприятия в целом, а значит и необходимость учета данного показателя и динамики его изменения при формировании производственной политики предприятия, а с другой — не позволяет системно управлять промышленным предприятием, ввиду отсутствия учета интересов государства и иных заинтересованных сторон, а также отсутствия должного внимания к проблеме технологической модернизации как важному компоненту производственной политики предприятия.

В условиях многоукладности экономики ориентация исключительно на рыночные экономические инструменты и характеристики ограничивает эффективность использования производственной политики лишь в условиях рыночной экономической системы. Исходя из стоящих перед данной политикой целей и возложенных функций, у представителей конкуренто-детерминационного подхода происходит отождествление понятий «конкурентоспособность» и «эффективность», сведение интересов всех субъектов хозяйствования к повышению конкурентоспособности и определение ее как показателя реализации цели и миссии предприятия. Вместе с тем «эффективность» является куда более широким понятием, сущность которого в различных экономических системах значительно отличается, и в большей степени отражает не только текущую способность предприятия осуществлять свою хозяйственную деятельность, но и адаптивность, прогнозируемость и стабильность в стратегическом плане.

В условиях новой индустриализации предприятия, ориентированные на повышение конкурентоспособности (наращивание конкурентных преимуществ), в стратегическом плане зачастую сталкиваются с технологическим отставанием и дестабилизацией путем снижения уровня экономической безопасности и морального устаревания, как самого предприятия, так и выпускаемой продукции. М.С. Старикова, М.В. Владыка и С.Н. Игнатов в качестве основных условий эффективного функционирования промышленных предприятий в сложившихся экономических условиях отмечали «внедрения высокотехнологичных систем, энергосбережения, повышения

продуктивности и цифровизации» [5, с. 48]. Все описанные задачи требуют высокотехнологичного подхода, базирующегося на инновационном развитии, основанном на ресурсозатратных разработках и усилении интеракции науки, образования и промышленности. Развитие предприятия на основе интенсивного роста позволяет не только наращивать конкурентные преимущества на существующих локальных и международных рынках, но и создавать новые рынки, минимально зависящие от дефицитных ресурсов, что в значительной степени снижает давление конкуренции на предприятие, а значит и значимость соответствия заданному уровню конкуренции на существующих рынках.

В формировании производственной политики белорусских промышленных предприятий важным фактором выступает обязательность соответствия описанным в Конституции, основополагающим принципам и нормам функционирования, а также стратегическим ориентирам развития страны. Республика Беларусь является социальным правовым государством, а значит социально-значимые интересы общества не должны вступать в противоречия с производственной политикой предприятия. В свою очередь, данный подход позволит соответствовать производственной политике предприятия вектору направленности промышленной политики государства, создать условия для взаимосвязи основных целей и ориентиров промышленного развития на разных уровнях и тем самым сформирует наиболее благоприятные условия для устойчивого развития предприятия.

Во-вторых, следует выделить технократический подход к пониманию производственной политики предприятия, возникший как реакция на необходимость технологической модернизации промышленности как основы обеспечения суверенитета и экономической безопасности государства на макроуровне и как необходимость адаптивных, высокотехнологичных изменений предприятий в условиях неоиндустриализации для обеспечения устойчивого развития и функционирования.

Представителями технократического подхода являются М.А. Брижанева, О.В. Калугина, С.В. Галачиева.

Так, О.В. Калугина предлагает формировать производственную политику предприятия «на основе применения такой технологии, которая обеспечивала бы рациональное использование производственных ресурсов, постоянное

сокращение издержек производства, повышение экологичности производства и продукции» [6, с. 72]. А также отмечает: «Особенность промышленной политики (производственной политики, пояснено автором. — К.Л.) состоит в достижении оптимального соотношения между технологическими возможностями производственных факторов и требованиями рынка к выпускаемой продукции» [6, с. 72].

Сторонники технократического подхода концентрируют внимание при формировании производственной политики предприятия на технической и технологической модернизации производства как на драйвере достижения целей и реализации стратегии предприятия. Им удалось обосновать технико-технологическую составляющую производственной политики, что также соответствует приоритетным государственным направлениям развития. Так, М.М. Цогоев, Т.Е. Ситохова, К.Ю. Багратуни писали о необходимости интеграции промышленной политики всех уровней: «Промышленная политика — часть общей политики экономического развития, обусловленная стратегическими приоритетами развития подсистем и элементов промышленности, формируемая на основе взаимоотношений между хозяйствующими субъектами макро-, мезо- и микроэкономического уровня, иными заинтересованными субъектами по поводу управления институциональными преобразованиями в экономике в целях формирования структурно-сбалансированной и конкурентоспособной промышленности» [7, с. 8]. Описанные выше принципы и ориентиры экономического развития предприятия нашли отражение в государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы (Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348), согласно которой одним из приоритетных направлений развития предлагается выделять стимулирование разработок технологий, товаров и услуг, соответствующих V и VI технологическим укладам, в том числе за счет приоритетного их финансирования, а также экспортоориентированных разработок.

Технико-технологическое развитие и оптимизация присущи в той или иной мере всем промышленным предприятиям, однако дискуссионным остается вопрос возможности достичь экономической безопасности предприятия, его устойчивого развития и соблюдения интересов собственника, государства и общества, используя в качестве приоритетного компонента производственной

политики технико-технологические модернизации. В качестве недостатка данного подхода можно выделить его ресурсоемкость и необходимость непрерывных инвестиционных вливаний в производство. Вместе с тем в погоне за технико-технологическим переоснащением производства зачастую упускается из виду изменение в рыночной конъюнктуре и спросе, требующие от производителей не только оптимизации производства, но и иных инструментов повышения экономической эффективности производственной деятельности, а зачастую и полную концептуальную смену выпускаемой продукции в виду морального устаревания и не востребованности рынком.

В-третьих, следует выделить инновационный подход, представителями которого выступают С.В. Горячева, Е.Л. Смольянова, Н.А. Серебрякова, Н.В. Стома, Л.Я. Маршавина, А.Г. Коряков, А.С. Слепов.

В настоящее время значительная роль инноваций в экономике и жизни общества является бесспорной. Инновационная продукция способна обеспечить предприятие рядом конкурентных преимуществ, таких как возможность временной монополизации рынка и создание новых рынков сбыта, создание инновационной деловой репутации, дифференциация продукта.

Е.Л. Смольянова и Н.А. Серебрякова отмечают: «В современных условиях хозяйствования инновационный путь развития промышленных предприятий, являющихся основным источником генерирования добавленной стоимости, признан магистральным и зачастую единственно возможным для обеспечения длительного и мощного экономического подъема промышленного производства» [8, с. 33].

В свою очередь, Н.В. Стома анализирует инновационную активность промышленных предприятий Республики Беларусь: «В условиях современных тенденций на мировом рынке инновации являются главным средством обеспечения конкурентоспособности предприятий, а понимание главных сил, движущих инновационной деятельностью, может быть с успехом использовано в целях повышения экономических показателей предприятия» [9, с. 387].

Л.Ю. Маршавина, А.Г. Коряков и А.С. Слепов подчеркивали исключительную роль инноваций в деятельности промышленных предприятий и отмечали, что «инновационное развитие — единственный способ достижения конкурентных преимуществ промышленного предприятия» [10, с. 103]. Представителям инновационного

подхода удалось обосновать необходимость развития научно-технического потенциала предприятия, направленного на производство инновационной продукции и использования инновационных методов производства, что повлечет за собой развитие кадрового потенциала как обеспечивающего человеческими ресурсами инновационные изменения, повышение конкурентоспособности продукции на внутреннем и внешних рынках, привлечению инвестиций и устойчивости функционирования предприятия.

Вместе с тем практическая реализация данного подхода требует значительных финансовых затрат на развитие инновационной деятельности, необходимости решения проблемы подготовки специалистов, способных удовлетворить возрастающие требования в высококвалифицированных кадрах, высокие экономические риски при реализации, и, как следствие, необходимость учета государственных интересов и наличие государственной поддержки как субъекта, позволяющего обеспечить субсидирование и иные виды инструментов стимулирования данного направления развития в рамках предприятия, при условии согласованности производственной политики предприятия с промышленной политикой государства.

С учетом исследованных подходов, особенностей белорусской хозяйственной среды промышленных предприятий и существующей экономической системы под производственной политикой промышленного предприятия предлагаем понимать комплекс управленческих, финансовых и экономических методов, принципов и инструментов, направленных на обеспечение долгосрочного и устойчивого развития и повышение конкурентоспособности предприятия, обеспечения реализации интересов собственника, государства и трудового коллектива в траектории поставленных целей, а также реализацию инновационного и технико-технологического развития предприятия, способного обеспечить рост капитализации активов предприятия и эффективность функционирования производственных процессов. Производственная политика выступает ключевым инструментом управления, модернизации производственной деятельности промышленных предприятий и достижения стратегических целей, а также гарантом реализации миссии и обеспечения экономической безопасности предприятия.

Заключение. Таким образом, в статье раскрыта теоретическая база производственной политики предприятия, предложено авторское определение производственной политики и предприняты попытки сущностного разнесения концептов «производственная политика» и «промышленная политика» на основе дифференциации субъекта и объекта управления, в отношении которых данный инструмент может быть практически применим.

Литература

1. Гриб, С.А. Промышленная политика / С.А. Гриб // Аудитор. — 2006. — № 1. — С. 55–57.
2. Устойчивое развитие промышленного предприятия в условиях неоиндустриальной трансформации. — Екатеринбург: Уральский гос. экон. ун-т, 2017. — 207 с.
3. Котел, Корнел. Организация производства на предприятии / К. Котел; сокр. пер. с венг. — Москва: Экономика, 1984. — 167 с.
4. Мкртчян, М.Г. К вопросу о гармонизации промышленной и торговой политики в стратегических планах развития отдельных отраслей промышленного производства / М.Г. Мкртчян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2013. — Т. 13, № 2. — С. 69–83.
5. Старикова, М.С. Эффекты неоиндустриального трека развития промышленных систем и их влияние на конкурентные позиции предприятий / М.С. Старикова, М.В. Владыка, С.Н. Игнатов // Modern Economy Success. — 2023. — № 5. — С. 48–53.
6. Калугина, О.В. Системный подход к гармонизации промышленной и торговой политики на уровне хозяйствующего субъекта / О.В. Калугина // Экономика и управление: сб. науч. тр.: в 4 ч. / С.-Петерб. гос. экон. ун-т; под ред. А.Е. Карлика. — СПб., 2017. — Ч. 1. — С. 71–75.
7. Цогоев, М.М. Гармонизация промышленной и торговой политики с учетом экономической безопасности Российской Федерации / М.М. Цогоев, Т.Е. Ситихова, К.Ю. Багратуни. — Владикавказ: Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2015. — 72 с.
8. Смольянова, Е.Л. Проблемы гармонизации промышленной и торговой политики предприятия в условиях развития инновационной деятельности / Е.Л. Смольянова, Н.А. Серебрякова // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. — 2008. — № 10. — С. 33–37.
9. Стома, Н.В. Инновационная активность промышленных предприятий Республики Беларусь / Н.В. Стома // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. — Минск: Колорград, 2024. — Вып. 17. — С. 387–396.
10. Маршавина, Л.Я. Стратегические конкурентные преимущества инновационных предприятий промышленности в современных условиях / Л.Я. Маршавина, А.Г. Коряков, А.С. Слепов // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 6. — С. 103–106.

Поступила в редакцию 21.10.2025

УДК 159.922.1:159.942.3:316.612:316.624.3-057.875

Половые различия во взаимосвязях потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности у студентов-выпускников

Покоро А.А., Андреева И.Н.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

Представлены результаты исследования взаимосвязей потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности, проведенного на современной выборке у студентов-выпускников. В данной работе юмор определяется как вид умственной игры, которая основывается на беспечном и несерьезном отношении к мыслям и событиям. Социально-психологические установки личности выступают как состояние психологической готовности личности, определенной опытом и влияющей на реагирование на объекты и ситуации, с которыми она находится во взаимосвязи и являющимися для нее социально значимыми. Изучение стилей юмора и социально-психологических установок представляется наиболее актуальным в юности, когда личность выбирает для себя как стратегию построения карьеры, так и стиль взаимодействия с коллегами.

Цель исследования — определить половые различия в выраженности и в характере взаимосвязи потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности у студентов-выпускников.

Материал и методы. Выборка исследования — 70 студентов-выпускников: 35 девушек и 35 юношей в возрасте от 20 до 27 лет ($M=20,70$; $SD=0,97$, ранняя взрослость по Э. Эриксону). В качестве эмпирического метода использовался опрос: 1) «Опросник стилей юмора» (авторы: R. Martin, P. Doris (2001), адаптация: Е.М. Иванова, О.В. Митина и др. (2013)); 2) методика диагностики социально-психологических установок личности (автор: О.Ф. Потемкина (1993)). В качестве метода обработки данных использовался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение. Установлено: чем более девушки склонны к критике, манипуляциям и оскорблениям окружающих для возвышения собственной личности, тем менее они способны положительно относиться к людям, учитывать их интересы, тем более выражена ориентация на лидерство, доминирование, руководство. Помимо этого, определено: чем более юноши склонны к получению одобрения и принятия от окружающих, тем сильнее они нацелены на работу, за которую получают признание. Если молодые люди не уверены в себе, с низкой самооценкой, они будут тревожиться относительно собственного заработка, так как, по их мнению, навыки, которыми они обладают, могут невысоко оценить.

Заключение. Результаты исследования могут использоваться практическими психологами с целью учета социально-психологических установок в процессе деятельности начинающего специалиста для разработки индивидуального подхода ко взаимодействию с сотрудником и его мотивированию. Перспективы данной работы состоят в определении характера взаимосвязи адаптивных стилей юмора с социально-психологическими установками.

Ключевые слова: потенциально вредные стили юмора, социально-психологические установки личности, студенты-выпускники, пол.

Gender Differences in the Relationship Between Potentially Harmful Styles of Humor and Social and Psychological Attitudes of Graduate Student Personality

Pokoro A.A., Andreyeva I.N.

Education Establishment "Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk"

The article presents the results of a study of the relationship between potentially harmful styles of humor and social and psychological attitudes of the individual, conducted on a modern sample of graduating students. In the paper, humor is defined as a type of mental game that is based on a carefree and frivolous attitude to thoughts and events. Social and psychological attitudes of the individual act as a state of psychological readiness of the individual, determined by experience and influencing the response to objects and situations with which it is in relationship and which are socially significant for it. The study of styles of humor and social and psychological attitudes seems to be most relevant in adolescence, when the individual chooses for himself both a career strategy and a style of interaction with colleagues.

The purpose of the study is to determine gender differences in the manifestation and nature of the relationship between potentially harmful styles of humor and social and psychological attitudes of the graduate student personality.

Material and methods. *The following survey was used as an empirical method: 1) "Questionnaire of humor styles" (authors: R. Martin, P. Doris (2001), adapted by: E.M. Ivanova, O.V. Mitina et al. (2013)); 2) a technique for diagnosing social and psychological attitudes of an individual (author: O.F. Potemkina (1993)). The non-parametric Spearman rank correlation coefficient was used as a data processing method. The study sample was 70 graduating students: 35 girls and 35 boys aged 20 to 27 years ($M = 20.70$; $SD = 0.97$, early adulthood according to E. Erickson).*

Findings and their discussion. *It was established that the more girls are inclined to criticism, manipulation and insults of others for the sake of exalting their own personality, the less they are able to treat people positively, take into account their interests, the more pronounced is the orientation towards leadership, dominance, management. In addition, it has been determined that the younger people are inclined to receive approval and acceptance from others, the more they are focused on work for which they will receive recognition. If young people are not confident in themselves, with low self-esteem, they will worry about their own earnings, since, in their opinion, the skills they possess may not be highly valued.*

Conclusion. *The results of the study can be used by practical psychologists with the aim of taking into account the social and psychological attitudes in the process of the activity of a novice specialist to develop an individual approach to interaction with the employee and his motivation. The prospects of the study consist in determining the nature of the relationship between adaptive humor styles and social and psychological attitudes.*

Key words: *potentially harmful humor styles, social and psychological attitudes of personality, graduate students, gender.*

Юмор является недостаточно изученной составляющей жизни современных людей. Он выступает, в частности, как средство общения, способ урегулирования конфликтов, техника по налаживанию положительной обстановки, способ преодоления стресса, средство психологической защиты. Использование юмора положительно влияет на физическое и психологическое состояние человека, уменьшает восприимчивость к боли, регулирует эмоциональное состояние [1]. Несмотря на то, что он сопровождает человека во всех сферах его жизнедеятельности, к настоящему моменту юмор не рассматривался как предмет для серьезного научного исследования. Недостаточное внимание к теме данного когнитивного чувства может быть обусловлено отсутствием точного определения понятия «чувство юмора». Представленные факты дают нам возможность для более глубокого и разнообразного исследования вышеуказанного феномена.

Изучение юмора за рубежом осуществлял профессор психологии Р. Мартин, который определил

юмор как тип умственной игры, предполагающей беспечное и несерьезное отношение к мыслям и событиям [2]. Исследователи М.Г. Ярошевский и А.В. Петровский под юмором понимали способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаясь.

В XXI веке изучением юмора занимаются такие исследователи, как А.Г. Буенок (психологический анализ предпочитаемых стилей юмора в управленческой деятельности) [3], Е.М. Иванова, О.В. Митина, А.С. Зайцева, Е.А. Стефаненко, С.Н. Ениколопов (адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина) [4], Е.Л. Ханцевич (связь стилей юмора и уровней депрессии личности) [5], А.А. Устинова (взаимосвязь эмоционального интеллекта и предпочитаемого стиля юмора в контексте профессионального общения) [6] и другие.

Профессором Р. Мартином была предложена типология юмора, которая основывается на двух критериях: направленность юмора (на себя/на других), характер юмора (поддерживающий/

уничижительный). Автор предположил, что существует четыре основных стилей юмора, два из них являются относительно здоровыми и адаптивными (аффилиативный и самоподдерживающий), а два — относительно нездоровыми и потенциально вредными (агрессивный и самоуничижительный). Рассмотрим подробнее потенциально вредные стили юмора.

Агрессивный юмор направлен на других, деструктивный, сопровождается враждебностью, гневом, жестокостью и язвительностью. Выражается посредством сарказма, насмешек, навязчивых и унижительных шуток, зачастую, когда это неуместно. Может применяться в качестве мести, как способ иллюзорного решения проблемы, ухода от решения трудностей [3; 5]. Преимущественно используется как средство критики других людей, манипулирования, как способ возвышения собственной личности [2]. Обладатель такого юмора не способен на оказание эмоциональной поддержки людям, осознанно использует шутки для оскорбления и унижения.

Самоуничижительный юмор направлен на себя, деструктивный, связан с депрессией и тревогой. Выражается в виде унижительных шуток о собственной личности, попытках развлечь других ценой собственной репутации, в одобрении и поддержании оскорбительных шуток в свой адрес [3]. Целью подобного поведения является в основном стремление получить расположение окружающих людей, попытки привлечь к себе внимание и заполучить одобрение со стороны. Юмор позволяет скрывать негативные эмоции, избегать конструктивного решения проблемы, используется в качестве защитного отрицания. Такому человеку зачастую свойственна низкая самооценка, неуверенность в себе, потребность во внимании и принятии, трудности в отстаивании собственных прав [4].

Важным направлением для исследований также является изучение социально-психологических (социальных) установок личности в профессиональной деятельности. Эффективность и успешность деятельности специалистов разных сфер — актуальная проблема в современном мире. Каждый работодатель был бы рад получить в свой коллектив способного, продуктивного, приносящего успехи работника. При принятии на работу к студенту-выпускнику предъявляется множество требований: быть адаптивным и мотивированным, самоэффективным, исполнительным, ответственным, стрессоустойчивым, эмпатичным, стремящимся постоянно развиваться,

уметь работать в критических ситуациях, обладать творческим мышлением. Знание мотивов, ориентаций, направленности личности специалиста позволяет правильно распределить обязанности среди работников для эффективного осуществления деятельности, использовать навыки каждого в соответствующем деле для достижения более успешного результата труда, выстраивать конструктивные межличностные отношения в коллективе. Это будет способствовать созданию благоприятной обстановке на рабочем месте, приведет к достижению более высоких результатов специалистов и организации в целом.

Социально-психологические установки личности — это состояние личности, характеризующееся психологической готовностью, определенной опытом и влияющей на реагирование на объекты и ситуации, с которыми она находится во взаимосвязи и являющимися для нее социально значимыми [7]. Возникновение таких установок происходит при присоединении социальных аттитудов, процессов мотивации, нравственного поведения к сфере потребностей. На основе перечисленных образований процесс принятия решений постепенно приводит к формированию установок социального поведения. Поведение человека определено воздействием окружающей среды, опосредованным через социально-психологические установки.

Социально-психологические установки создают основу для взаимодействия личности с окружающей действительностью, оказывают влияние на формирование межличностных отношений, личностное развитие человека, на выбор жизненного плана и профессиональное определение. Социальная установка определяет устойчивый и целенаправленный характер протекания деятельности, способствует ее стабилизации. Исследование социально-психологических установок, их содержания базируется на анализе личности в качестве субъекта труда, ее общения и познания, что порождает потребности человека в трудовой активности, межличностных отношениях, в получении новой информации [8].

В XX веке изучением социально-психологических установок личности занимались такие исследователи, как Д.Н. Узнадзе (теория установки) [9], Ш.А. Надирашвили (понятие установки в общей и социальной психологии) [10], в настоящее время — Т.Ю. Сычева (социально-психологические установки как фактор, определяющий моральное сознание личности) [7], Н. Перминова (социально-психологические установки

личности в процессе обучения) [11], Н.А. Азизова (исследование социально-психологических установок личности) [12].

Психолог О.Ф. Потемкина выделила восемь социально-психологических установок личности в мотивационной сфере. Рассмотрим каждую из них.

Ориентация на процесс свидетельствует о том, что деятельность для человека в обязательном порядке должна быть увлекательной и интересной. Во время работы человек с данной ориентацией уделяет большое внимание самой процедуре, нежели поставленной цели и необходимому результату. В случае, когда личность погрузилась в процесс работы чрезмерно, она может пропустить существующие дедлайны: если же процедура начинает докучать, активность прекращается. Такие люди не берут на себя ответственность за результат, для них важен процесс, интерес к делу является их стимулом к работе.

Для человека с *ориентацией на результат*, напротив, главной составляющей работы является достижение поставленных целей, получение итогового продукта, при этом неважно, каков процесс осуществления деятельности. По причине того, что для такого индивида важна лишь цель, а на процедуру внимания уделяется недостаточно, порученное задание может быть выполнено некорректно, поспешно, некомпетентно, некрасиво.

Ориентация на альтруизм проявляется в стремлении человека действовать преимущественно на благо и пользу окружающим людям, часто в ущерб личным целям.

Люди с ориентацией на эгоизм, напротив, сосредоточены в первую очередь на собственных интересах и выгодах.

Ориентация на труд предполагает постоянное стремление человека быть вовлеченным в какую-либо деятельность. Такой человек игнорирует необходимость отдыха, использует все имеющееся время и возможности для осуществления той или иной работы. Это приносит ему положительные эмоции. Следует уточнить главное — не сама занятость, а увлеченность, что приведет к определенным итогам. Так важным аспектом выступает одобрение проделанного руководством, начальством, обществом, результативность труда не играет значительной роли.

Ориентация на деньги приводит к постоянному желанию человека увеличить собственный достаток. Для такого человека характерны размышления на тему, как пополнить достаток, не потерять его, не упустить. Деньги

рассматриваются как ценность, а не средство приобретения чего-либо. При выборе работы люди с данной ориентацией обратят внимание преимущественно на заработок, нежели условия и содержание труда.

Для человека с *ориентацией на свободу* отсутствие ограничений является главной ценностью. Запреты такими людьми проживаются тяжело, они находятся в постоянной готовности отстаивать свою независимость.

Чувство контроля над окружающими является главной ценностью для человека с ориентацией на власть, он готов на многое ради оказания влияния на других. С такой установкой личность может быть достаточно деспотичной, однако и может стать эффективным руководителем [13].

Согласно вышесказанному, представляется актуальной следующая проблема исследования: какова взаимосвязь стилей юмора и социально-психологических установок личности, есть ли различия по полу в характере данных взаимосвязей. В ходе проведенной работы нам представляется возможным определить особенности осуществления профессиональной деятельности будущими молодыми специалистами (студенты-выпускники). Анализ результатов с учетом половой принадлежности респондентов позволит иметь более детальную информацию о характере активности юношей и девушек. На основе полученных результатов можно разработать рекомендации для студентов-выпускников о повышении эффективности осуществляемой ими деятельности.

Цель исследования — определить половые различия в выраженности и в характере взаимосвязи потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности у студентов-выпускников.

Материал и методы. Выборка исследования — 70 студентов-выпускников: 35 девушек и 35 юношей в возрасте от 20 до 27 лет ($M=20,70$; $SD=0,97$, ранняя зрелость по Э. Эриксону).

В качестве эмпирического метода использовался опрос. Для диагностики применялись методики: 1) «Опросник стилей юмора» (авторы: R. Martin, P. Doris (2001), адаптация: Е.М. Иванова, О.В. Митина и др. (2013)) [4]; 2) методика диагностики социально-психологических установок личности (автор: О.Ф. Потемкина (1993)) [13].

В качестве метода обработки данных для выявления характера взаимосвязи между переменными использовался непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

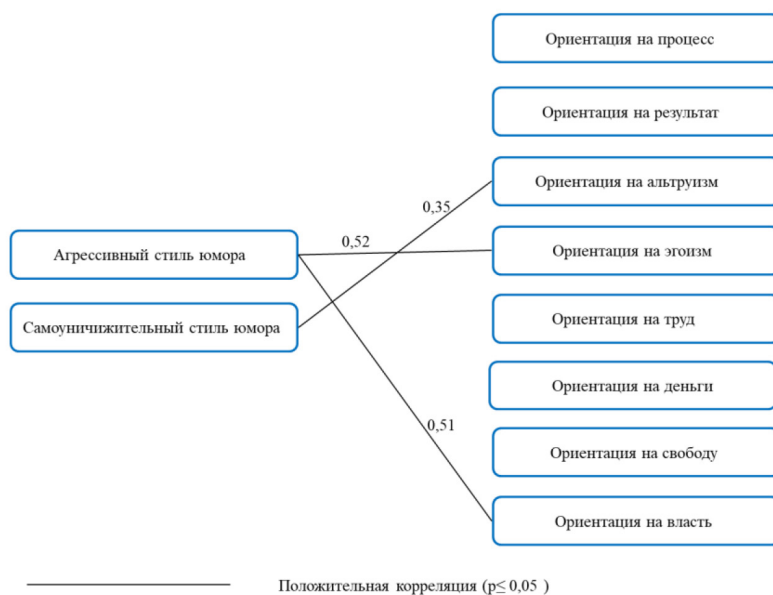

Рисунок 1 — Корреляционная плеяда показателей потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности (девушки)

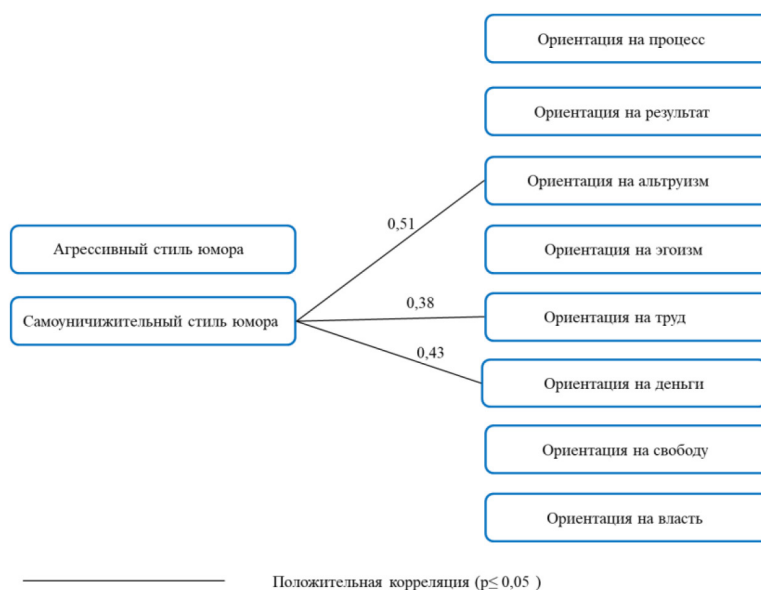

Рисунок 2 — Корреляционная плеяда показателей потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности (юноши)

Результаты и их обсуждение. На начальном этапе исследования, с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена был проведен корреляционный анализ переменных потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности отдельно на выборке девушек и юношей. Обнаруженные значимые корреляции ($p \leq 0,05$) на выборке

девушек представлены на рисунке 1. Обнаруженные значимые корреляции ($p \leq 0,05$) на выборке юношей представлены на рисунке 2.

Далее мы сравнили полученные значимые корреляции для определения различий между выборками. Из рисунков 1 и 2 видно, что юноши и девушки различаются по всем обнаруженным значимым корреляциям, за исключением

взаимосвязи самоуничижительного стиля юмора и ориентации на альтруизм, которая выявлена у обеих выборок.

На выборке девушек установлена положительная умеренная взаимосвязь агрессивного стиля юмора с ориентацией на эгоизм ($p < 0,001$). Это означает, что, чем более человек склонен к критике, манипуляциям и оскорблениям окружающих, тем менее он склонен положительно относиться к людям, учитывать их интересы. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет эгоизм как себялюбие, предпочтение своих, личных интересов интересам других, пренебрежение к интересам общества и окружающих [14]. Большой психологический словарь Б.Г. Мещерякова рассматривает эгоизм как ценностную ориентацию субъекта, которая характеризуется преобладанием в жизнедеятельности своекорыстных личных интересов и потребностей без учета интересов других людей и социальных групп [15]. Одним из проявлений эгоизма является отношение человека к другим как к объекту, средству достижения целей. Кроме того, он выражается в положительном отношении к себе в сочетании с критичным отношением к другим, в склонности к доминированию [16]. Агрессивный стиль юмора выражается в критике, прямолинейности, манипулировании, оскорбительных шутках, как способ возвышения себя. Таким образом, человек с данным стилем юмора проявляет эгоизм в том, что из корыстных побуждений, для возвышения себя, негативно относится к окружающим без учета их интересов, как к средству достижения целей.

Склонность человека к манипулированию в межличностных отношениях определяют как макиавеллизм. Также он проявляется в достижении целей, часто противоречащих интересам того, на кого была направлена манипуляция [17, с. 78]. Согласно результатам исследования Т.В. Слотиной для людей с высоким уровнем макиавеллизма характерны такие качества, как доминантность, прямолинейность, упорство и настойчивость в достижении собственных целей и интересов, удовлетворении потребностей в ущерб другим людям. На выборке девушек в исследовании данного автора были получены результаты о том, что с повышением уровня макиавеллизма человек менее склонен приносить в жертву собственные интересы ради выгоды другого [18].

На выборке девушек определена положительная умеренная корреляция агрессивного стиля юмора с ориентацией на власть ($p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что, чем более человек

склонен к критике, манипуляциям и оскорблениям окружающих для возвышения собственной личности, тем более выражена его ориентация на лидерство, доминирование, руководство. Данная корреляция находит свое объяснение в том, что ориентация на власть отражается в стремлении к лидерству и доминированию, агрессивный стиль юмора также применяется как способ возвышения своей личности. Таким образом, двигаясь к достижению власти над окружающими, человек может использовать деструктивный юмор. Проявляется он в сарказме, навязчивых шутках, колких замечаниях, критике, манипуляциях, прилюдных оскорблениях.

В исследовании Т.В. Слотиной были получены результаты, согласно которым, чем выше у девушек уровень макиавеллизма, тем чаще их поведение характеризуется ориентацией на победу и лидерство, стремлением получить желаемое, достигнуть цели, удовлетворить собственные потребности и интересы, что влечет за собой ущерб интересам другого субъекта. По данным исследования девушкам с высоким уровнем макиавеллизма в большей степени, нежели юношам свойственны прямолинейность, критичность к окружающим, доминантность, напористость, любовь к соревнованию, настойчивость в достижении целей, агрессивность, отсутствие чувства вины [18].

У юношей обнаружена положительная умеренная взаимосвязь самоуничижительного стиля юмора с ориентацией на труд ($p \leq 0,05$). Это указывает на то, что, чем более человек склонен к получению одобрения и принятия от окружающих, тем более он нацелен на работу, за которую получит признание. Самоуничижительный стиль юмора преимущественно используют люди с негативными эмоциями и переживаниями относительно собственной личности, которые не любят себя и не считают себя ценными для окружающих [19]. Цель данного стиля юмора — получить одобрение и расположение, признание собственной ценности от окружающих, привлечь к себе внимание. К использованию такого стиля юмора приводит низкая самооценка, неуверенность в себе, потребность во внимании и принятии. Ориентация на труд означает полное погружение в работу, получение положительных эмоций лишь при осуществлении какой-либо деятельности. В большей степени человек с ориентацией на труд нацелен не на результат работы, а на одобрение и похвалу со стороны руководства, общества.

Трудолюбие — отношение к труду как к основному смыслу жизни, потребность и привычка

работать [20]. Согласно результатам исследования Ю.Н. Ведерниковой основные различия между девушками и юношами в трудолюбии заключаются в том, что у последних отмечается внешний локус регуляции трудолюбия, а эгоцентрическая мотивация и энергичность выше. Для юношей свойственная работа с полной отдачей ресурсов и сил, быстрое и качественное выполнение задания, потребность в постоянной занятости, постоянная занятость делом. Кроме этого, для них важно, чтобы работа была оценена по достоинству. Для девушек же характерно стремление найти себе дело в режиме вынужденного ожидания, активный труд, но с меньшей отдачей. Трудовой процесс представителей мужского пола непрерывный, активный, с мотивами получения собственной выгоды, осуществляется преимущественно при одобрении со стороны. Таким образом, обладатель самоуничижительного юмора для привлечения внимания, получения одобрения со стороны за стремление и упорство погружается в непрерывную работу, что согласно вышеизложенным данным характерно для юношей.

На выборке юношей выявлена положительная умеренная взаимосвязь самоуничижительного стиля юмора с ориентацией на деньги ($p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем более выражен самоуничижительный юмор, тем выше ориентация на деньги, т.е. если человек не уверен в себе, с низкой самооценкой, он будет тревожиться относительно собственного заработка, так как считает, что его навыки могут невысоко оценить. Ориентация на деньги проявляется в стремлении увеличить свой достаток, размышлениях о том, почему деньги не поступили на счет, почему их мало, как их не потерять, каким образом их получить. Самоуничижительный юмор связан с тревогой и низкой самооценкой, трудностями в отстаивании своих прав. Низкая самооценка может проявляться в неуверенности в себе, своей профессиональной компетентности. Человек с низкой самооценкой может тревожиться по поводу своего заработка, так как считает, что его навыков и качеств недостаточно для желаемого на работе уровня. При осознании, что навыков недостаточно, он будет заикаться на том, чтобы за его работу заплатили, ведь она может не устроить работодателя. В рабочей ситуации с негативным исходом человек с данным стилем юмора может считать, что виной происходящему его недостатки, затем он начнет тревожиться относительно того, что проделанное не будет оценено в денежном эквиваленте.

По причине того, что роль заработка денег для семьи исторически присваивали мужчинам, некоторые люди все еще живут данной установкой и считают, что обеспечивать семью в большей степени должен юноша. Таким образом, чем выше тревожность и ниже самооценка у юноши, тем больше беспокойства у него вызывают возможные финансовые трудности, ведь с подобными трудностями он не оправдывает ожиданий общества. Человек с высокой самооценкой и уверенный в себе способен оспорить решение руководства относительно полученной оплаты труда, ссылаясь на свои навыки и заслуги, тем самым решив вопрос избежать беспокойства.

Заключение. Итак, юмор определяется как вид умственной игры, которая предполагает и основывается на беспечном и несерьезном отношении к мыслям и событиям. Выделяют четыре основных стилей юмора, два из них являются относительно здоровыми и адаптивными (аффилиативный и самоподдерживающий), а два — относительно нездоровыми и потенциально вредными (агрессивный и самоуничижительный). Социально-психологические установки личности — это состояние психологической готовности личности, определенной опытом и влияющей на реагирование на объекты и ситуации, с которыми она находится во взаимосвязи и являющимися для нее социально значимыми. Определено восемь социально-психологических установок в мотивационной сфере личности: ориентация на процесс, ориентация на результат, ориентация на альтруизм, ориентация на эгоизм, ориентация на труд, ориентация на деньги, ориентация на свободу, ориентация на власть.

В ходе эмпирического исследования на достоверном уровне был установлен ряд взаимосвязей между переменными потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок личности отдельно на выборке юношей и на выборке девушек.

На обеих выборках была выявлена умеренная положительная корреляция самоуничижительного стиля юмора и ориентации на альтруизм.

Определены специфичные для каждой выборки достоверные взаимосвязи переменных потенциально вредных стилей юмора и социально-психологических установок. На выборке девушек обнаружены следующие значимые корреляции: положительные умеренные взаимосвязи между агрессивным стилем юмора и ориентациями на эгоизм и власть. На выборке юношей были выявлены положительные умеренные взаимосвязи

самоуничижительного стиля юмора с ориентациями на труд и деньги.

Установлено: чем более девушки склонны к критике, манипуляциям и оскорблениям окружающих для возвышения собственной личности, тем менее они способны положительно относиться к людям, учитывать их интересы, тем более выражена ориентация на лидерство, доминирование, руководство. Помимо этого определено: чем более юноши склонны к получению одобрения и принятия от окружающих, тем сильнее они нацелены на работу, за которую получают признание. Если молодые люди не уверены в себе, с низкой самооценкой, они будут тревожиться относительно собственного заработка, так, как по их мнению, навыки, которыми они обладают, могут невысоко оценить.

Литература

1. Иванова, Е.М. Самоуничижительный юмор в России и особенности стилей юмора москвичей / Е.М. Иванова, О.В. Митина, С.Н. Еникопов, Г.А. Зизганова // Сибирский психологический журнал. — 2014. — № 51. — С. 163–175.
2. Мартин, Р. Психология юмора / Р. Мартин; под ред. Л.В. Куликова. — СПб.: Питер, 2009. — 480 с.
3. Буенок, А.Г. Психологический анализ предпочитаемых стилей юмора в управленческой деятельности / А.Г. Буенок // Сибирский психологический журнал. — 2012. — № 45. — С. 60–64.
4. Иванова, Е.М. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина / Е.М. Иванова, О.В. Митина, А.С. Зайцева // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2013. — Т. 6, № 2. — С. 71–85.
5. Ханцевич, Е.Л. Связь стилей юмора и уровней депрессии личности / Е.Л. Ханцевич. — Гродно: ГрГУ Янки Купалы, 2019. — 6 с.
6. Устинова, А.А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и предпочитаемого стиля юмора в контексте профессионального общения / А.А. Устинова, А.А. Качина // Организационная психология. — 2019. — Т. 9, № 4. — С. 125–140.
7. Сычева, Т.Ю. Социально-психологические установки как фактор, определяющий моральное сознание личности / Т.Ю. Сычева // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2009. — Т. 6. — С. 1–8.
8. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. — СПб.: Питер, 2001. — 159 с.
9. Узнадзе, Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. — М.: Наука, 1966. — 451 с.
10. Надирашвили, Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии / Ш.А. Надирашвили. — Тбилиси: ТГУ, 1974. — 265 с.
11. Перминова, Н. Социально-психологические установки личности в процессе обучения / Н. Перминова. — URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/43549/1/ps_2000_025.pdf. (дата обращения: 18.11.2024).
12. Азизова, Н.А. Социально-психологические установки личности / Н.А. Азизова // Форум молодых ученых. — 2018. — № 6/1(22). — С. 141–143.
13. Райгородский, Д.Я. Психодиагностика персонала. Методика и тесты: учеб. пособие: в 2 т. / Д.Я. Райгородский. — Самара: Бахрах-М, 2007. — Т. 2. — 560 с.
14. Толковый словарь Ожегова. — URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 14.03.2025).
15. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — М.: АСТ, 2009. — 672 с.
16. Гайворонская, А.А. Специфика социально-психологической адаптации от выраженности установки на альтруизм/эгоизм / А.А. Гайворонская // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2012. — № 4(12). — С. 81–84.
17. Калущая, И.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок / И.Н. Калущая, А.Н. Поддьяков // Культурно-историческая психология. — 2007. — Т. 3, № 4. — С. 78–90.
18. Слотина, Т.В. Поведенческие и гендерные особенности студентов технических специальностей с разным уровнем макиавеллизма / Т.В. Слотина, О.Б. Кононова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2018. — № 4. — С. 113–117.
19. Омарова, М.К. Взаимосвязь чувства юмора с компонентами Я-концепции личности / М.К. Омарова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 36, № 2. — С. 117–122.
20. Ведерникова, Ю.Н. Психологические особенности трудолюбия у юношей и девушек / Ю.Н. Ведерникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. — 2009. — № 1. — С. 56–59.

Поступила в редакцию 19.05.2025

Содержательные характеристики просоциального поведения у детей дошкольного и младшего школьного возрастов

Кухтова Н.В.¹, Сотникова Е.И.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Международный университет «МИТСО»

В статье представлена характеристика компонентов просоциального поведения у детей дошкольного и младшего школьного возрастов (эмоциональный, когнитивный, деятельностный). Актуальность исследования определяется тем, что в данных возрастных диапазонах развития просоциальное поведение начинает активно проявляться, обусловленное взаимодействием детей со сверстниками в дошкольной и школьной среде. В современном обществе наблюдается увеличение случаев негативного поведения среди детей, что требует поиска эффективных методов и подходов к формированию просоциальных навыков. Последние играют важную роль в развитии моральных ценностей и социальной адаптации ребенка.

Цель статьи — определение и изучение содержательных характеристик просоциального поведения у детей дошкольного и младшего школьного возрастов.

Материал и методы. С целью изучения компонентов просоциального поведения детей дошкольного и младшего школьного возрастов был использован комплекс диагностических методик: «Проявление эмпатии к сверстнику» (Е.Н. Васильева), «Закончи историю» (Р.Р. Калинина), «Мозаика» (В.М. Холмогорова, Е.О. Смирнова). Эмпирические данные обрабатывались при помощи программы SPSS 19.0 и подвергались корреляционному анализу.

Результаты и их обсуждение. Эмпирическое исследование позволило установить взаимосвязь и взаимообусловленность структурных компонентов просоциального поведения в двух представленных возрастных категориях. Выделены общие содержательные характеристики перечисленных компонентов.

Заключение. Просоциальное поведение формируется как комплексное явление, интегрирующее эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты. Эмпатия — центральный элемент, обеспечивающий гармоничное развитие социальных навыков и адаптацию в детском коллективе.

Ключевые слова: просоциальное поведение, эмпатия, сочувствие, сопереживание, помощь, альтруизм, сотрудничество, нравственная норма, дошкольный возраст, младший школьный возраст.

Content Characteristics of Preschool and Primary School Children Prosocial Behavior

Kukhtova N.V.¹, Sotnikova E.I.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²International University "MITSO"

The article presents a description of the components of preschool and primary school children prosocial behavior (emotional, cognitive, and activity-based). The relevance of the study is due to the fact that it is during these age ranges that prosocial behavior begins to manifest itself actively, which is associated with children's interactions with their peers in preschool and school environments. In today's society, there is an increase in cases of negative behavior among children, which requires the search for effective methods and approaches to the development of prosocial skills. These skills play a crucial role in the development of children's moral values and social adaptation.

The purpose of the article is to identify and study the content characteristics of preschool and primary schoolchildren prosocial behavior.

Material and methods. In order to study the components of prosocial behavior of children of preschool and primary school age, a set of diagnostic methods was used: "Demonstrating Empathy for a Peer" (E.N. Vasilyeva), "Finish the Story" (R.R. Kalinina), and "Mosaic" (V.M. Kholmogorova, E.O. Smirnova). The empirical data were processed using SPSS 19.0 and subjected to correlation analysis.

Findings and their discussion. The empiric study made it possible to identify the interrelation of the structural components of prosocial behavior in the two presented age groups. General content characteristics of the listed components are singled out.

Conclusion. Prosocial behavior is formed as a complex phenomenon that integrates emotional, cognitive, and behavioral aspects. Empathy is a central element that ensures the harmonious development of social skills and adaptation in the child's social group.

Key words: prosocial behavior, empathy, compassion, sympathy, help, altruism, cooperation, moral norm, preschool age, primary school age.

Детское просоциальное поведение представляет собой одно из ключевых направлений в психологии развития и социальной педагогике, которое привлекает внимание исследователей на протяжении последних десятилетий. Этот феномен, отражающий способность детей проявлять заботу, эмпатию, альтруизм и другие позитивные социальные взаимодействия с окружающими людьми, выступает не только важным индикатором психического здоровья и благополучного развития личности, но также служит составляющей для формирования гармоничных межличностных отношений и устойчивого социального функционирования во взрослой жизни. Понятие просоциального поведения у детей включает широкий спектр действий, начиная от помощи сверстникам и старшим по возрасту, участия в совместных играх, до выражения сочувствия и поддержки в трудной ситуации. Эти проявления могут быть как спонтанными, так и обученными, что делает их изучение особенно актуальным для специалистов в области воспитания и образования.

На современном этапе просоциальное поведение можно представить в виде многомерного конструкта и разнообразия авторских позиций, под которыми понимаются: моральные действия (И.М. Кондаков); поступок, направленный на благо других (В.Г. Крысько, Р. Чалдини); действия, совершенные с целью принести пользу другому (D. Batson, X. Хекхаузен), результат позитивного воспитания (Д.В. Сочивко) [1]. Следует отметить, что данное явление относится к действиям на благо других, движимым альтруистическими или эмпатическими мотивами.

Если систематизировать научные суждения, то в самом общем виде просоциальное поведение представляет собой спектр позитивных социальных действий, проявляющихся в семье, образовании, социуме и информационном пространстве для блага других людей и общества, способствуя формированию межличностных отношений и правильному пониманию социальной среды [2].

При этом механизмы развития просоциального поведения и функционирования лежат во многих средовых и индивидуальных факторах, таких как первичная и вторичная социализация, внедрение моральных норм и стандартов, эмоциональное и когнитивное развитие, а также биологические характеристики. Личностные качества ребенка, нравственные позиции, осознание норм поведения зависят от того, как выстраиваются его отношения с социальным окружением (семья, сверстники, школа), тем самым формируется просоциальная направленность личности [3; 14].

Стоит полагать, что ребенок, демонстрирующий просоциальное поведение, проще коммуницирует с окружающими людьми, может решать проблемы и различные ситуации на основе самооценки собственных отрицательных и положительных черт и соотнесения своих поступков и норм, и правил, так как это позволяет устанавливать межличностные отношения и успешно адаптироваться в обществе.

В детском возрасте, а конкретнее в дошкольном и младшем школьном, допустимые акты помощи, визуальные демонстрации сочувствия и сопереживания (М.Н. Гаврилова, 2005; M.L. Hoffman, 2000) [5; 6], соблюдение и выполнение нравственных норм (Т.Б. Сандабкина, 2013; С.В. Молчанов, 2014; О.А. Карелина, 2021) [7–9] стоит рассматривать посредством таких элементов, как эмоции (через эмпатию), когнитивные (через нормы и правила) и поведенческие нормы (через акты помощи и сотрудничество) (таблица 1).

Опираясь на ряд исследований, можно выделить компоненты просоциального поведения:

1) эмоциональный, включающий эмпатические способности, понимание и принятие другого человека, эмоциональный отклик на переживания других людей, проявляющийся в сопереживании, сочувствии (А.В. Запорожец, Л.П. Стрелкова, О.Е. Игнацкая) [10];

2) когнитивный определяет понимание детьми взаимопомощи, их способность адекватно оценивать обстоятельства, осознавать взаимосвязи между событиями, выделять существенные детали и согласовывать свои действия с принятыми моральными принципами (М. Мирзаабдуллаева, И.В. Сушкова, О.Е. Игнацкая, Е.А. Савина, С.Г. Яковсон) [10; 11];

3) деятельностный, выражается в конкретных актах поддержки, где проявляется истинная суть просоциального поведения, когда теоретическое понимание и эмоциональный отклик трансформируются в форму реальных действий (Ю.Е. Плотникова, П.В. Андреев) [12].

Таким образом, анализ исследований и представленные в совокупности, выделенные составляющие создают сложную и многогранную картину просоциального поведения, подчеркивая важность комплексного подхода.

Цель научной статьи — выявить и охарактеризовать структурные компоненты просоциального поведения (эмоциональный, когнитивный, деятельностный) у детей дошкольного и младшего школьного возрастов, а также установить взаимосвязи между этими компонентами.

Таблица 1 — Компоненты просоциального поведения

Компоненты просоциального поведения	Характеристика
1. Эмоциональный	Способность понимать и разделять чувства других, является фундаментальной движущей силой просоциального поведения. Сострадание, эмоциональный отклик на страдания других мотивирует просоциальные действия
2. Когнитивный	Совокупность норм поведения в обществе, внутренние качества и их выражение определяют поведение личности в обществе. Формирование предпосылок и понимания нравственных дилемм как когнитивной составляющей и желание осуществить правильный выбор как мотивационной составляющей обеспечивает необходимую почву для основ устойчивых проявлений просоциального поведения в детском возрасте
3. Деятельностный	Совокупность умений и навыков, образующих аспекты социального взаимодействия, а именно умение сотрудничать, помогать в случае затруднения сверстнику, работать в команде и выполнять совместную деятельность, что приводит к циклу просоциального поведения, социальной идентичности и групповой динамики

Таблица 2 — Взаимосвязь деятельностного компонента просоциального поведения с эмоциональным и когнитивным у детей дошкольного и младшего школьного возрастов

Показатели	Дети дошкольного возраста	Дети младшего школьного возраста
Оказание помощи	0,249**	—
Ущемление личных интересов	0,282**	—
Оказание помощи сверстнику в затруднительной ситуации	0,201*	—
Проявление сочувствия к сверстнику	0,281**	0,138*
Проявление сорадости	—	0,245**
Проявление эмпатии	0,296**	0,137*
Умение делиться с младшими	0,198*	—
Характер участия в действиях сверстника	0,582**	0,369**
Характер и степень сопереживания к сверстнику	0,598**	0,516**
Эмоциональная вовлеченность в действия сверстника	0,402*	0,184*

Материал и методы. С целью изучения компонентов указанного поведения у детей дошкольного и младшего школьного возрастов на базе дошкольных и общеобразовательных учреждений г. Витебска было проведено эмпирическое исследование. Выборка составила 342 ребенка от 4 до 10 лет. Общее количество детей дошкольного возраста составило 122, из них 65 девочек и 57 мальчиков; детей младшего школьного возраста — 220 человек, из них 125 девочек и 95 мальчиков.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики:

1. Эмоциональный компонент — «Проявление эмпатии к сверстнику» (Е.Н. Васильева), позволяет выявить наличие эмпатийных переживаний у детей [13].

2. Когнитивный компонент — «Закончи историю» (Р.Р. Калинина), представляющий возможность изучить ситуации, связанные с осознанием детьми нравственных норм поведения [14].

3. Деятельностный компонент — «Мозаика» (В.М. Холмогорова, Е.О. Смирнова), способствует пониманию оказания поддержки и помощи сверстнику [12].

Эмпирические данные обрабатывались при помощи программы SPSS 19.0 и подвергались статистическому анализу (корреляционный анализ) с дальнейшим содержательным описанием.

Результаты и их обсуждение. Посредством полученных результатов у респондентов была установлена взаимосвязь деятельностного компонента просоциального поведения с эмоциональным и когнитивным у детей (таблица 2).

Так, из таблицы 2 видно, что у детей дошкольного возраста деятельностный компонент просоциального поведения проявляется в участии в действиях сверстника, комментариях как положительных, так и отрицательных оценках его действиям ($r = 0,582$, $p \leq 0,01$), сопереживании, проявлении доброты по отношению к сверстнику, что может быть вызвано эгоистическими тенденциями с целью удовлетворить собственные желания за счет другого, то есть ребенок имеет «завуалированное авторитарное поведение», владеет разнообразными игровыми навыками и умениями ($r = 0,598$, $p \leq 0,01$); присутствует эмоциональная вовлеченность, интерес при игровой деятельности ($r = 0,402$, $p \leq 0,05$), делится или помогает, когда испытывает симпатию, настроен на сотрудничество. Вместе с тем на оказание помощи, по нашему мнению, влияет и дружба, потому как с большей вероятностью дети помогают другу, чем сверстнику в условиях вынужденного выбора, что в свою очередь характеризуется высокой общей мотивацией. В том числе младшие школьники сопереживают сверстнику ($r = 0,516$, $p \leq 0,01$), наблюдают и вовлекаются в его действия, исходя из личной симпатии, межличностных взаимоотношений и общих интересов, помогают, подсказывают ($r = 0,369$, $p \leq 0,01$).

При этом было выявлено, что у детей дошкольного и младшего школьного возрастов существует определенная корреляционная связь между когнитивной составляющей просоциального поведения, а также деятельностным и эмоциональным компонентом (таблица 3).

Из таблицы 3 видно, что дети дошкольного возраста стремятся говорить правду взрослому, не хотят его обманывать, чтобы избежать наказаний ($r = 0,826$, $p \leq 0,01$). Без колебаний делятся предметом (игрушкой) с младшими, объясняя это тем, что с маленькими надо делиться ($r = 0,853$, $p \leq 0,01$), мальчики уступают девочкам ($r = 0,825$, $p \leq 0,01$), помогают своим друзьям ($r = 0,780$, $p \leq 0,01$), проявляют эмоциональную направленность. В целом у детей дошкольного возраста наблюдается оптимальный уровень осознания нравственных норм, способность оценить поведение как плохое или хорошее, но в силу возраста не могут мотивировать эту норму.

В исследовании А.Д. Андреевой встречается подтверждение того, что дети дошкольного возраста в состоянии преодолевать эгоцентрическую позицию, а именно решать нравственные задачи [15].

Для младших школьников присуще умение прийти на помощь ($r = 0,691$, $p \leq 0,01$), делиться

с младшими ($r = 0,700$, $p \leq 0,01$), желание уступить (поделиться) девочке ($r = 0,750$, $p \leq 0,01$), умение говорить правду ($r = 0,766$, $p \leq 0,01$). Это объясняется тем, что в младшем школьном возрасте у детей появляются нравственные представления, которых они могут придерживаться в зависимости от определенной ситуации. Благодаря этому происходит развитие личностных качеств, связанных с отношением к людям, что также составляет основу просоциального поведения.

Как отмечают в своей научной работе И.А. Савенкова и А.О. Ефремова, дети младшего школьного возраста готовы к демонстрации просоциального поведения в отношении своих одноклассников. Такое поведение является доминирующим и выступает как результат следования социальным нормам, принятым в данном обществе и культуре как эталон [16].

В том числе существует взаимосвязь между эмоциональной составляющей просоциального поведения, а также его деятельностной и когнитивной сторонами (таблица 4).

Из таблицы 4 следует отметить, что дети дошкольного возраста ущемляют свои интересы ($r = 0,843$, $p \leq 0,01$), оказывают помощь ($r = 0,801$, $p \leq 0,01$), проявляют сочувствие ($r = 0,730$, $p \leq 0,01$) и сопереживают ($r = 0,432$, $p \leq 0,01$), не всегда готовы прийти на помощь ($r = 0,231$, $p \leq 0,01$), делиться игрушкой со сверстником ($r = 0,282$, $p \leq 0,01$), участвуют в действиях сверстника ($r = 0,245$, $p \leq 0,01$) [17].

Уделяя внимание показателю «проявление сочувствия» стоит отметить, что в период дошкольного возраста дети начинают понимать причины появления эмоций и умеют распознавать их через мимику человека (S.A. Denham). При этом важно обратить внимание на модель психического развития (H.M. Wellman), так как она позволяет детям объяснить и антиципировать чувства, состояния и поведение людей, присваивая как себе, так и другим определенные эмоции, мнения, желания [4].

У младших школьников выражены аналогичные показатели эмоционального компонента просоциального поведения: оказание помощи ($r = 0,745$, $p \leq 0,01$), ущемление личных интересов ($r = 0,754$, $p \leq 0,01$), проявление сочувствия к сверстнику ($r = 0,773$, $p \leq 0,01$), проявление радости ($r = 0,576$, $p \leq 0,01$).

Вышеназванное стоит трактовать следующим образом: дети проявляют эмоциональную отзывчивость, великодушие, общительность, откликаются на переживания сверстника, доброжелательны, в определенной степени отличаются

Таблица 3 — Взаимосвязь когнитивного компонента просоциального поведения с деятельностным и эмоциональным у детей дошкольного и младшего школьного возрастов

Показатели	Дети дошкольного возраста	Дети младшего школьного возраста
Оказание помощи	0,260**	0,186**
Ущемление личных интересов	0,317**	—
Проявление сочувствия к сверстнику	0,240**	—
Проявление сорадости	—	0,134*
Проявление эмпатии	0,325**	—
Умение прийти на помощь	0,780**	0,691**
Умение делиться с младшими	0,853**	0,700**
Умение уступить		
(поделиться)	0,825 **	0,750**
Умение говорить правду	0,826**	0,766**
Характер участия в действиях сверстника	—	0,198**
Характер и степень сопереживания к сверстнику	0,240**	0,167*

Таблица 4 — Взаимосвязь эмоционального компонента просоциального поведения с когнитивным и деятельностным у детей дошкольного и младшего школьного возрастов

Показатели	Дети дошкольного возраста	Дети младшего школьного возраста
Оказание помощи	0,801**	0,745**
Ущемление личных интересов	0,843**	0,754**
Оказание помощи сверстнику в затруднительной ситуации	0,490**	0,559**
Проявление сочувствия к сверстнику	0,730**	0,773**
Проявление сорадости	0,432**	0,576**
Желание прийти на помощь	0,231*	0,140*
Умение делиться с младшими	0,283**	—
Умение поделиться с девочкой	0,282**	0,163**
Умение говорить правду	0,256**	—
Эмоциональная вовлеченность в действия сверстника	0,313**	—
Характер участия в действиях сверстника	0,245**	0,187**
Характер и степень сопереживания к сверстнику	0,296**	0,253**
Характер проявления просоциальных форм поведения	—	0,137*

чувствительностью в отношениях с социальным окружением, склонностью многое прощать другим. Также в отличие от сопереживания, которое выражается в эгоистической направленности, для обоих возрастов наиболее характерно проявления сочувствия, что носит альтруистический характер, обуславливается моральной нормой и позитивным опытом взаимоотношений с людьми.

На основе выполненного корреляционного анализа были построены интеркорреляционные матрицы, демонстрирующие взаимосвязь между

различными параметрами у детей дошкольного и младшего школьного возрастов, проведена оценка количества корреляций для каждого показателя в отдельности, а также вычислено общее суммарное число корреляций для всей интеркорреляционной матрицы.

Анализ полученных данных дал возможность исследовать семь характеристик, отражающих особенности личности детей, а также элементы их просоциального поведения. Выявлено, что ключевым ядром личности детей дошколь-

Таблица 5 — Компоненты ядра просоциального поведения детей дошкольного возраста и младшего школьного возрастов

Показатели	Количество обнаруженных интеркорреляций	
	Дети дошкольного возраста	Дети младшего школьного возраста
Ущемление личных интересов	14	
Проявление сочувствия к сверстнику	15	
Проявление эмпатии	15	13
Умение делиться с младшими	13	
Характер и степень выраженности сопереживания сверстнику	15	
Проявление сорадости		13
Умение делиться с девочками		13

ного и младшего школьного возрастов выступает эмпатия (таблица 5).

Изучение интеркорреляций показало, что эмпатия детей дошкольного возраста имеет положительные связи со следующими переменными: ущемление личных интересов ($r = 0,84$, $p \leq 0,01$), проявление сочувствия к сверстнику ($r = 0,73$, $p \leq 0,01$), умение делиться с младшими ($r = 0,28$, $p \leq 0,01$), степень выраженности сопереживания сверстнику ($r = 0,39$, $p \leq 0,01$).

В том числе были выделены положительные интеркорреляционные связи эмпатии у детей младшего школьного возраста с проявлением сорадости ($r = 0,57$, $p \leq 0,01$), умением делиться с другими (с девочкой) ($r = 0,16$, $p \leq 0,05$).

В целом высокая взаимосвязь эмпатии с ущемлением личных интересов указывает на то, что дети, обладающие развитой эмпатией, склонны отдавать приоритет потребностям окружающих, а не своим собственным. Это ключевой элемент просоциального поведения. Проявление сочувствия, разделение радости и готовность делиться говорит о том, что эмпатия содействует эмоциональной вовлеченности в переживания других, необходимой для установления и поддержания здоровых межличностных отношений, формированию более гармоничных и позитивных межличностных отношений в детском коллективе.

Заключение. Исходя из осуществленного эмпирического анализа, были определены и детально рассмотрены компоненты просоциального поведения у детей дошкольного и младшего школьного возрастов, включая эмоциональную, когнитивную и деятельностную составляющие.

Среди общих элементов эмоционального компонента просоциального поведения выделяются: оказание помощи, ущемление личных интересов, проявление сочувствия к сверстнику.

Деятельностный компонент просоциального поведения представлен в общей взаимосвязи с участием в действиях сверстника, сопереживанию к сверстнику, эмоциональной вовлеченности в действия сверстника.

Когнитивный компонент просоциального поведения включает в себя такие показатели, как умение прийти на помощь, делиться с младшими, уступать (делиться), говорить правду.

Основополагающим компонентом сущности личности детей дошкольного и младшего школьного возрастов является эмпатия.

Выявлено возрастное своеобразие проявления компонентов: у детей дошкольного возраста доминирует эмоционально-деятельностная связь, у младших школьников усиливается роль когнитивного компонента.

Поэтому изучение просоциального поведения подразумевает углубленный анализ социального контекста наблюдаемых субъектов, распространение знаний о способах взаимодействия для повышения благосостояния детей, привития им критических и этических навыков в использовании современных инструментов коммуникации, а также создания более широких возможностей для социальной интеграции и адаптации в обществе.

Литература

1. Сочивко, Д.В. Психодинамическая типология просоциального (дистантного) поведения / Д.В. Сочивко // Прикладная юридическая психология. — 2019. — Т. 47, № 2. — С. 28–35.

-
2. Смирнова, Е.О. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция / Е.О. Смирнова, В.М. Холмогорова. — М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. — 158 с.
3. Кухтова, Н.В. Структурные компоненты просоциальной личности специалистов, ориентированных на оказание помощи / Н.В. Кухтова // Психология человека в образовании. — 2021. — Т. 3, № 3. — С. 273–287.
4. Швецова, М.Н. Просоциальное поведение старших дошкольников / М.Н. Швецова, И.К. Суязова // Проблемы современного образования. — 2021. — № 5. — С. 23–34. — DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-23-34.
5. Гаврилова, Т.П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Исторический обзор и современное состояние проблемы / Т.П. Гаврилова // Вопросы психологии. — 2005. — № 2. — С. 147–56.
6. Hoffman, M.L. Empathy and moral development: Implications for caring and justice / M.L. Hoffman. — New York: Cambridge University Press, 2000. — 342 p.
7. Сандабкина, Т.Б. Психолого-педагогические особенности формирования нравственных представлений младших школьников / Т.Б. Сандабкина // Вестник Бурятского университета. — 2013. — № 15. — С. 151–155.
8. Молчанов, С.В. Условия и факторы решения моральных дилемм в подростковом возрасте / С.В. Молчанов // Национальный психологический журнал. — 2014. — № 4(16). — С. 42–51.
9. Карелина, О.А. Развитие ментального уровня понимания эмоций в дошкольном детстве / О.А. Карелина // Социосфера. — 2021. — № 2. — С. 114–123.
10. Игнацкая, О.Е. Особенности изучения компонентов просоциальной направленности личности старшеклассников / О.Е. Игнацкая // Психологический журнал. — 2008. — № 4. — С. 68–73.
11. Сушкова, И.В. Формирование начал нравственного сознания у детей старшего дошкольного возраста: актуальные вопросы теории и практики: монография / И.В. Сушкова. — 3-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2022. — 315 с.
12. Андреев, П.В. Проблема развития психологической готовности детей к взаимопомощи и этапы ее решения / П.В. Андреев // Категория «социального» в современной педагогике и психологии. — 2015. — Т. 1. — С. 8–14.
13. Васильева, Е.Н. К проблеме возрастной сензитивности в проявлении эмпатии у детей дошкольного возраста / Е.Н. Васильева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2006. — № 1(5). — С. 15–25.
14. Дерманова, И.Б. Диагностика эмоционально-нравственного развития / И.Б. Дерманова. — СПб., 2002. — С. 34–35.
15. Андреева, А.Д. Становление способности к децентрации в дошкольном возрасте / А.Д. Андреева // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2016. — Т. 9, № 4. — С. 39–52.
16. Савенкова, И.А. Мотивы просоциального поведения у детей младшего школьного возраста / И.А. Савенкова, А.О. Ефремова // Образование в Орловской области. — 2022. — № 4. — С. 54–63.
17. Сотникова, Е.И. Взаимосвязь компонентов просоциального поведения у детей дошкольного возраста / Е.И. Сотникова // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. — 2022. — № 1. — С. 65–69.
- Поступила в редакцию 21.10.2025*
-

Психологическое сопровождение адаптации молодых специалистов на предприятиях металлургической отрасли

Стальмакова Ю.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

В данной статье рассматривается психологическое сопровождение молодых специалистов на предприятиях металлургической промышленности на примере производственного предприятия города Могилева. Анализируются отдельные составляющие профессионально-психологической адаптации молодых специалистов в зависимости от возраста, уровня образования, профессионального стажа. Изучаются результаты социально-психологического опроса среди руководителей цехов и участков предприятия. Описываются стратегии поведения молодых специалистов в ситуации конфликта по тесту К. Томаса и Р. Килмана (в адаптации Н.В. Гришиной).

Цель работы — мониторинг психологического сопровождения адаптации молодых специалистов.

Материал и методы. *Исследование проводилось на базе производственного унитарного предприятия города Могилева. В ходе изучения применялась методика поведения в ситуации конфликта по тесту К. Томаса и Р. Килмана (в адаптации Н.В. Гришиной), социально-психологические опросы среди молодых специалистов и руководителей предприятия.*

Результаты и их обсуждение. *В ходе установлено, что молодым специалистам с высшим образованием не хватает практической подготовки, со средним специальным образованием — умения работать в коллективе, с профессионально-техническим образованием — профессиональной ответственности, базовых теоретических знаний и знаний компьютерных технологий. Стимул для продвижения по карьерной лестнице для молодых специалистов со стажем работы 1–2 года — это финансовый, а со стажем более 3 лет — близость ценностей компании и совпадение по взглядам с руководителем.*

Заключение. *Из вышеуказанных исследований можно сделать вывод о том, что все молодые специалисты имеют разные ценности и интересы. Полученные данные доказывают, что молодые специалисты остерегаются конфликтов, достигая согласия путем вступления в диалог с оппонентом.*

Ключевые слова: адаптация, металлургическая отрасль, молодые специалисты.

Psychological Support for Adaptation of Young Specialists at Metallurgy Enterprises

Stalmakova Yu.V.

Education Establishment "Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics"

This article examines psychological support for young specialists at metallurgical enterprises using the example of a manufacturing enterprise in the City of Mogilev. Individual components of professional and psychological adaptation of young specialists are analyzed depending on age, level of education, and professional experience. The results of a social and psychological survey among the heads of workshops and sections of the enterprise are analyzed. The behavior strategies of young specialists in a conflict situation are described according to the test of K. Thomas and R. Kilman (adapted by N.V. Grishina).

The purpose of the paper is monitoring of the psychological support for young specialists' adaptation.

Material and methods. *The study was conducted at the production unitary enterprise of the City of Mogilev. During the study, the methodology of behavior in a conflict situation according to the test of K. Thomas and R. Kilman (adapted by N.V. Grishina), social and psychological surveys among young specialists and enterprise managers were used.*

Findings and their discussion. *During the study it was established that young specialists with higher education lack practical training, those with secondary specialized education lack the ability to work in a team, those with vocational and technical education lack professional responsibility, basic theoretical knowledge and knowledge of computer technology. The incentive for career advancement for young professionals with 1–2 years of experience is financial, and for those with more than 3 years of experience, it is the proximity of the company's values and the coincidence of views with the manager.*

Conclusion. *From the above studies, it can be concluded that all young professionals have different values and interests. The data obtained prove that young professionals are wary of conflicts, reaching agreement by entering into a dialogue with the opponent.*

Key words: adaptation, metallurgical industry, young specialists.

Адаптация персонала в организации — это продолжительный этап «введение в должность» новых специалистов, включающий прохождение

базовых информационных, административных и управленческих процессов, реализуемых в организации.

Значение понятия адаптации рассматривается с разных точек зрения. Так, например, ученые А.П. Авцын, Р.М. Баевский, Н.А. Агаджанян, Г. Селье трактуют термин «адаптация» в рамках физиологических наук, где процесс адаптации тесно переплетен со средой обитания и трактуется как приспособление к факторам среды с целью уменьшения ее негативного воздействия на организм [1–3]. В публикациях исследователей М.В. Ростовцевой, М.В. Ромма, Ю.А. Урманцева процесс адаптации трактуется в рамках философских наук, где данный процесс имеет структуру, которая подразумевает активные и пассивные стратегии, с наличием двойственных адаптационных средств и инструментов приспособления и обособления человека в окружающей среде [4–6]. Ученые С.Т. Посохова, А.А. Реан, А.Г. Макаков анализируют понятие адаптации в рамках психологических наук. Главная роль отводится индивидуальным особенностям и возможностям организма, которые регулируют психологическую устойчивость при помощи удовлетворения первичных и «вторичных» потребностей [7–9]. В публикациях О.А. Воскресенко, Е.Н. Леонова, С.В. Сергеева, Г.И. Симонова понятие адаптации исследуется в рамках педагогических наук, где адаптация трактуется как процесс, который происходит на основе деятельности субъектов в тесной взаимосвязи и ориентирован на успешный контакт личности с новой психологической средой на основе понимания и помощи [10–12]. Профессор П.С. Кузнецов утверждал: «...существует семь комплексных факторов, влияющих на успешность адаптации: экономический (материальный), самосохранения, регулятивный, воспроизводственный, коммуникативный, когнитивный и самореализации...» [13].

На государственном уровне белорусский профессиональный союз работников отраслей промышленности «БЕЛПРОФМАШ» не реализует программы по адаптации молодых специалистов на предприятиях металлургической отрасли. Также отсутствуют методики для оценки эффективности адаптационных программ. В связи с этим возникает реальная потребность в расширении знаний в данной области, а также доработке процесса психологического сопровождения адаптации молодых специалистов на предприятиях металлургической промышленности, что и является актуальностью нашего исследования.

Цель работы — мониторинг психологического сопровождения адаптации молодых специалистов.

Материал и методы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для разработки адаптационных программ для молодых специалистов на предприятиях металлургической промышленности.

Исследования проводились на производственном унитарном предприятии города Могилева, основная сфера деятельности которого — заготовка, переработка и поставка лома и отходов черных и цветных металлов металлургическим и литейным предприятиям Республики Беларусь и партнерам из других стран. На предприятие ежегодно приходят 10–15 молодых специалистов из числа выпускников учреждений образования, однако, это является недостаточным для выполнения годовых задач предприятия.

В качестве исследовательских методов использовались:

- 1) теоретические методы (анализ, сравнение);
- 2) вербально — коммуникативный метод (опрос).

Опрос проводился среди руководителей, начальников и мастеров цехов предприятия г. Могилева в количестве 50 человек для выявления таких личностных и профессиональных качеств, которых не хватает вначале трудовой деятельности молодым сотрудникам предприятий.

Психологический опрос среди молодых специалистов в количестве 300 человек (18–25 лет, высшее, среднее специальное и профессионально-техническое образование, 1–5 лет профессионального стажа, среди них 65% мужчин и 35% женщин), которые работают на предприятии металлургической отрасли, для того чтобы узнать: апперцепцию первого опыта работы; трудность профессиональной деятельности; недостающие навыки; стимулы для карьерного продвижения.

В ходе изучения применялась методика поведения в ситуации конфликта по тесту К. Томаса и Р. Килмана (в адаптации Н.В. Гришиной), социально-психологические опросы среди молодых специалистов и руководителей предприятия.

Результаты и обсуждение. Опрос среди руководителей, начальников и мастеров цехов показал, что молодым специалистам, окончившим высшие учебные заведения, не хватает практической подготовки, на что указали 25 руководителей, среди лидирующих позиций по «нехватке» личностных качеств специалистов, получивших среднее специальное образование — умение работать в коллективе, что подтвердили 30 человек. Профессиональной ответственности, базовых

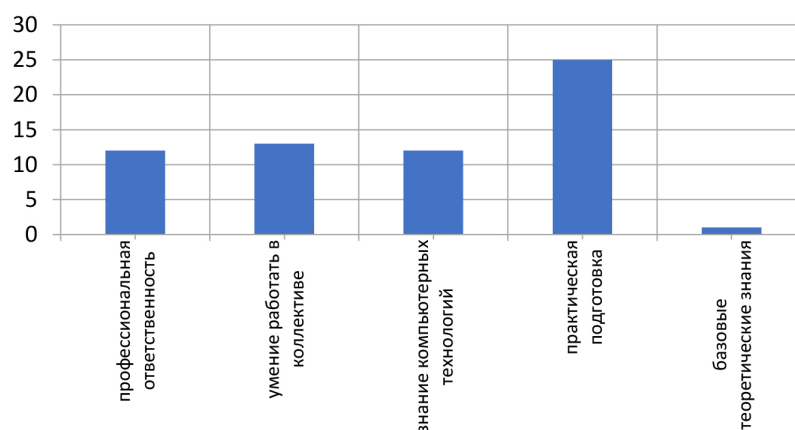

Рисунок 1 — Данные по опросу руководителей, начальников и мастеров цехов предприятия о недостающих качествах

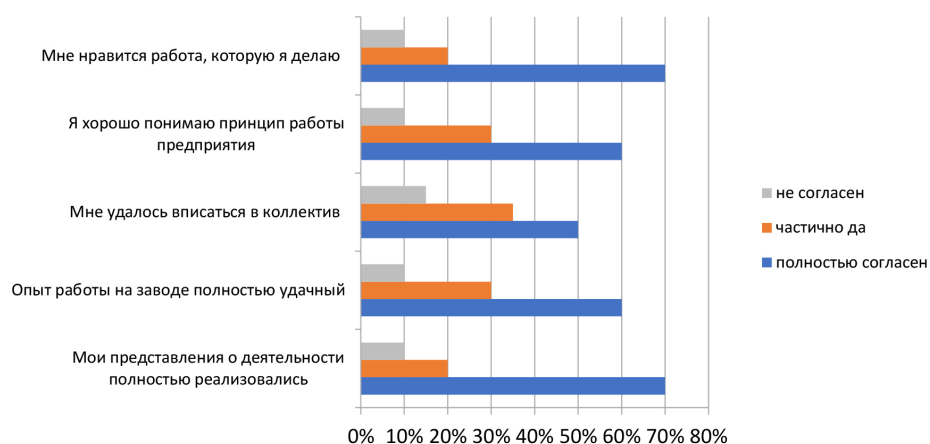

Рисунок 2 — Апперцепция первого опыта работы

Рисунок 3 — Трудности профессиональной деятельности

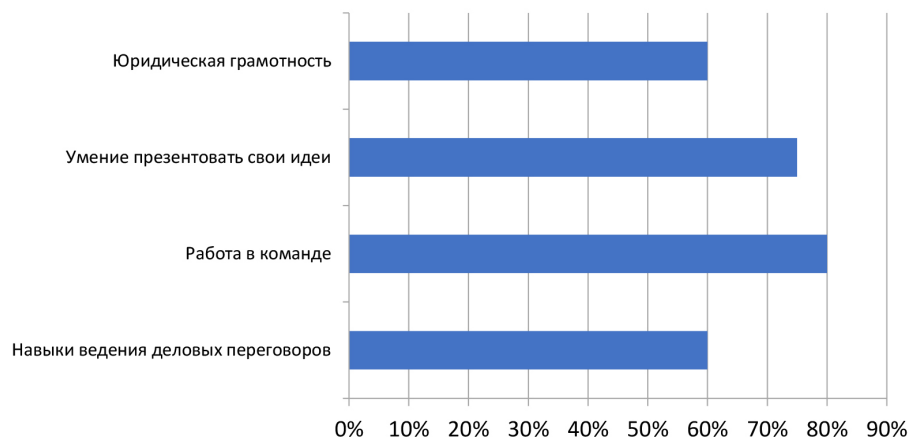

Рисунок 4 — Недостающие навыки

теоретических знаний, а также знаний компьютерных технологий в наибольшей степени не хватает специалистам, получившим профессионально-техническое образование. На это указали 12 руководителей. Результаты представлены на рисунке 1.

Психологический опрос среди молодых специалистов (18–25 лет, высшее, среднее специальное и профессионально-техническое образование, 1–5 лет профессионального стажа, среди них 65% мужчин и 35% женщин), которые работают на предприятии показывает (рисунок 2), что молодые сотрудники (70%) не считают первый рабочий опыт проблемным.

На основании опроса молодых специалистов нами было выявлено 10 самых распространенных сложностей, с которыми они сталкивались на производстве (рисунок 3).

Результаты показывают, что чаще всего проблемой в профессиональной карьере для молодых специалистов выступает недостаточность практических навыков, боязнь рабочих неудач, а также служебная ответственность. Реже всего — несговорчивость руководителя. Чтобы определить самые дефицитные навыки, мы разработали перечень из 10 пунктов и предложили молодым кадрам выбрать из них те, «дефицит» которых они испытали в профессиональной деятельности (рисунок 4).

По результатам исследования видно, что, по мнению самих молодых специалистов, им не хватает умения презентовать свои идеи (75%) и работать в команде (80%). Опираясь на результаты (рисунок 5), мнения по поводу стимулов для продвижения по карьерной лестнице

у молодых специалистов разделились. Для молодых заводчан, стаж которых 1–2 года, самый важный мотиватор — финансовый (заработная плата и удобный график работы, не мешающий «подработкам» в выходные дни — 80%), однако для кадров с профессиональным стажем работы от трех и более лет стимулом для дальнейшей работы служит близость ценностей компании и совпадение по взглядам с руководителем — 80%.

Из вышеуказанных исследований можно сделать вывод о том, что все молодые специалисты имеют разные ценности. И когда происходит столкновение этих разных позиций, то возникновение конфликта естественно. В рамках психологического исследования среди молодых специалистов мы обратились к методике конфликтного поведения Кена Томаса и Ральфа Килмана (в адаптации Н.В. Гришиной). Методика позволяет изучить адаптационные и коммуникативные личностные качества, способ межличностного взаимодействия, индивидуальную склонность к конфликтному поведению, а также стиль урегулирования конфликтной ситуации [14]. Опираясь на результаты (рисунок 6), мы выявили, что у молодых специалистов приоритетной стратегией является *сотрудничество* — 40%. Такая стратегия применяется для удовлетворения всех «конфликтующих». Всего 5% опрошенных выбрали в конфликте позицию *соперничества* — это минимальный параметр. Такой выбор стратегии характерен для людей, которые готовы постоять за свои убеждения и взгляды даже с применением волевого давления. Стратегию *компромисса* выбрали 25% опрошенных. При такой тактике каждая конфликтующая сторона остается при своих суждениях.

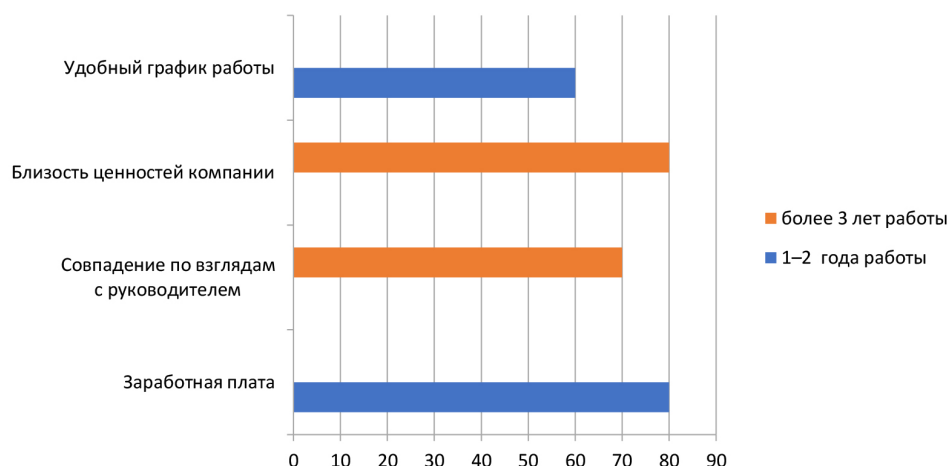

Рисунок 5 — Стимулы для карьерного продвижения

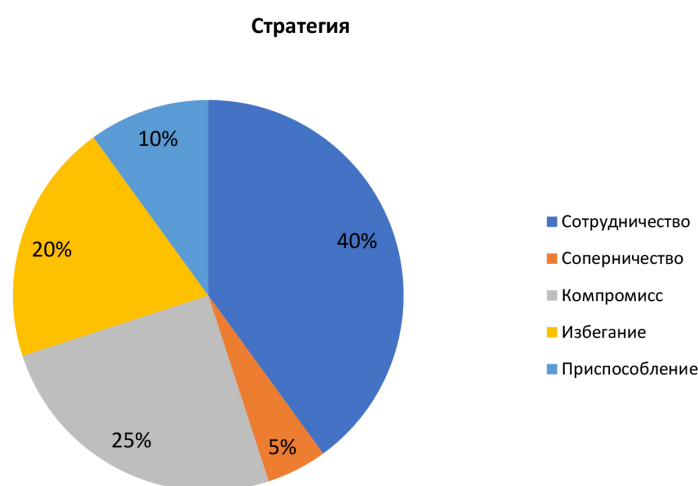

Рисунок 6 — Результаты диагностики по методике К. Томаса

Форму поведения *избегание* применяют 20% молодых кадров. Форму поведения *приспособление* выбрало 10% опрошенных. Эта стратегия направлена на урегулирование конфликта, за счет ущемления собственных интересов.

Полученные данные доказывают, что молодые специалисты остерегаются конфликтов, достигая согласия путем вступления в продуктивный диалог с оппонентом. Немаловажную роль в конфликтности играет самооценка человека, образ действий, мотивы, волевые особенности характера, запросы и социальные взгляды.

В рамках нашего мониторинга психологического сопровождения адаптации молодых специ-

алистов, а также решения трудностей, с которыми они сталкиваются на производстве, мы разработали примерный план адаптационной программы. Процесс адаптации молодых специалистов должен сочетать в себе три функции: информативную, управленческую и стимулирующую. Информативная функция — это знакомство сотрудника с: историей предприятия (проведение экскурсий в музей предприятия), должностной инструкцией, правилами структурного подразделения, внутренними нормативными документами (системы менеджмента охраны здоровья и безопасности труда и др.). Стимулирующая функция заключается в формировании интереса к профессии

(проведение конкурсов профессионального мастерства), выстраивание благоприятных взаимоотношений внутри коллектива. Необходимо создать Совет молодых специалистов, разработать соответствующие нормативные документы внутри предприятия. Итоги проделанной работы необходимо публиковать на сайтах предприятия. Для молодых сотрудников Совет должен будет систематически организовывать встречи с руководящим составом предприятия, по итогу которых будут решаться текущие проблемы и вноситься предложения для более успешной работы. Уместно будет внедрить систему поощрений молодых специалистов. Например, после испытательного срока награждать дипломами и денежной премией наиболее успешных молодых кадров. Не лишним будет внедрить в практику работы с молодежью конкурсы профессионального мастерства «Лучший литейщик», «Лучший токарь» и другое. На период испытательного срока за молодыми специалистами необходимо закрепить опытных наставников.

Заключение. На основании проведенных исследований можно сделать вывод о том, что на предприятии проводится работа по адаптации молодых специалистов. Однако существует вероятность, что молодой сотрудник может без особых трудностей пройти адаптацию, но вскоре поменять работу. Причиной такого увольнения может послужить психологический дискомфорт на рабочем месте, так как не был пройден процесс адаптации в отношении психологического уровня. Из этого делаем вывод о том, что предприятию необходимо обратить внимание на психологическое сопровождение процесса адаптации молодых кадров. На наш взгляд, первоочередной задачей процесса психологического сопровождения адаптации молодых специалистов является построение деятельности кадровой политики предприятия на принципе социального сотрудничества со всеми подразделениями предприятия. При устройстве на работу необходимо внедрить психологические опросы для изучения диагностики профессиональной компетентности, профессионально важных качеств специалистов, психологического состояния и путей установле-

ния взаимного соответствия личных качеств человека и требований должности.

Литература

1. Агаджанян, Н.А. Проблемы адаптации и учение о здоровье: учеб. пособие / Н.А. Агаджанян, Р.М. Баевский, А.П. Берсенева. — М: Изд.-во РУДН, 2006. — 284 с.
2. Агаджанян, Н.А. Среда обитания и реактивность организма / Н.А. Агаджанян, И.И. Макарова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Тверь, 2011. — 198 с.
3. Селье, Г. Очерки об адаптационном синдроме / Г. Селье. — Москва: Медгиз, 1960. — 254 с.
4. Ромм, М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. — Новосибирск: Наука, 2002. — 275 с.
5. Урманцев, Ю.А. Природа адаптации. Вопросы философии (системная экспликация) / Ю.А. Урманцев // Вопросы философии. — 1998. — № 12. — 36 с.
6. Ростовцева, М.В. Философский смысл понятия «социальная адаптация» / М.В. Ростовцева, А.А. Машанов // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. — 2012. — № 6. — 293 с.
7. Посохова, С.Т. Эмоциональная неустойчивость в психической организации человека / С.Т. Посохова // Практическая психология. Методология и методики научных исследований. — СПб.: Образование, 1996. — 135 с.
8. Реан, А.А. К проблеме социальной адаптации личности / А.А. Реан // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. — 1995. — № 20. — 179 с.
9. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // А.Г. Маклаков // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22, № 1. — 124 с.
10. Воскресенко, О.А. Готовность к адаптации как результат профессиональной подготовки будущего педагога в высшей школе / О.А. Воскресенко, С.В. Сергеева, О.В. Варникова // Современные проблемы науки и образования. — 2023. — № 1. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32409> (дата обращения: 05.03.2025).
11. Леонова, Е.Н. Адаптация как стремление к субъективности / Е.Н. Леонова // Высшее образование сегодня. — 2007. — № 6. — 165 с.
12. Симонова, Г.И. Логическая структура педагогического сопровождения социальной адаптации учащихся / Г.И. Смирнова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 2. — 660 с. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/46372.pdf> (дата обращения: 06.03.2025).
13. Кузнецов, П.В. Адаптация как функция развития личности / П.В. Кузнецов. — Саратов: Изд.-во Саратов. ун-та, 2011. — С. 47.
14. Павлова, А.Б. Исследование стратегий поведения в конфликте в студенческой среде / А.Б. Павлова // Проблемы современного образования. — 2024. — № 3. — 153 с.

Поступила в редакцию 16.05.2025

Половые различия в стилях привязанности

Яковина Л.В.

Белорусский государственный университет

Статья посвящена анализу половых различий в стилях привязанности с позиций эволюционной психологии и теории жизненной истории. Рассматриваются данные исследования, подтверждающие отсутствие половых различий в младенчестве и их последующее проявление в среднем детстве и во взрослом возрасте. Особое внимание уделено роли гормональных факторов, а также культурным и экологическим условиям, влияющим на выраженность различий.

Целью данной публикации является обобщение эмпирических данных о сходствах и различиях в формировании стилей привязанности у мальчиков и девочек, а также их переносе во взрослые отношения.

Материал и методы. Исследование представляет собой систематический обзор литературы, мета-анализов и кросс-культурных сравнений, опубликованных в период с 1999 по 2020 г. Анализ проводился на основе ключевых источников по эволюционной психологии, теории привязанности и гендерным различиям, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах (*Personality and Individual Differences*, *Child Development Perspectives*, *Handbook of Attachment* и др.) и базы данных (*Google Scholar*; *PsycINFO*). Методы включали статистический синтез результатов мета-анализов (работы М. Дель Джудиче и др.) и качественное сравнение кросс-культурных данных (Северная Америка, Европа, Азия, Ближний Восток, Африка, Китай). Учитывались возрастные периоды (младенчество, детство, взрослость), гормональные влияния (адренархе) и экологические условия (стресс, смертность, фертильность).

Результаты и их обсуждение. Обобщаются результаты мета-анализов и межкультурных сравнений, показывающих, что мужчины чаще демонстрируют повышенное избегание, а женщины — тревожность в отношениях привязанности. Эти различия наиболее выражены в западных и ближневосточных странах, менее заметны в регионах с высоким стрессом; они отсутствуют в младенчестве, но формируются с 6–7 лет под влиянием адренархе. Различия зависят от методов оценки (самоотчеты/интервью) и отражают репродуктивные стратегии: избегание минимизирует обязательства у мужчин, тревожность максимизирует инвестиции у женщин. В стрессовых условиях разрыв сужается, в благоприятных — способствует взаимным инвестициям.

Заключение. Делается вывод о том, что половые различия в привязанности являются адаптивным механизмом, обеспечивающим репродуктивные стратегии в изменяющейся среде. Обосновывается необходимость дальнейшей интеграции эволюционного и психологического подходов к изучению феномена привязанности, включая лонгитюдные исследования биологических, культурных и психологических факторов.

Ключевые слова: привязанность, половые различия, эволюционная психология, психологические факторы, детство.

Sex Differences in Attachment Styles

Yakovina L.V.

Belarusian State University

The article addresses the analysis of sex differences in attachment styles from the perspective of evolutionary psychology and life history theory. Research data are considered that confirm the absence of sex differences in infancy and their subsequent manifestation in middle childhood and adulthood. Special attention is paid to the role of hormonal factors, as well as cultural and ecological conditions affecting the severity of differences.

The purpose of the publication was to summarize empirical data on similarities and differences in the formation of boys' and girls' attachment styles as well as their transfer to adult relationships.

Material and methods. The study is a systematic review of literature, meta-analyses and cross-cultural comparisons published from 1999 to 2016. The analysis was based on key sources in evolutionary psychology, attachment theory and gender differences, including monographs, articles in peer-reviewed journals (*Personality and Individual Differences*, *Child Development Perspectives*, *Handbook of Attachment*, etc.) and databases (*Google Scholar*; *PsycINFO*). The methods included statistical synthesis of meta-analysis results (works by M. Del Giudice and others) and qualitative comparison of cross-cultural data (North America, Europe, Asia, Middle East, Africa, China). Age periods (infancy, childhood, adulthood), hormonal influences (adrenarche) and ecological conditions (stress, mortality, fertility) were taken into account.

Findings and their discussion. The results of meta-analyses and cross-cultural comparisons are summarized, showing that men more often demonstrate increased avoidance, and women — anxiety in attachment relationships. These differences are most pronounced in Western and Middle Eastern countries, less noticeable in regions with high stress; they are absent in infancy, but are formed from 6–7 years under the influence of adrenarche. Differences depend on assessment methods (self-reports vs. interviews) and reflect reproductive strategies: avoidance minimizes commitments in men, anxiety maximizes investments in women. In stressful conditions, the gap narrows; in favorable ones, it promotes mutual investments.

Conclusion. *It is concluded that sex differences in attachment are an adaptive mechanism that ensures reproductive strategies in a changing environment. The necessity of further integration of evolutionary and psychological approaches to the study of the attachment phenomenon is substantiated, including longitudinal studies of biological, cultural and psychological factors.*

Key words: *attachment, sex differences, evolutionary psychology, psychological factors, childhood.*

Теория привязанности, разработанная Дж. Боулби, представляет собой фундаментальную парадигму в психологии развития, объединяющую принципы этологии и психоанализа для объяснения формирования ранних эмоциональных связей между ребенком и значимыми фигурами. Эти связи, как было установлено, оказывают определяющее влияние на когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты индивидуального развития на протяжении всей жизни. Настоящая статья посвящена систематическому анализу половых различий в стилях привязанности, рассматривая их эволюционные корни, нейробиологические основы и культурные вариации. Современные исследования, опирающиеся на гипотезы Боулби и дополненные данными о гормональных влияниях (например, адренархе) и экологических факторах, расширяют значительно рамки классической теории. Как отмечал Ф. Шейвер, один из ведущих современных исследователей привязанности, «привязанность — это динамическая система, которая эволюционировала для обеспечения выживания, но и продолжает адаптироваться к сложностям современных социальных структур». Настоящее исследование стремится не только обобщить эмпирические данные, но и способствовать синтезу эволюционной психологии и прикладных наук, таких как психотерапия и социальная работа. Оно предлагает научное осмысление того, как типы привязанности формируют межличностные взаимодействия, а также открывает перспективы для будущих междисциплинарных исследований, учитывающих генетические, гормональные и социальные детерминанты.

Целью данной публикации является обобщение эмпирических данных о сходствах и различиях в формировании стилей привязанности у мальчиков и девочек, а также их переносе во взрослые отношения.

Материал и методы. Исследование представляет собой систематический обзор литературы, мета-анализов и кросс-культурных сравнений, опубликованных в период с 1999 по 2020 г. Анализ проводился на основе ключевых источников по эволюционной психологии, теории привязанности и гендерным различиям, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах (*Personality and Individual Differences*, *Child*

Development Perspectives, *Handbook of Attachment* и др.) и базы данных (Google Scholar, PsycINFO). Методы включали статистический синтез результатов мета-анализов (работы М.Д. Джудиче и других) и качественное сравнение кросс-культурных данных (Северная Америка, Европа, Азия, Ближний Восток, Африка, Китай). Учитывались различные возрастные периоды (младенчество, детство, взрослость), гормональные влияния (адренархе) и экологические условия (стресс, смертность, фертильность).

Результаты и их обсуждение. Классическая теория привязанности, разработанная Дж. Боулби, исходила из того, что система привязанности носит универсальный характер и не зависит от пола ребенка [1, с. 15]. Главной ее функцией считалось выживание младенца посредством удержания взрослых поблизости. Мальчики и девочки в младенчестве сталкиваются с одинаковыми угрозами для здоровья и выживания и нуждаются в одинаковой защите и инвестициях со стороны воспитателей. Таким образом, нет эволюционных причин ожидать, что младенцы должны развивать полодифференцированные стили привязанности. Однако развитие эволюционной психологии позволило пересмотреть данный взгляд и выдвинуть предположение, что половые различия в привязанности являются результатом адаптации и служат для реализации репродуктивных стратегий [2, с. 47].

Современные исследования показывают, что хотя у младенцев действительно отсутствуют половые различия в типах привязанности, начиная со среднего детства мальчики и девочки демонстрируют уже различные модели привязанности. Эти различия усиливаются в подростковом возрасте и сохраняются во взрослой жизни [3, с. 128].

Типы привязанности также влияют на родительство, заботу и даже на чувствительность людей к опасности. Эти выводы убедительно оспаривают стандартную нейтральную по отношению к полу модель, стили взрослой привязанности имеют значение для размножения и воспитания детей, также эволюционные соображения предполагают, что они не должны быть одинаково распределены между полами.

Все организмы распределяют ресурсы между ростом, поддержанием и воспроизводством.

В условиях безопасной и предсказуемой среды формируется стратегия позднего размножения и высоких родительских инвестиций, а в условиях высокой смертности и неопределенности — стратегия раннего воспроизводства и низких инвестиций [4, с. 113].

Согласно теории родительских инвестиций мужчины и женщины сталкиваются с разными репродуктивными компромиссами [5, с. 141]. Мужчины, как правило, чаще прибегают к стратегиям краткосрочного спаривания и избеганию близких обязательств. Женщины, напротив, склонны формировать устойчивые отношения, требуя долгосрочных инвестиций со стороны партнеров. Это отражается в соответствующих стилях привязанности.

Половые различия во взрослом возрасте. Мета-анализ М.Д. Джудиче [6, с. 194] показал, что мужчины в среднем демонстрируют более высокий уровень избегающего типа привязанности, а женщины — более высокий уровень тревожности. Эти различия наиболее выражены в западных и ближневосточных странах и менее заметны в регионах с высоким уровнем неблагоприятных условий, смертности и фертильности (включая несколько африканских стран) [7, с. 309]. По мере усиления экологического стресса избегание увеличивается (тревожность уменьшается) у обоих полов, но более резко у женщин, что сужает разрыв между полами. Главным исключением из этой закономерности является Китай, где половые различия очень малы.

Функционально избегание интерпретируется как стратегия минимизации обязательств и склонность к краткосрочным связям, тогда как тревожность связана с попыткой максимизировать получаемые инвестиции и гарантировать надежность партнера [5, с. 98]. В более суровых экологических условиях предпочтительны стратегии с низким уровнем обязательств, и избегание возрастает параллельно с предпочтением случайных сексуальных связей и отсутствием эксклюзивности отношений. Мужчины потенциально могут получить большие репродуктивные преимущества от сексуальных отношений с несколькими партнерами; соответственно, они демонстрируют более высокое избегание и, по-видимому, становятся более избегающими и менее тревожными в стрессовых условиях. Ожидается, что женщины будут реагировать тревожными стратегиями, способствующими продолжению инвестиций — даже за счет благополучия и удовлетворенности парой — и могут переключиться на отношения

с низким уровнем обязательств в более суровых условиях, чем мужчины. На другом конце спектра безопасная среда и высокая безопасность привязанности должны способствовать согласованию репродуктивных интересов мужчин и женщин, способствуя взаимным обязательствам и совместным инвестициям в воспитание детей.

Гендерные роли эволюционно предопределяют привязанность: женщины тревожны для защиты, мужчины избегают для конкуренции. Половые различия выделяют основную стратегию: мужчины — спаривание, женщины — родительство. Эволюционная гипотеза диктует распределение ресурсов между ростом, размножением, спариванием и родительством. Тогда как безопасная среда ведет особей — к качеству потомства; стресс — к количеству.

В основе эволюционной теории социализации лежало утверждение, что отношения привязанности в первые годы жизни предоставляли потомству важные экологические сигналы о риске и неопределенности, сигналы, которые могли быть использованы для формирования развития их репродуктивных стратегий по мере взросления. Когда окружающая среда (как физическая, так и социальная) безопасна и предсказуема, оптимально позднее размножение и высокие родительские усилия, что ведет к репродуктивной стратегии, ориентированной на воспитание многочисленного и высококачественного потомства; это «безопасная» стратегия. С другой стороны, когда риск и неопределенность возрастают, оптимальной стратегией является стратегия, включающая более раннее размножение, более высокие усилия по спариванию и меньшие родительские инвестиции в большее число детей; это базовая «небезопасная» стратегия. Мужчины и женщины сталкиваются с разными компромиссами в своих репродуктивных стратегиях. Мужчины, по сравнению с женщинами, обычно участвуют в более сильной конкуренции с представителями своего пола для привлечения партнеров, склонны вкладывать больше в спаривание, чем в родительские усилия, и более склонны к поддержанию краткосрочных сексуальных отношений со многими партнерами, чем к приверженности долгосрочным, моногамным парным отношениям.

Половые различия в детстве. В младенчестве и раннем детстве половые различия в стилях привязанности не выявляются [1, с. 67]. Однако начиная с 6–7 лет мальчики чаще демонстрируют избегающее поведение, а девочки — тревожное

или амбивалентное [8, с. 28]. Этот возраст совпадает с адренархе — гормональной перестройкой, запускающей развитие полодифференцированных стратегий. Исследования задокументировали устойчивые различия, отражающие те, что наблюдаются во взрослом возрасте: мальчики демонстрируют более высокий уровень избегания, а девочки — более высокий уровень тревожности. Эта закономерность была воспроизведена в Северной Америке, Европе, Израиле, Южной Корее и Китае с использованием размерных оценок из опросников и категориальных классификаций из заданий с играми. К тому же, мальчики постоянно демонстрируют более высокую дезорганизацию — интригующий вывод, учитывая, что ранняя дезорганизация является предшественником отвергающих стратегий в подростковом возрасте (сепарация).

Кросс-культурные исследования подтверждают универсальность вышеназванного процесса: данные получены в выборках из Европы, Азии и Северной Америки [9, с. 21].

В эволюционной психологии половые различия в романтической привязанности, ожидаемые во взрослом возрасте на основе анализа репродуктивных стратегий, но отсутствующие в младенчестве, возникают в среднем детстве как часть психофизиологического процесса, обеспечивающего адаптацию к миру с половой дифференциацией. Эта модель переосмысливает подходы теории жизненной истории к привязанности и репродуктивным стратегиям, объясняя половые различия через призму родительских инвестиций и полового отбора, а также описывая путь от стилей привязанности младенцев к зрелым, сексуально дифференцированным стратегиям. В предвидении половых различий у взрослых модель прогнозирует смещение небезопасных стилей: мальчики склонны к повышенному избеганию, девочки демонстрируют более высокую тревожность при умеренном экологическом стрессе, но переходят к избеганию в условиях высокого стресса. У взрослых избегание выступает частью стратегии с низкими инвестициями и обязательствами, выгодной для мужчин, что согласуется с данными о факультативности отцовских инвестиций в человеческих популяциях. Тревожность, напротив, служит механизмом обеспечения инвестиций от родственников и партнеров, особенно при ограниченных вложениях партнера, в контексте кооперативного размножения.

Переход от отсутствия половых различий в младенчестве к их проявлению во взрослом

возрасте происходит через частичную реорганизацию системы привязанности в начале среднего детства, около 7 лет (с индивидуальными и географическими вариациями). В этом периоде дети увеличивают конкуренцию за социальный статус в группе сверстников и практикуют взрослые, полодифференцированные стратегии поведения (борьба, родительство, добывание ресурсов) через социальную игру. Среднее детство аналогично ювенильной стадии приматов, когда формируются социальные роли с долгосрочными последствиями для развития, усиливая внутривидовую конкуренцию за статус. Здесь ожидается первое проявление полового отбора на поведение. Эмпирические данные подтверждают смещение небезопасных паттернов: мальчики выше в избегании, девочки — в тревожности, отражая взрослые романтические стили. Избегающая привязанность, ассоциированная с агрессией и завышенной самооценкой, интерпретируется как стратегия поиска статуса для мальчиков, ориентированных на усилия по спариванию, раннее размножение и риск. Роль тревожности у девочек менее ясна: зависимое, близостно-ориентированное поведение может быть выгодным в женских групповых отношениях. Некоторые данные предполагают связь с реляционной агрессией в конкуренции сверстниц, хотя исследования фокусировались на физической агрессии, оставляя эту гипотезу непроверенной.

Механизм развития — нейробиологический «переключатель», где адренархе играет центральную роль. Адренархе, или адреналовое половое созревание, — эндокринное событие в 5–8 лет, когда надпочечники секретируют адреналовые андрогены. Эти гормоны слабо влияют на физическое развитие, но преобразуются в эстрогены или андрогены в тканях, оказывая нейромодуляторные эффекты, включая регуляцию стресса и привязанности, индуцируя половую дифференциацию. Связь с гормонами позволяет проявиться генетическим эффектам: взрослые паттерны привязанности умеренно наследуемы, в отличие от младенческих, и ассоциированы с аллелями. Однако средовые влияния сохраняются: низкое качество родительских инвестиций и супружеский конфликт в раннем детстве предсказывают ранний адренархе у мальчиков и девочек (6–7 лет) и преждевременное половое созревание у девочек (10–11 лет).

Центральное понятие — ювенильный переход от раннего к среднему детству как гормонально опосредованный поворотный момент,

интегрирующий экологические и генетические факторы для сексуально дифференцированной репродуктивной стратегии. Последствия затрагивают не только привязанность, но и коварирующие черты: сексуальность, доминирование, агрессию, доверие, сотрудничество и риск. Теория жизненной истории с ювенильным переходом объясняет (а) логику индивидуальной вариации в личностных и социальных доменах и (б) пути сексуальной дифференциации.

С позиции онтогенеза и жизненной истории прямое сравнение детской и взрослой привязанности некорректно: система привязанности проходит ряд качественных реорганизаций, соответствующих смене ее основной адаптивной функции на разных этапах жизненного цикла.

С эволюционной и жизненной перспективы бессмысленно напрямую сравнивать привязанность младенца и взрослого: это одна и та же система, но на разных этапах жизни она радикально реорганизуется чтобы соответствовать меняющимся адаптивным задачам.

Методологические вопросы. Результаты исследований зависят от метода оценки. Интервью о привязанности (ААИ) фиксируют слабые различия, тогда как самоотчетные опросники выявляют устойчивые половые эффекты [2, с. 119]. Это объясняется тем, что интервью отражают воспоминания о родительских отношениях, тогда как опросники более чувствительны к стратегиям размножения. Дополнительное влияние оказывают культурные факторы, уровень стресса и материнская забота, а также генетическая предрасположенность [10, с. 143].

Заключение. Половые различия в стилях привязанности являются устойчивым феноменом, подтверждаемым эмпирическими данными. Они отсутствуют у младенцев, но формируются в среднем детстве и усиливаются в зрелом возрасте. Эти различия отражают различные репродуктивные стратегии мужчин и женщин, модифицируемые культурными и экологическими условиями.

Современная теория привязанности должна учитывать эволюционные механизмы, гормональные изменения и социальные детерминанты. Перспективным направлением остается проведение лонгитюдных исследований, объединяющих биологические, культурные и психологические факторы.

Половые различия в привязанности — адаптивны, возникают в детстве, отражают репродуктивные стратегии. Это подтверждают и обновленные данные, добавляя связи с сексуальностью человека и терапией в целом. Интеграция эволюции с психологией открывает пути для исследований, включая генетические.

Литература

1. Боулби, Д. Привязанность / Д. Боулби; пер. с англ. — М.: Акад. проект, 2003. — 477 с.
2. Микулинчер, М. Привязанность в жизни взрослого человека. Теория, исследования и терапия / М. Микулинчер, П.П. Шейвер. — М.: Когито-Центр, 2016. — 560 с.
3. Del Giudice M. Sex differences in romantic attachment: a facet-level analysis / Del Giudice M. // *Personality and Individual Differences*. — 2016. — Vol. 88. — P. 125–128.
4. Del Giudice M. Evolving attachment theory: beyond Bowlby and back to Darwin / Del Giudice M., Belsky J. // *Child Development Perspectives*. — 2010. — Vol. 4. — P. 112–113.
5. Simpson, J.A. Attachment theory within a modern evolutionary framework / J.A. Simpson, J. Belsky // *Handbook of Attachment*. — 3rd ed. — New York: Guilford, 2016. — P. 91–116.
6. Del Giudice M. Sex differences in romantic attachment: a meta-analysis / Del Giudice M. // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2011. — Vol. 37. — P. 193–214.
7. Schmitt, D.P. Are men universally more dismissing than women? Gender differences in romantic attachment across 62 cultural regions / D.P. Schmitt // *Personal Relationships*. — 2003. — Vol. 10. — P. 307–331.
8. Del Giudice M. Attachment in middle childhood: an evolutionary-developmental perspective / Del Giudice M. // *New Directions for Child and Adolescent Development*. — 2015. — № 148. — P. 15–30.
9. Гири, Д.С. Мужчина, женщина. Эволюция половых различий / Д.С. Гири. — М.: Акад. проект, 2013. — 448 с.
10. Chisholm, J.S. Death, hope, and sex: Steps to an evolutionary ecology of mind and morality / J.S. Chisholm. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 301 p.

Поступила в редакцию 09.09.2025

Агиевец Светлана Владимировна — заведующий отделом социологии социальной сферы Института социологии НАН Беларуси, кандидат юридических наук, доцент.

Андреева Ирина Николаевна — профессор кафедры технологии и методики преподавания Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, доктор психологических наук, профессор.

Борботько Павел Валентинович — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Ванкевич Елена Васильевна — профессор кафедры «Экономика и электронный бизнес» Витебского государственного технологического университета, доктор экономических наук, профессор.

Гасанов Артур Павлович — старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Ивашкевич Елена Францевна — заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Кухтова Наталья Валентиновна — заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Лаптёнок Сергей Антонович — доцент кафедры ядерных и медицинских технологий Международного государственного экологического института имени А.Д. Сахарова БГУ, кандидат технических наук, доцент.

Лебедева Ксения Олеговна — преподаватель кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, аспирант.

Мирончик Владислав Вячеславович — аспирант кафедры «Экономика и управление народным хозяйством» Витебского государственного технологического университета.

Морозова Наталья Николаевна — заведующий отделом экономики сферы услуг Института экономики НАН Беларуси, кандидат экономических наук, доцент.

Покоро Алеся Александровна — студентка 3 курса специальности «Практическая психология» Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой.

Скорая Ксения Викторовна — преподаватель-стажер кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.

Солодовников Сергей Юрьевич — заведующий кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, доктор экономических наук, профессор.

Сотникова Елена Игоревна — старший преподаватель кафедры экономики и информационных технологий международного университета «МИТСО».

Стальмакова Юлия Викторовна — аспирант кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Шматков Игорь Иванович — заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Яковина Любовь Васильевна — соискатель ученой степени кандидата психологических наук при кафедре социальной и организационной психологии Белорусского государственного университета.

Agiyevets Svetlana Vladimirovna — Head of the Department of Sociology of the Social Sphere of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, PhD (Law), Assistant Professor.

Andreyeva Iryna Nikolaevna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk.

Borbotko Pavel Valentinovich — Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (History), Assistant Professor.

Vankevich Elena Vasilyevna — Professor of Vitebsk State Technological University Department of Economics and E-Business, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Gasanov Artur Pavlovich — Senior Lecturer of the Institute of Management Stuff of the Academy of Administration at the President of the Republic of Belarus Department of Constitutional and Administrative Law.

Ivashkevich Elena Frantsevna — Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Education), Assistant Professor.

Kukhtova Natalya Valentinovna — Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Laptenok Sergei Antonovich — Assistant Professor of BSU Department of Nuclear and Medical Technologies of A.D. Sakharov International State Ecology Institute, PhD (Technical Sciences), Assistant Professor.

Lebedeva Kseniya Olegovna — postgraduate student, lecturer of the Department “Economics and Law”, Belarusian National Technical University.

Mironchik Vladislav Vyacheslavovich — postgraduate student of Vitebsk State Technological University Department of Economics and Management of National Economy.

Morozova Natalya Nikolayevna — Head of Institute of Economics of the NAS of Belarus Department of Service Economy, PhD (Economics), Assistant Professor.

Pokoro Alesia Aleksandrovna — 3rd year Practical Psychology student of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk.

Skoraya Kseniya Viktorovna — trainee teacher of Belarusian National Technical University Department of Economics and Law.

Solodovnikov Sergey Yuryevich — Head of the Department of Economics and Law of Belarusian National Technical University, Doctor of Economics, Professor.

Sotnikova Elena Igorevna — Senior Lecturer of International University MITSO Department of Economics and Information Technologies.

Stalmakova Yuliya Viktorovna — postgraduate student of Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics Department of Engineering Psychology and Ergonomics.

Shmatkov Igor Ivanovich — Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Civil Law and Civil Process, PhD (Law), Assistant Professor.

Yakovina Liubov Vasilyevna — PhD applicant (Psychology) of Belarusian State University Department of Social and Organizational Psychology.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белом, русском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1; 2]. Список литературы оформляется в со-

ответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров — не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1; 2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews — at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 10.12.2025. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 9,69. Тираж 71 экз. Заказ 143.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.